

ВЕСТНИК ГУМАНИТАРНОГО ФАКУЛЬТЕТА

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА ТЕЛЕКОММУНИКАЦИЙ
им. проф. М.А. БОНЧ-БРУЕВИЧА

Научно-теоретический журнал
Издается с 2004 года

№ 9 / 2017

Специальный выпуск,
посвященный

**XIX Международному Балтийскому
коммуникационному форуму
30 ноября – 2 декабря 2017 года**

С.-Петербург
2017

Специальный выпуск
по материалам конференции преподавателей
«Социогуманитарное знание
в условиях трансформации общества»
на
XIX Международном
Балтийском коммуникационном форуме
«Глобальные и региональные коммуникации:
настоящее и будущее»

Редакционная коллегия:

*Е.В. Белова, Е.И. Кузнецова, Т.П. Савельева, В.Л. Селивёрстов,
Е.А. Тереньева, А.Ю. Цыгоняева, А.С. Чернов, Д.В. Шутман,
М.В. Яценко*

Председатель редакционной коллегии:
декан гуманитарного факультета СПбГУТ С.А. Лосев

*Печатается по решению
Ученого совета гуманитарного факультета
Санкт-Петербургского государственного университета
телекоммуникаций*

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I. ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА СОВРЕМЕННЫХ КОММУНИКАЦИЙ

<i>Андрьянова-Качеишвили Л.Т., Кузнецова Е.И., Шутман Д.В.</i> Политическая коммуникация в виртуальных социальных сетях	7
<i>Антонов С.Н., Нур Д.А., Ситникова Т.А.</i> Продвижение на российском арт-рынке современного искусства.....	15
<i>Барг А.О.</i> Риски для здоровья населения промышленного региона: к вопросу построения эффективного диалога власти и общества	19
<i>Белова Е.В.</i> Творчество в организациях и организационное творчество как основы инновационного лидерства	23
<i>Белова Е.В., Яковлев О.А.</i> Лидеры и последователи: историко-психологический взгляд	30
<i>Кирьянова Н.В.</i> К вопросу истории современных государственных праздников и их роли в формировании общественного мнения.....	38
<i>Кульназарова А.В.</i> Электронная демократии: теоретические модели	44
<i>Лебедева-Несевря Н.А.</i> Критерии эффективности рискованной коммуникации в сфере здоровья.....	50
<i>Нешитов П.Ю.</i> Социологический взгляд на средства массовой информации.....	54
<i>Фейлинг Т.Б.</i> Развитие рынка интегрированных коммуникаций в России.....	60
<i>Хашковский А.В.</i> Новые медиа и социум	65

Раздел II. СОВРЕМЕННАЯ ФИЛОЛОГИЯ
И ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ
ДИСЦИПЛИН СТУДЕНТАМ НЕФИЛОЛОГИЧЕСКИХ
ФАКУЛЬТЕТОВ

<i>Алёшин А.С.</i> Рецепция творчества Й.Л. Рунеберга в Финляндии, Швеции и России	70
<i>Белова Е.Н.</i> Роль научно-исследовательской деятельности при формировании грамматической компетенции студентов неязыковых вузов в условиях информатизации языкового образования	75
<i>Вязьмин А.Ю.</i> К истории дискурса о структурно-феноменологической фонопоэтике	81
<i>Желтова Е.П.</i> Case-study как средство развития иноязычной коммуникативной компетенции студентов технического вуза	87
<i>Землякова К.В.</i> Законы сочетаемости слов (на фразеологическом материале русского и английского языков)	93
<i>Игнатьева Н.В., Митина Н.В.</i> Использование учебных презентаций в обучении профессионально ориентированному иностранному языку и методика их оценки	98
<i>Махонина И.Н.</i> Процесс формирования английского языка как лингва-франка (ELF) и современные подходы к его преподаванию	102
<i>Николаева Н.В.</i> Изучение фразеологизмов как средство формирования грамматической компетенции	108
<i>Парицкая Т.И.</i> Использование ментальных карт на занятиях по английскому языку в техническом вузе	113
<i>Рябуха О.В.</i> Использование интертекстуальных связей в рассказах Чехова и Дж. К. Оутс «Дама с собачкой».....	118
<i>Савельева Т.П.</i> Языковая интеграция в англоязычную среду	123
<i>Серебрякова С.Г.</i> Организация разрозненных фрагментов в единое целое в нелинейном художественном повествовании Энди Кэмпбелла “Trap”	129
<i>Соколова А.В.</i> Особенности датской терминологии международного морского права	135

<i>Соколова Ю.М.</i> Значение социокультурного аспекта иноязычного образования при подготовке к работе в интернациональной команде	139
<i>Федорова О.М.</i> Образовательное целеполагание в продуктивной лингводидактической технологии	143
<i>Яценко М.В.</i> Концепт греха в древнеанглийской поэме «Даниил»	148

Раздел III. СОЦИОГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

<i>Булатова А.Б.</i> К вопросу о мотивации бакалавров регионоведения	155
<i>Востров А.В.</i> Аландский вопрос в предвоенное время и в годы Первой мировой войны	161
<i>Зобова М.Р., Родюков А.Ф.</i> Дальнейшая разработка акмеологии в свете достижений современных социогуманитарных наук (синергетический подход)	166
<i>Корнев В.В.</i> Влюбленность во власть как когнитивная проблема	171
<i>Мальчёнкова А.Е.</i> Правонарушения и преступления несовершеннолетних учащихся образовательных учреждений в контексте стиля жизни	179
<i>Решетникова М.А.</i> Особенности цифровой дипломатии России и Финляндии: сравнительный анализ	184
<i>Селивёрстов В.Л.</i> (Не)возможность (не)видеть. Заметки профессионального дилетанта 2.0	190
<i>Стрельникова Т.В.</i> Самоуправляемая рабочая команда как форма организационного самоуправления	195
<i>Цверианашвили И.А.</i> К вопросу о реализации Швецией политики устойчивого развития на современном этапе	196

Раздел IV. К 100-ЛЕТИЮ СОБЫТИЙ 1917 г. В РОССИИ — РЕВОЛЮЦИИ В МИРОВОЙ ИСТОРИИ

<i>Гехт А.Б.</i> Революция 1917 года в России в воспоминаниях Улофа Ашберга «Странствующий еврей с Гласбрюксгата»	201
---	-----

<i>Извозик В.С.</i> Герои и антигерои Великой Российской революции. 1917–1922 гг.	214
<i>Терентьев В.О.</i> 1-й Кронштадский крепостной батальон в Первой Русской Революции	221
<i>Терентьева Е.А.</i> Эдвард Хайд, граф Кларендон, и Английская революция.....	227
<i>СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ</i>	234

Раздел I. ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА СОВРЕМЕННЫХ КОММУНИКАЦИЙ

УДК 659.4

*Л.Т. Андриянова-Качеишвили,
Е.И. Кузнецова, Д.В. Шутман*

Политическая коммуникация в виртуальных социальных сетях

*L.T. Andriyanova-Kacheishvili,
E.I. Kuznetcova, D.V. Shutman*

Political communication in the virtual social networks

Аннотация. Без мировой паутины невозможно представить сегодня современный мир. В глобальной сети миллионы людей просматривают свою ежедневную почту, читают новости, общаются, узнают о различного рода событиях, продают рекламу, а также налаживают деловую коммуникацию. Политический субъект для выстраивания коммуникации с аудиторией вынужден задействовать интернет-сайты, социальные сети, почтовую рассылку и тому подобные ресурсы. В статье анализируются основные каналы политической коммуникации в виртуальных социальных сетях, изучаются их особенности.

Ключевые слова: Интернет, политическая коммуникация, социальные сети.

Abstract. The article gives a comprehensive analysis of political communication in the virtual space. The attention is focused on the use of new Internet technologies to the objectives of political communication stakeholders.

Key words: political communication, Internet, Internet-technologies.

Современное общество обращается к новым формам социального взаимодействия, общение между людьми переходит из реального мира в виртуальный. Процесс коммуникации видоизменился: если раньше люди предпочитали общаться при личной встрече, то теперь всё происходит посредством Интернета и в частности виртуальных социальных сетей. Под коммуникацией понимается специфический обмен информацией, в результате которого происходит процесс передачи информации интеллектуального и эмоционального содержания от отправителя к получателю [1]. Развитие новых информационно-коммуникационных технологий отразилось не только на обычной жизни, но и на политической сфере. В современной России пользователи Интернета представляют собой растущую часть населения, которую политики уже не в силах игнорировать. Им приходится подстраиваться под новые способы взаимодействия со своими избирателями в интернет-пространстве. Для политических авторов работа в Сети может строиться на постоянном информационном присутствии, целью которого является информационное воздействие на активную часть пользователей, которые формируют общественное мнение, и возможности мониторинга в целом.

В современных условиях важную роль играет социальный диалог между властью и обществом, необходимо обратить внимание на данный фактор как ключевой в системе политической коммуникации. Посредством коммуникации передаются информативные сведения, связанные с установлением и поддержанием контакта между субъектами политики. Субъектами политических коммуникаций является власть, политические партии и электорат. Под термином «политическая коммуникация» принято понимать процесс выработки, передачи и обмена политической информацией, которая структурирует политическую деятельность и придает ей новое значение [2]. Политическая коммуникация должна быть планируемой и реализовывать определенные цели. Она предполагает различные виды коммуникационных действий в обществе, которые оказывают влияние на политику. Важной стороной политико-коммуникационных действий является передача, перемещение и оборот политической информации, которая представляет совокупность знаний, сведений, событий в политической сфере общества. Одним из свойств политической коммуникации является целенаправленный, полный и точный, проверяемый поток информации о политической деятельности, процессах и явлениях. Посредством политической коммуни-

кации передаются демократические принципы развития, культурные ценности общества и политические права человека.

Информационно-коммуникационные технологии — это технологии, предназначенные для совместной реализации информационных и коммуникационных процессов. Технологии политической коммуникации в Интернете направлены на построение интерактивного диалога, обратную связь, а не на монолог, который характеризует традиционные средства массовой информации. К интерактивной форме политической коммуникации можно отнести социальную коммуникацию, которая осуществляется с помощью виртуальных социальных сетей, а Сеть предоставляет пользователю возможность выбора, что и сколько смотреть. Это объясняет, почему данное средство массовой коммуникации является приоритетным для большой аудитории. В целях своей популяризации политикам приходится подстраиваться под новые информационные каналы. Они стремятся открывать личные сайты, блоги и аккаунты. Под аккаунтом понимается защищенная паролем учетная запись пользователя какого-либо сетевого ресурса. Политики, создавая сайты, страницы в социальных сетях, делают это для поддержания и создания себе нужной репутации, популяризации имиджа и продвижения в определенных слоях населения. Под влиянием данной тенденции политики становятся зависимыми от профессионального планирования и управления имиджем и испытывают необходимость поиска новых способов самопрезентации в медиaprостранстве.

Привлечение внимания Интернет-сообщества к своей персоне — одна из главных задач политической коммуникации в Сети. А для того, чтобы привлечь внимание, необходимо создавать информационные продукты, которые будут интересны пользователям. Специфика общения посредством Интернета — это быть в тренде, уметь видеть, какая информация о политической деятельности будет интересна, а какая может быть просто не нужна. Под интерактивностью понимается принцип организации системы, при котором цель достигается информационным обменом элементов этой системы. Интерактивность предполагает получение информации самым быстрым способом, что же касается виртуальных социальных сетей, то тут все еще проще: пользователи мгновенно обмениваются сообщениями, общаются в чате или с помощью комментариев к тем или иным событиям. Сеть Интернет дает огромный охват аудитории, доступность информации и интерактивность, всё это приво-

дит к новым способам ведения политической коммуникации. Интернет-сообщество готово к интерактивному взаимодействию с участниками политического процесса как в период избирательных кампаний, так и в процессе реализации повседневных функций государственного управления [4].

Интерактивный диалог — это прежде всего отсутствие посредников. Социальные сети и Интернет дают возможность прямого доступа правительства к населению, населению — к власти без вмешательства и манипуляционного воздействия со стороны средств массовой информации. В современных условиях встает вопрос о новых видах управления в Сети, уже давно ведутся дискуссии на тему электронной демократии и электронного правительства. Под электронной демократией понимается форма демократии, характеризующаяся использованием информационно-коммуникационных технологий как основного средства для коллективных мыслительных и административных процессов на всех уровнях — начиная с уровня местного самоуправления и заканчивая международным [5]. Интернет-сообщество вполне может стать частью традиционной политической деятельности. Интернет-каналы дополняют, возобновляют традиционные формы политического выражения и взаимодействия, дают возможность людям идти по новому пути демократического участия. Различные исследования показывают, что обсуждения, которые происходят в Интернете, ничем не отличаются по влиянию и эффективности от дискуссий лицом к лицу.

Природа Интернета в качестве дискуссионной среды с новыми технологиями, такими как социальные сети, блоги, форумы делает отношения между политическим общением и «онлайн-участием» все интереснее. Простота использования новых каналов связи породила взрыв активности снизу вверх в политической сфере. Люди могут построить более активную и значимую коммуникацию с официальными учреждениями и представителями власти, что дает им право выразить свое мнение более свободно и открыто. Активистами в Интернет-пространстве стали блоггеры. Интернет может привести элиту и общественность на встречу друг к другу, что позволяет облегчить выражение своего мнения избранным должностным лицам и журналистам. Интернет-сообщество стало более активно интересоваться политической сферой. С помощью Интернета и виртуальных социальных сетей появляется возможность мобилизовать людей для активных действий и политического участия

в жизни страны. От властных структур требуется прислушиваться к интернет-сообществу, вести диалог и дискуссии в принятии общенациональных решений и предоставлять полную информацию по этим вопросам. Интернет и весь комплекс информационных технологий позволяет получать гораздо более полное представление о происходящем и делает людей более осведомленными об окружающем мире, о реальном положении дел в своей стране и о том, кто и почему ими правит [5].

Поэтому необходимость работы с Интернетом и социальными сетями очень важна не только для политиков, но и для населения страны. Интернет-сообщество играет важную роль в освещении политических событий и помогает увидеть происходящее в другом ракурсе, в отличие от традиционных средств массовой информации. Но эти методы не ослабляют коллективных форм политического участия, в которых человек взаимодействует с другими людьми в попытке совместно влиять на политику. Наоборот, «оффлайн» и «онлайн» формы политического участия представляются развивающимися одновременно. Интернет и социальные сети стимулируют политическую активность и развивают дискуссии по проблемным вопросам. И даже если кто-то чувствует себя политически бессильным, Интернет и социальные сети помогают высказать свои замечания и найти пути решения политически значимых вопросов. Поэтому вопрос об электронной демократии, взаимодействии в социальных сетях муссируется и обсуждается постоянно. Интернет позволяет людям при минимальных затратах мгновенно распространить, узнать и найти политическую информацию, что вносит непосредственный вклад в гражданское и политическое участие. Современные технологии коммуникации определяют на данный момент специфику распространения и формы потребления информации, позволяя совершенно в немыслимых ранее форматах осуществлять информационно-коммуникационное взаимодействие между конечными пользователями [6].

Новые формы политической коммуникации предоставляют власти возможность взаимодействовать с обществом напрямую и направлять информацию конкретным целевым аудиториям. Разделить пользователей на конкретные группы особенно просто в социальных сетях. В поисковиках социальных сетей очень просто поставить отметки возраста, региона, предпочтений и даже политических взглядов.

Виртуальные социальные сети находятся на пике своей популярности. Говоря о социальных сетях необходимо разделять «оффлайновые»

и «онлайновые» сети. Под «оффлайновыми» сетями принято понимать социальную структуру, состоящую из людей, групп, организаций, сообществ, связанных тем или иным способом социальных взаимоотношений. Под виртуальными социальными сетями принято понимать интернет-сообщество пользователей, объединенных по каким-либо общим признакам для совместного общения.

В Интернете социальная сеть — это программный сервис, площадка для взаимодействия между людьми в группе или группах. Виртуальная социальная сеть представляет собой сайт для общения между пользователями. В социальных сетях собираются люди, имеющие различные социальные статусы и интересы. Особенностью социальных сетей является то, что контент пополняется их участниками. Социальные сети стали хорошим источником обеспечения посещаемости различных сайтов, а для интернет-среды — одним из средств генерации контента.

Сравнительно недавно социальные сети появились в России. На сегодняшний день в Рунете существует масса различных социальных сетей. Они могут различаться по определенным признакам, критериям и тематике, но всё же у большинства есть общие черты. Во всех социальных сетях предусмотрена регистрация, т. е. каждый пользователь должен указать некоторую информацию для идентификации, а именно: пароль, логин, имя. Рассмотрим типологию виртуальных сетей.

Основными видами являются:

- 1) Контактные социальные сети («ВКонтакте», Facebook).
- 2) Блог — это публичный дневник с комментариями, которые ведет автор. Блоги — специализированные площадки с набором различных сервисов. В Рунете все блоги объединены в единую «блогосферу». Популярным блогом в России является LiveJournal (Живой Журнал).
- 3) Микроблоги, в них существует ограничение по написанию количества текста, приблизительная длина одного поста 140 символов (Twitter).
- 4) Тематические социальные сети, объединения пользователей по узкому кругу интересов и деятельности.
- 5) Форумы — это виртуальные площадки для общения или обсуждения, каких-либо событий, действий. Они создаются под определенную тему общения.
- 6) Видеохостинги — это сайты, с помощью которых можно загружать и просматривать видео (YouTube, RuTube).

7) Фотохостинги позволяют загружать фотографии пользователей.

8) Социальные закладки — это средство, с помощью которого пользователи могут создавать, делиться, искать и управлять закладками веб-ресурсов.

9) Социальные каталоги и библиотеки — собственная подборка материалов.

10) Социальные медиа — это площадки пользователей, которые занимаются журналистикой. Пользователи могут ссылаться на свои блоги, сайты, где опубликованы интересные статьи, материалы и информация.

11) Многопользовательские онлайн-игры.

Виртуальные социальные сети объединяют миллионы пользователей, которые занимают свои определенные места в сети Интернет и выбирают по интересам свои виртуальные сети. Каждому пользователю нравятся определенные функции конкретной социальной сети. У социальных сетей нет территориального ограничения, информацию можно получать из любой точки мира. В зависимости от направленности социальной сети и ее пользователей возникает и специфика общения. Виртуальные социальные сети построены на обратной связи. При построении диалога сообщение мгновенно передается от одного пользователя к другому. Каждое сообщение сохраняется на сервере, его можно перечитать и восстановить. Поэтому при публикации событий или диалоговом общении важно учитывать контент подаваемой информации. Для построения положительной политической коммуникации в социальной сети всегда необходимо отвечать на сообщения пользователей. При передаче информации политического характера всегда анализировать реакцию пользователей на то или иное сообщение. Письменный контент политического сообщения не должен быть перегружен терминами. Для политической сферы социальные сети можно рассматривать как некое киберпродолжение гражданского общества со следующими возможностями [7]:

- как средство массовой информации
- как элемент гражданского общества
- как инструмент продвижения, выработки новых идей, агитации и пропаганды.

Для политических структур социальные сети — это возможность распространять нужную информацию, анализировать мнение потенциаль-

ного электората и отношения к власти в целом, проводить презентации политических проектов, осуществлять обратную связь с аудиторией, проводить мониторинг общественных настроений. Социальные сети используются для мобилизации сторонников, проведения различных акций. Пользователи, интересующиеся политическими процессами, сами находят информацию о политике.

Таким образом, при построении политической коммуникации в социальных сетях нужно помнить о специфике общения в Сети. Передаваемую информацию необходимо преподносить в легкой, непринужденной форме. Социальные сети можно использовать в качестве платформ создания электронной демократии и развития гражданского общества. Использование властными структурами социальных сетей дает возможность стимуляции политической деятельности пользователей. Социальные сети дают возможность построения горизонтальных связей, что позволяет напрямую обращаться к властным структурам без посредников. В социальных сетях можно проводить мониторинг общественного мнения и подавлять негатив.

Примечания:

1. *Грачев М.Н.* Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития. М.: Прометей, 2004. С. 73.

2. *Неяскин Г.Н.* Интернет в политических кампаниях США и России // URL: <http://www.hse.ru/mag/27364712/2010--5/30266967.html> (дата обращения: 8.10.2017).

3. *Щенников М.А.* Аудитория Рунета как участник политической коммуникации // URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2010/1/Shchennikov/> (дата обращения: 8.10.2017).

4. Современный общественный альтернативный проект «Концепция развития электронной демократии в России» // URL: <http://e-democratia.ru/problem/5463> (дата обращения: 8.10.2017).

5. *Волков Л., Крашенинников Ф.* Облачная демократия // URL: <http://sidenotes.ru/Book/View/18?skip=0> (дата обращения: 8.10.2017).

6. *Володенков С.В.* Новые формы политической коммуникации в современном политическом управлении: угрозы и вызовы // Государственное управление. Электронный вестник. Июнь 2011. Вып. 27. С. 1.

7. *Сазанов В. М.* Социальные сети — публичная сфера // URL: v-school.narod.ru/BOOK/virt-soc.doc (дата обращения: 8.10.2017).

**Продвижение на российском арт-рынке
современного искусства**

S.N. Antonov, D.A. Nur, T.A. Sitnikova

**Promotion on the Russian art market
for contemporary art**

Аннотация. В статье рассматривается состояние арт-рынка современного визуального искусства в России, качество его инфраструктуры, элементов продвижения, особо рассматривается видеоблоггинг как инструмент продвижения объектов современного визуального искусства.

Ключевые слова: инфраструктура арт-рынка; современное искусство в России; видеоблоггинг (влоггинг).

Abstract. The article is devoted to promotion on the Russian market of contemporary art, components and quality of the market of contemporary visual art in Russia, videoblogging as a tool for promotion and communication.

Key words: contemporary art, visual art in Russia, videoblogging.

В последние годы деятельность на арт-рынке России ведут, кроме самих художников, государственные платные площадки для проведения выставок и частные галереи. Появились легальные арт-дилеры. Состоятельные коллекционеры формируют свои собрания преимущественно произведениями классики и русского авангарда. Стал формироваться сектор инвестиционных приобретателей изобразительного искусства. Расширился спектр журналов, уделяющих внимание современному искусству.

Однако российский арт-бизнес и по масштабам, и по инфраструктуре еще существенно уступает западному.

Важнейшим условием успешного функционирования арт-рынка является формирование и развитие его инфраструктуры, обеспечивающей непрерывное продвижение художественных продуктов от художника к публике (галереи, аукционы, выставочные залы, экспертное, финан-

совое, логистическое, материально-техническое, юридическое сопровождение и т. п.).

Современный рынок отличается тем, что значительно выросли его инфраструктурные компоненты. В качестве приобретателя художественного продукта могут, как и во всем мире, выступать почитатели искусства, коллекционеры, инвесторы, государственные органы, банки, музеи, общественные организации и предприятия. К посредникам относят частных дилеров, галереи, аукционные дома, ярмарки.

Консалтинговые услуги оказывают институциональные и частные эксперты, регистраторы, оценщики, страхователи, службы охраны, логистики и аудиторы. Блок юридических услуг представляют организации, занимающиеся правовым сопровождением купли-продажи предметов искусства, формированием договорных отношений, оказывающие услуги по судебному представительству и адвокатуры, вопросам наследования и различным другим правовым аспектам [1].

Рассмотрим более подробно отдельные особенности российского арт-рынка.

1. Художники являются слабо защищенной социальной группой. Государство перестало быть доминирующим работодателем в этой сфере, а к самообеспечению самозанятые в искусстве, как правило, не готовы. Например, ст. 146 УК РФ, трактующая о защите авторских и смежных прав, не сопровождается адекватным правоприменением, существует проблема пенсионного обеспечения. В экономических и правовых вопросах ведения дел большинство художников ориентируются плохо, а возможности пользоваться услугами частных юристов и консультантов в связи с мизерностью доходов не велики, благотворительная инфраструктура этих услуг в творческих союзах крайне недостаточна.

2. Отсутствие достаточного количества салонов, галерей, аукционов, аналитических, консалтинговых, финансовых, инвестиционных и других организаций, специализирующихся на арт-бизнесе, делает инфраструктуру арт-рынка в целом неразвитой. Это следствие специфики периода первоначального накопления капитала, когда средняя норма прибыли чрезвычайно высока и вложения в консервативные инструменты ее сохранения и обеспечения этого процесса недостаточно актуальны.

3. Российский арт-рынок, традиционно находящийся «в тени», подразумевает низкую прозрачность и трудность с легитимацией заключе-

ния сделки в отличие от западных стран, где большинство сделок в сфере современного искусства происходит публично. У нас все еще слабо регламентированы в праве взаимоотношения участников рынка при совершении сделки купли-продажи произведения искусства, проведении экспертизы, рассмотрения претензий на авторское право, не отчужденное при первой продаже, уплаты комиссии по транзакции, торговых ограничений и т. д.

4. В России появился небольшой слой весьма состоятельных людей, которые традиционно считаются покупателями произведений искусства. Однако в этой социальной группе богатых первого поколения еще только складывается обычай вкладывать средства в произведения искусства, а практики тех, кто это делает, сконцентрированы преимущественно на классическом искусстве и отчасти русском авангарде как более надежных с инвестиционной точки зрения.

5. Малочислен и нестабилен средний класс, представители которого являются массовыми покупателями арт-продукции и в первую очередь заинтересованы в существовании развитого и цивилизованного арт-рынка.

6. Зачастую художники занимаются продвижением своих работ самостоятельно, пользуясь традиционными, архаичными методами. Практически на всех стадиях продвижения художественных объектов маркетинговые инструменты применяются редко. Квалифицированное позиционирование и сегментирование аудитории осуществляется эпизодически, подходы диффузного продвижения Роджерса и Басса практически отсутствуют.

7. Слабость рынка проявляется и в том, что большое количество искусствоведов не сопровождается соответствующим числом квалифицированных экспертов и оценщиков предметов искусства. При этом большинство из последних находятся в Москве и Санкт-Петербурге.

8. Арт-рынок, осваивая традиционное для искусства пространство, очень активно использует Интернет. Художники начали создавать личные сайты, странички в социальных сетях. Растет объем электронной арт-торговли.

Инструментарий продвижения в сети расширился за счет фото- и видеоблоггинга (влоггинга), предоставляющего новые возможности:

- расширяются возможности экспозиции современного искусства;
- аудитория получает возможность симметричного ответа и обсужде-

ния художественного произведения;

– доступным для экспозиции и обсуждения в сети становятся различные виды динамического, кинетического искусства, перформансы, флеш-мобы, скульптура, ландшафтный дизайн и иные объекты трехмерного искусства и т. п.;

– арт-влоггеры получают дополнительные возможности заработка от размещения рекламы;

– более демократическим становится режим ценообразования на предметы искусства, который сейчас почти полностью зависит от галерейщиков, арт-дилеров и аукционов.

Особенностью влоггинга как канала продвижения является то, что информация может транслироваться как присоединенная к «видеокартинке» на основе общего тематического контента и как содержательный компонент видеоповествования. В первом случае реклама получает эффект мультипликации за счет присоединения заинтересованной в теме аудитории. Во втором — можно наблюдать и эффект кумулятивного эмоционального усиления, который происходит в связи с сочетанием фактора личного общения с массовой коммуникацией блогосферы. К размещаемой в блоге видео- и фотоинформации добавляется существенный компонент личного доверия формированием которого обычно занимаются с помощью инструментов PR.

Примечание:

1. *Игнатова А. К.* Проблемы и технологии работы с арт-рынком // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2008. № 4. С. 122.

Риски для здоровья населения промышленного региона: к вопросу построения эффективного диалога власти и общества¹

А.О. Барз

Health risks in industrial region: why we need to improve the dialogue between authorities and society

Аннотация. В статье обосновывается необходимость реализации диалоговой риск-коммуникации власти и общества в сфере экологических рисков в регионах с высокой антропогенной нагрузкой, показана специфика восприятия рисков здоровью населением данного типа территорий, обобщен опыт многолетних исследований в данной области.

Ключевые слова: риск-коммуникация, восприятие риска, риск здоровью, внешнесредовые риски здоровью, диалог.

Abstract. The article substantiates the necessity of implementing the dialog risk communication model between the authorities, experts and population of the industrial cities. It is shown that the population percepts health risk as vital and high scared. Several examples of risk communication in industrial regions in Russia are discussed.

Key words: risk communication, risk perception, health risk, environmental health risks, dialogue.

Европейское региональное бюро Всемирной организации здравоохранения в своем докладе 2013 г. подчеркивало сохраняющееся высокое «экологическое бремя болезней» в ряде регионов, отмечая, что порядка 20% всех случаев смертности и до четверти заболеваний обусловлены экологическими факторами [1]. Это делает риск-коммуникацию власти и общества в области окружающей среды и здоровья важнейшим направлением деятельности организаций здравоохранения как на между-

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 16-16-59007).

народном, так и на национальном уровнях. Для России данная тема является особо актуальной в связи с неоднозначными тенденциями изменения состояния окружающей среды. Так, в 2015 г. по сравнению с 2014 г. в 42 субъектах РФ было отмечено сокращение количества выбросов вредных веществ в атмосферный воздух, а в 43 регионах — рост или стабилизация этих выбросов [2].

Риск-коммуникация в сфере здоровья является особым типом рискованной коммуникации в силу сущностных особенностей самого риска для здоровья, отличающих его от других типов рисков. Основные отличия заключаются в том, что риски здоровью воспринимаются большинством людей как крайне значимые и тревожащие (согласно данным Фонда «Общественное мнение», прежде всего россияне испытывают опасения и тревогу относительно здоровья своих близких (44%) и собственного здоровья (28%) [3]. Риски здоровью имеют многофакторную природу, что формирует широкий круг лиц, групп и институтов, которые могут выступать акторами рискованного поля и, соответственно, субъектами риск-коммуникации в сфере здоровья. В современном обществе пространственные и временные границы рисков здоровью расширяются, что определяет увеличение потребителей риска здоровью и переводит риск-коммуникацию на транснациональный уровень. Наконец, риски здоровью относятся к витальным рискам, а потому являются фундаментальными и всеохватывающими.

Использование нами терминов «власть» и «общество» подразумевает согласование позиций государства и обычных граждан, хозяйствующих субъектов и населения территорий, некоммерческих организаций и экспертов относительно допустимости риска.

Поведение индивида или группы, их практические действия опираются не на объективное знание, а на субъективные представления о реальности. По выражению Р. Мертона, «люди реагируют не только на объективные особенности ситуации, но и на придаваемые им значения». Для регионов с повышенной антропогенной нагрузкой характерен высокий уровень тревожности относительно рисков здоровью, связанных с окружающей средой, население склонно переоценивать их значимость и видеть в них основную причину ухудшения здоровья, независимо от установления факта действительной реализации риска. По данным мониторингового исследования Левада-Центра «Экологическая обстановка» за последние пять лет жители РФ каждый год в среднем в 70%

случаев выражают тревогу по этому поводу. Особенно это касается жителей промышленных регионов [4]. Например, по результатам формализованного опроса населения в возрасте 18 лет и старше, проживающего в Республике Бурятия в г. Закаменске (территория с неблагоприятной экологической обстановкой — основная группа) и с. Михайловка (контрольная группа), проведенного специалистами ФБУН «ФНЦ медико-профилактических технологий управления рисками здоровью населения» в 2015 г., ($n=1317$), среди горожан 37,7% полагают внешнесредовые риски здоровью очень серьезными, тогда как среди сельчан таких только 2,5% (значение коэффициента сопряженности (r) 0,51 при $p<0,001$). Причины изменения здоровья в худшую сторону в 31,8% случаев среди респондентов Закаменска связываются с неблагоприятной экологической ситуацией в городе (в Михайловке таких лишь 8,2% ($r=0,35$ при $p<0,001$)). Ухудшение здоровья наблюдают у себя 62,8% закаменцев и 47,3% респондентов контрольной группы ($r=0,2$ при $p<0,001$).

Населением районов с высокой антропогенной нагрузкой риск воспринимается не как ситуация неопределенности с вероятностью наступления неблагоприятного события, но как постоянный процесс негативного воздействия, влекущий за собой постепенное ухудшение здоровья. Даже те респонденты, которые не жалуются на состояние своего здоровья, уверены, что здоровье могло бы быть значительно лучше при отсутствии внешнесредовых факторов риска (Формализованный опрос населения Пермского края в возрасте 18 лет и старше, проведенный специалистами ФБУН «ФНЦ медико-профилактических технологий управления рисками здоровью населения» в 2010 ($n=419$) и 2015 ($n=300$) гг.).

В рамках диалоговой риск-коммуникации одной из задач органов власти является нивелирование социального конфликта между потребителями и производителями риска, снижение социальной напряженности и в то же время обеспечение принятия эффективных решений, способствующих успешному социально-экономическому развитию территории. Задачей же экспертного сообщества выступает насыщение коммуникативного поля риска научно обоснованными данными о его значениях и механизмах снижения.

Диалоговая риск-коммуникация предполагает открытую двухстороннюю коммуникацию, в рамках которой обмен информацией вызывает изменения во всех ее субъектах. Успешность реализации диалоговой риск-коммуникации определяется общими ценностями акторов ком-

муникационного процесса, отказом от узких, «партикулярных» интересов. Социально-практический аспект риск-коммуникации проявляется в том, что ее целью является совместная выработка решений по управлению рисками и планирование их реализации. Когда же речь идет о простом информировании о рисках, предполагается, что среди заинтересованной части населения распространяются уже принятые решения по контролю риска [5].

Успешным примером реализации диалоговой риск-коммуникации власти и общества в сфере здоровья в регионе с высокой антропогенной нагрузкой является обсуждение Генерального плана (ГП) города Перми в 2010 г. При разработке ГП в структуру материалов, обосновывающих проект, был включен раздел «Зонирование территорий города по риску причинения вреда здоровью», в котором описывались 62 зоны города с разными уровнями риска здоровью. Все материалы были размещены на сайте «Генеральный план г. Перми» (<http://permgenplan.ru>). В августе 2010 г. проект плана обсуждался на заседании Общественной палаты Пермского края. Осенью 2010 г. во всех районах города прошли общественные слушания, в которых участвовали как рядовые жители, так и представители общественных организаций и экспертного сообщества — медики, экологи. Также всем желающим предлагалось направить письмо со своей позицией, предложениями и замечаниями в Департамент градостроительства и архитектуры администрации города Перми. Все мероприятия широко освещались местными СМИ. За период проведения слушаний в Комиссию по подготовке ГП Перми поступило 1005 комментариев, предложений и замечаний. Итогом обсуждения проекта ГП города стал ряд решений, направленных на снижение рисков для здоровья населения: ограничение использования прибрежных участков р. Кама в черте города, вынос ряда промышленных объектов из жилой застройки, внесение изменений в транспортную схему города Перми.

Таким образом, открытый диалог власти, экспертного сообщества и населения, использование релевантных каналов и форм распространения информации о риске и интеграция институтов гражданского общества в риск-коммуникацию в сфере здоровья позволили избежать возникновения социальной напряженности, которая возникает при несвоевременном и не учитывающем особенности восприятия рисков населением информировании о них.

Примечания:

1. Здоровье и окружающая среда в Европейском регионе ВОЗ. Создание жизнестойких сообществ и благоприятной окружающей среды. Копенгаген: Европейское региональное бюро ВОЗ, 2013. С. 2.

2. О состоянии и об охране окружающей среды в РФ в 2015 г. М.: Министерство природных ресурсов и экологии, 2016. С. 632.

3. Страхи и тревоги. Что больше всего тревожит Россиян в повседневной жизни, в жизни страны и мира? // Официальный сайт ФОМ: независимая социологическая служба. 8.04.2016 // URL: <http://fom.ru/Nastroeniya/12596> (дата обращения: 05.05.2016).

4. Экологическая обстановка: всероссийский опрос // Пресс-выпуск АНО Левада-Центр. 18.07.2015 // URL: <http://www.levada.ru/2015/06/18/ekologicheskaya-obstanovka/print/> (дата обращения: 15.03.2016).

5. Руководство по оценке риска для здоровья населения при воздействии химических веществ, загрязняющих окружающую среду // Р 2.1.10.1920-04.: утв. гл. гос. санит. врачом РФ Г.Г. Онищенко 05.03.2014: введ. в действие с 05.03.2014 // URL http://www.znaytovar.ru/gost/2/R_2110192004_Rukovodstvo_po_oc.html (дата обращения: 06.06.2016).

УДК 159.9

Е.В. Белова

Творчество в организациях и организационное творчество как основы инновационного лидерства

E.V. Belova

Creativity in organizations and organizational creativity as the basis of innovative leadership

Аннотация. В статье рассматривается соотношение понятий «творчество в организациях» и «организационное творчество». Дается характеристика организационного и индивидуального творчества как ключевых

составляющих инновационного лидерства. Рассматривается психологическая сущность креативности, латерального мышления и системного мышления с точки зрения ролевого подхода..

Ключевые слова: организационное творчество, латеральное мышление, системное мышление, инновационное лидерство, ролевой подход.

Abstract. The article considers the correlation between the “creativity in organizations” and “organizational creativity” concepts. There are organizational and individual creativities characteristics as key components of innovative leadership. From the point of view of the role approach the psychological essence of creativity, lateral thinking and system thinking is considered.

Key words: organizational creativity, lateral thinking, system thinking, innovative leadership, role approach.

В последние годы все больше исследователей в области инновационной, предпринимательской деятельности отмечают необходимость поиска нового ракурса изучения психологических причин успешности лидеров, инноваторов, предпринимателей. Направление современных исследований смещается в область таких факторов личности, как системное мышление, латеральное мышление, креативность, дивергентное мышление, толерантность к неопределенности, социальный интеллект, эмоциональный интеллект, практический интеллект. Необходимость сопоставления и операционализации данных понятий с точки зрения их психологической природы обусловлена неоднозначной и противоречивой сущностью лидерства, важностью для общества развития инновационного потенциала молодежи, а также отсутствием в исследованиях теоретиков и в представлениях практиков системообразующего фактора, отражающего ключевые лидерские компетенции.

Одним из направлений определения сущности инновационного лидерства является подход в исследованиях, который возрождает интерес к индивидуальному творчеству как ключевому ресурсу инновационного развития компаний [5]. Термин «творчество» в данных исследованиях тем не менее остается скорее условным обозначением, за которым скрываются различные (в зависимости от взглядов автора) явления. Более того, вопросом соотношения творчества и дисциплины в индивидуальном и групповом контексте интересуются программисты и инженеры, обозначая, но не раскрывая психологическую сущность данных феноменов.

Подобная терминологическая путаница приводит к тому, что, говоря об организационных явлениях (инновационном лидерстве, организационном творчестве), исследователи используют термины, обозначающие индивидуальное творчество. Сама «синергетическая» сущность организационного творчества при этом теряется.

Можно утверждать, что существует два вида творчества в организациях: индивидуальное творчество отдельных сотрудников, которое реализуется через креативность, латеральное мышление, воображение, и организационное творчество [1], которое связано с работой высокоэффективных команд, совместной деятельностью (сотворчеством) по реализации замысла организации.

Рассмотрим, в соответствии с традициями современных исследований [1, 3, 4, 5] основы индивидуального творчества через понятия «творчество», «креативность», «дивергентное мышление» и «латеральное мышление». Говоря об организационном творчестве как командной работе по созданию инноваций, исследователи рассматривают данное организационное явление через призму индивидуального творчества, отмечая, что творческие люди пребывают в особом функциональном состоянии «потока». Р. Гласс отмечает для данного состояния следующие черты: сотрудники проявляют повышенный интерес и концентрацию на осуществляемой деятельности, отличаются междисциплинарным воззрением на предмет, живут словно в «ином мире», склонны к синтезу, пытаются найти в беспорядке наиболее красивое упорядочивающее решение, систему, легче справляются с хаосом [5]. Творчество как особое функциональное состояние отражает и индивидуальную работу и работу команд по Эдварду де Боно [2, 3, 4]. Согласно де Боно, в состоянии латерального мышления (т. е. творческого «горизонтального», а не логичного «вертикального» мышления) нельзя находиться постоянно. Э. де Боно определяет латеральное мышление как «перекомпоновку шаблонов в асимметричной шаблонной системе» [4].

Р. Гласс [5], исследуя творчество как неотъемлемую часть деятельности программистов, отмечает следующие особенности личности и когнитивные факторы, которые связаны с творчеством: высокая оценка эстетических факторов в работе, широкие интересы, энергичность, независимость суждений, автономность, организационное творчество, интуиция, уверенность в себе, способность справляться с противоречивыми чертами в самооценке, устойчивое ощущение себя как твор-

ца, настойчивость, любознательность, интеллектуальная честность, легкость ассоциативной деятельности в выражении мыслей и метафорической деятельности, легкость в образовании понятий и в выборе слов, эффективность в практическом восприятии идей, оригинальность, наблюдательность и умение замечать то, что не замечают другие, яркое описание идей и точность формулировок, рассмотрение сразу нескольких идей, поиск сложности, независимость от мнения группы (основанная на любви к игре с идеями, принцип «незавершенное и несовершенное часто привлекает меня больше, чем законченное и безупречное»). Отметим, что подробные списки творческих черт появлялись в результате изучения биографических и исторических сведений об известных творцах, но подобный подход приводит к факторной сложности, затрудняющей теоретическую интерпретацию.

Данные Р. Гласса согласуются с данными П. Торренса [1], который определяет еще одно часто приписываемое выдающимся лидерам и инноваторам качество — креативность, включая в описание креативности повышенную чувствительность к проблемам, к дефициту или противоречивости знаний; действия по определению данных проблем по поиску их решений на основе выдвижения гипотез, по проверке и изменению гипотез, по формулированию результата решения. Рассмотрение креативности как процесса крайне конструктивно, так как позволяет выявить структуру креативности как способности, а также условия, стимулирующие данный процесс. Как и творчество, креативность, а также латеральное мышление — это функциональные состояния, «состояния потока»: в терминах объектно-ориентированного программирования, данные виды мышления — и функция, и процедура обращения к ней.

Дж. Гилфорд разделяет (как и де Боно) два типа мышления [1]: конвергентное (логическое, однонаправленное, стереотипное, построенное по старым схемам и алгоритмам) и дивергентное (идущее одновременно в разных направлениях, отступающее от логики) мышление. И тот, и другой тип мышления может быть эффективным. Для дивергентного мышления важна не правильность ответов, а поиск нетривиальных и неожиданных решений, сам ход рассуждений, который часто важнее итогового результата. Дж. Гилфорд и его сотрудники определили интеллектуальные способности, характеризующие креативность (дивергентное мышление), в том числе: беглость (количество идей, возникающих за некоторую единицу времени); гибкость (способность переключаться с од-

ной идеи на другую); оригинальность мышления (способность продуцировать идеи, отличающиеся от общепринятых); любознательность (повышенная чувствительность к проблемам, не вызывающим интереса у других); иррелевантность (логическая независимость реакций от стимулов).

Среди условий, стимулирующих развитие творческого мышления (креативности), выделяют: ситуации незавершенности или открытости (в отличие от жестко заданных и строго контролируемых); разрешение и поощрение множества вопросов; стимулирование ответственности и независимости; акцент на самостоятельных разработках, наблюдениях, чувствах, обобщениях; внимание к интересам детей со стороны взрослых и сверстников.

При этом есть и те условия, которые мешают творчеству, креативности, дивергентному мышлению, латеральному мышлению. Творчеству в организациях мешают [5]: директивный стиль руководства, жесткая регламентация творчества даже в форме поощрения, жесткие организационные структуры, недостаток ресурсов, неадекватные информационные потоки и ограничения в информации, ориентация руководства на процесс, а не на цель (итоговый результат), низкое внутригрупповое разнообразие.

Согласно ряду авторов (например, Г. Линдсей, К. Халл и Р. Томпсон) проявлению творчества мешает наличие определенных личностных черт [1]: склонность к конформизму, боязнь показаться глупым или смешным в своих суждениях, завышенная оценка значимости своих собственных идей, существование двух конкурирующих между собой типов мышления (критического и творческого), мотивация избегания неудач, стереотипы мышления и поведения, преклонение перед авторитетами.

Оригинальная теория латерального мышления, основанная на системной терминологии и теории самоорганизации, принадлежит Эдварду де Боно [3, 4]. Автор отмечает, что сам термин «латеральное мышление» появился в 1967 г., попал в Оксфордский словарь и теперь является общепризнанным. В терминах гештальт-психологии и когнитивной психологии латеральное мышление означает смену паттернов мышления. Латеральное мышление дополняет вертикальное мышление аналогично операциям анализа и синтеза в системном подходе или процессе воображения. Латеральное мышление отличается от вертикального рядом признаков [3]. Латеральное мышление созидательно, оно провоцирует, работает саккадически по законам системного (а не

линейного) детерминизма, не требует правильности каждого шага, отрицает отрицание как паттерн, приветствует случайные, посторонние, внешние идеи, ломающие паттерн (т. е. это открытая система). Ярлыки, категории, определения и классификации для латерального мышления — это условность, латеральное мышление движется по наименее вероятному пути (хотя причин на это нет); повышает вероятность, создает варианты. Вертикальное мышление избирательно (оценивает, критикует), оно анализирует, работает поступательно (от вывода к выводу через линейный детерминизм), требует правильности каждого шага (логика и математика), оценивает верность пути путем отрицания, отвергает все неуместное (т. е. это закрытая система), жестко фиксирует категории, классификации и ярлыки, движется по наиболее вероятному пути, дает определенность и решение. Так, установка вертикально мыслящего человека — прийти к ответу; латерально мыслящего человека — увеличить свободу выбора возможностей.

Люди, которые проявляют латеральное мышление, чаще, чем большинство других людей, обращаются к подсознанию — фантазии, мечтам, играм, миру воображения; у них исключительно широкое и гибкое восприятие самих себя. «Творческая личность одновременно более примитивна и более культурна, более деструктивна и более конструктивна, более безумная и здоровая, чем средний человек» [5]. «Почему дети перестают играть? Возможно потому, что таинственный мир, в котором происходят чудеса, превращается в обыденный мир, где каждая вещь имеет объяснение. Скучая от поверхностной осведомленности, дети прекращают игру. Даже если никакие идеи не возникают, само по себе знакомство с ситуацией, возникающей в процессе игры, может стать отличным плацдармом для выработки будущих идей» [4].

Отметим, что в организационном творчестве, также как и в индивидуальном, латеральное мышление должно предварять вертикальное (критическую оценку): наиболее эффективна последовательность ролей в индивидуальном творчестве «Мечтатель — Реалист — Критик» по Р. Дилтсу. Творчеству способствует юмор (новый ракурс) и инсайт (смена паттерна): в процессе творчества (в том числе командной работы), как отмечает Эдвард де Боно, люди часто смеются (что отражает роль «Мечтателя» по Р. Дилтсу).

Латеральное мышление нацелено на изменение паттернов, вертикальное — на создание. Паттерны для существования должны быть по-

вторяемы, узнаваемы и используемы, паттерн — это любая идея, образ, способ поведения или мышления, которые образуются, в том числе и за счет способа и качества получаемой для образования информации. Изменить паттерн можно, переупорядочив информацию или способ (последовательность) ее поступления [3]. При этом построение информации в максимизирующей системе никогда не бывает наилучшим из возможных, так как полезность и адекватность паттерна всегда зависят от условий среды. Поэтому латеральное мышление направлено на будущее — это всегда одновременно «настрой и метод использования информации» [3]: оно настроено против догматизма и самонадеянности, ловушек мышления, признавая полезность существующего паттерна, но не его уникальность или абсолютность. «Паттерн невозможно перестроить, следуя по пути развития этого паттерна» [3].

Таким образом, творчество в организациях многолико: в масштабах отдельной личности в рамках профессиональной деятельности — это индивидуальное творчество, которое реализуется с помощью механизмов воображения, креативности, дивергентного мышления, латерального мышления (роль «Мечтатель»). В масштабах целой организации, инновационных команд — это организационное творчество, которое может осуществляться с помощью различных технологий, например, «шести шляп» Эдварда де Боно. Качественные изменения сущности творчества в зависимости от масштабов системы (человек — команда — организация) определяют необходимость поиска надсистемного феномена, характеризующего сущность проявления творчества как индивидуально, так и организационного. Данным надсистемным феноменом может быть системное мышление [2], как мыследеятельность инновационных лидеров в различных по масштабу социальных системах.

Отметим, что еще Б. Г. Ананьев предположил, что способности образуются в процессе деятельности из задатков, высшей интеграцией субъектных свойств является именно творчество, а наиболее обобщенными эффектами (а вместе с тем потенциалами) — способности и талант [1]. Талант связан с характером, волей, целями человека, а способности и одаренность, составляя существенную часть общей структуры личности, объединяют психические процессы с психическими свойствами личности. Так, мыследеятельность лидеров организации — это и индивидуальное творчество, и организационное, создающее (в идеале) высокоэффективные команды и компании.

Литература:

1. Белов В.В., Белова Е.В., Корзунин В.А. Психодиагностика способностей к управленческому лидерству: учеб. пособие. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2015.
2. Белова Е.В. Системное мышление как основа формирования лидерских компетенций студентов // Человеческий капитал. 2017. № 8. С. 73–76.
3. Боно Э., де. Латеральное мышление: учебник. Минск.: Попурри, 2012.
4. Боно Э., де. Управление мышлением. Минск: Попурри, 2010.
5. Гласс Р. Креативное программирование 2.0. СПб.: Символ-Плюс, 2009.

УДК 159.9

Е.В. Белова, О.А. Яковлев

Лидеры и последователи: историко-психологический взгляд

E.V. Belova, O.A. Yakovlev

Leaders and followers: a historical-psychological view

Аннотация. В статье обосновывается актуальность исследования лидеров с точки зрения системного историко-психологического подхода. Рассматриваются отношения «лидер — последователи» как ключевой фактор феномена лидерства на примере фигуры И.В. Сталина. Приводятся точки зрения соратников и современников И.В. Сталина, уточняющие некоторые особенности его стиля лидерства.

Ключевые слова: историко-психологический анализ, системный подход, лидеры и последователи, стиль лидерства.

Abstract. The article substantiates the relevance of the leaders' studies from the systemic historical-psychological approach point of view. The relationship «leader-followers» is considered as a key factor in the phenomenon of

leadership by the example of the figure of J. Stalin. There are associates' and contemporaries' points of view, clarifying some features of his leadership style.

Key words: historical-psychological analysis, systemic approach, leaders and followers, leadership style.

В последние годы возрождается интерес к феномену лидерства как ведущему фактору развития общества: переосмысляются веки развития нашей страны, переоценивается значение ключевых фигур, изменивших, как полагают исследователи, ход истории. Вопрос о значении лидеров активно обсуждают историки, социологи, культурологи, психологи: каждая наука отражает свой аспект лидерства, находя в данном феномене свои системообразующие факторы. На вопрос о природе лидерства существуют противоречивые точки зрения, двойственность сущности лидерства определяет сложность исследования данного феномена. Разрешить подобные противоречия можно только на основе системного подхода, который рассматривает не только саму личность лидера, но и его окружение, последователей и конкурентов, условия эпохи, временные этапы и другие параметры сложной социально-исторической системы. Рассмотрим некоторые противоречия подробнее, основываясь на системном историко-психологическом подходе.

Во-первых, говоря о лидерах, которые меняют мир, чаще всего исследователи рассматривают феномен политического лидерства, тем не менее сам термин «лидерство» применим к любым социальным организациям, где существуют отношения «лидер — последователи»: коммерческой, общественной, политической, культурной сферам. Более того, лидер даже в одной сфере (например, коммерческой) многолик: существуют различные классификации политических, капиталистических лидеров, лидеров бизнеса отражающие различные грани их сущности [1]. В XIX в. благодаря работам шотландского историка и философа Т. Карлейля оформляется концепция «героического детерминизма». Автор провел скрупулезный анализ нескольких категорий героев, которые повлияли на ход истории: поэтов, писателей, ученых, военачальников, правителей (таких как Мухаммед, Данте, Шекспир, Лютер, Кромвель, Наполеон и др.). Иную классификацию лидеров предложил В. Зомбарт, выделив шесть основных типов «капиталистических лидеров»: разбойники (участники военных походов и заморских экспедиций); феодалы (извлекающие прибыль из своих земельных

владений и добычи полезных ископаемых); государственные деятели (поддерживающие торговые и промышленные компании); спекулянты (оперирующие деньгами и ценными бумагами); купцы (взаимодействующие с лицами, которые облечены властью, и вкладывающие торговый капитал); ремесленники («manufacturer», «fabricant»). Согласно В. Зомбарту, процесс развития капитализма — это органический цикл с эволюционными фазами: для ранней стадии капитализма («героической юности») характерны три первых типа предпринимателей (разбойники, феодалы и государственные деятели). Психологический портрет предпринимателей на данном этапе развития общества отличается агрессивным авантюризмом и наслаждением жизнью как завоеванием. Затем на первый план выходят «мирные» типы предпринимателей, особенно фабриканты, которые отличаются искусством достигать соглашения со своими поставщиками, рабочими и клиентами, чувством долга и умением «считать и копить»: т. е. склонность к риску замещается «мещанскими добродетелями», «деловой моралью» и рациональным подходом.

Во-вторых, возникает вопрос о системообразующем факторе, определяющем выдающегося лидера. Конкурентный подход, имеющий самую длительную историю, первоначально особым качеством руководителя считал физические характеристики (сила, рост, тип телосложения, принадлежность к определенному генотипу), позже выделяя особые черты характера или способности (интеллект, стрессоустойчивость, харизма и т. д.). Отметим, что идея о биологических и социальных предпосылках лидерства не является новой. Л.Н. Гумилев размышлял о пассионарности (лат. «passio» — претерпевание, страдание, страсть, аффект) как биологическом признаке, детерминированном генетически, т. е. доминанте, обуславливающей стремление к деятельности, достижению цели. Выделяя 12 типов социального поведения, Л.Н. Гумилев определял шесть из них как пассионарные (честолюбцы, деловые люди, авантюристы, ученые, творческие люди, пророки) — в терминах современных психологических исследований данные типы пассионариев отличает склонность к риску, мотивация достижений, самооффективность и другие личностные качества. Современные подходы определяют структурно-функциональные личностные факторы, которые объединяют и внутренние (личностные), и внешние (поведенческие, связанные со средой) особенности. Тем самым современный

подход к проблеме лидерства, не отрицая наличия врожденных характеристик, подчеркивает значение культурно-исторического, средового контекста феномена лидерства.

В-третьих, уточняя содержание культурно-исторического контекста лидерства, необходимо конкретизировать влияние эпохи и культуры на личность и поведение лидеров. Оценка личностных особенностей лидера часто ведется с точки зрения норм и идеалов XXI в., тогда как сам социально-культурный контекст отрицается или ретушируется. Обратная сторона данного «временного монизма» — это оценка лидеров XXI в. с точки зрения культурных, исторических особенностей страны и общества, характерных для прошлых эпох. Так, В. Зобмарт рассматривает кросскультурные особенности предпринимательства (сравнивая предпринимателей в Италии, Франции, Голландии, Великобритании, Германии, США и на Пиренейском полуострове), а также биологические предпосылки «предпринимательского духа» и ценности предпринимателей, обусловленные религиозными, культурными особенностями. Как отмечает в своей работе «Анархист в душе. Русский характер и стиль руководства» эксперт в области лидерства Манфред Кетс де Врис, для русского стиля руководства характерны те черты, которые присущи и русскому нраву, оформившемуся еще во времена Ивана Грозного: уход от реальности в форме краткосрочного планирования, полихронное видение времени (культура бытия, а не действия, склонность к созерцанию, а не ориентация на цель), ориентация на прошлое, важность личных взаимоотношений, процессуальный мотив, стремление к сильной власти (и авторитарный стиль руководства), акцент на иерархию, статус и авторитет и др.

В-четвертых, личность лидера предстает в обыденном сознании через «ярлыки», архетипы, которые либо чрезмерно положительно («Отец», «Бог», «Герой» и т. д.), либо чрезмерно отрицательно («Враг», «Трикстер», «Дьявол» и т. д.) поляризуют данного персонажа. Так, популярность И.В. Сталина и повышенный интерес к его личности (даже в XXI в.), А.В. Шувалов объясняет тем, что архетип В.И. Ленина («ожидания чуда») сменился архетипом «героического мифа», а сам И.В. Сталин был «здоровым тираном безумного общества» [2]. Подобный подход, основанный на идеях психоанализа, рассматривает лидеров как заведомо патологических личностей, излишне акцентируя внимание на нарушениях и расстройствах, исключая достоинства.

Существуют различные ракурсы определения факторов, отражающих природу лидерства. Тем не менее с точки зрения современного системного подхода необходимо учитывать все факторы, при этом исторический контекст является ключевым в объяснении особенностей личности лидеров. Согласно синергетическому историко-эволюционному подходу существуют «точки бифуркации» в развитии любой системы (общества или личности), которые либо переводят данные системы на новый уровень развития (часто революционным, а не эволюционным способом), либо ведут к стагнации системы и ее разрушению. Изучая правление суверенных монархов, еще Ф. Вуд отмечал, что сильные, средние и слабые монархи правили соответственно в сильные, средние и слабые периоды истории нации примерно в 70% случаях. Исходя из данной корреляции, он делает вывод о том, что государства строились и направлялись немногими великими людьми, которые использовали данные кризисные «точки бифуркации», определяя развитие общества. Интересно, что роль личности в истории А.Г. Асмолов [3] рассматривает как ключевую, описывая как исторических, так и мифических персонажей, которые выполняют роль «катализаторов развития». Рассмотрим подход А.Г. Асмолова подробнее применительно к феномену политических лидеров.

Первый постулат данного подхода гласит, что в любой эволюционирующей системе существуют две противоборствующие тенденции: тенденция к сохранению и тенденция к изменению. Это значит, что любой политик или общество на определенном этапе своего развития отличается одной из преобладающих тенденций: стремлением к революционным действиям (переменам, инновациям и т. д.) или к стабильности и консерватизму. Второй постулат системной историко-эволюционной теории описывает наличие в любой системе преадаптивных механизмов, т. е. ресурсов общества или отдельной личности, которые активизируются только в особых (часто кризисных, конфликтных) ситуациях. Сильные, яркие лидеры появляются в сложные, переломные для общества времена. Третий постулат говорит о том, что для развития любой системы необходим конфликт либо внутри данной системы (например, внутриличностный конфликт), либо между системой и средой (человеком и государством): если данного конфликта нет, то его необходимо создать, например между лидером и его подчиненными.

Подобный конфликт, который нередко сопутствует лидеру, рассматривается как проявление патологических черт. Так, как полагал Стендаль, «известную долю биографии великих людей должны написать их врачи», — данную мысль поддерживает и особое направление психологии и психиатрии, «патография», занимающаяся исследованием взаимосвязи между психическим здоровьем и гениальными достижениями на основе историко-метрического подхода. Согласно исследованиям А.В. Шувалова [2], например И.В. Сталин отличался следующим набором патологических особенностей: наследственная отягощенность алкоголизмом, шизоидные черты характера в молодости (замкнутость, нелюдимость, эмоциональная холодность, нонконформизм в поведении, неспособность к сопереживанию), тяжелая депрессия и паранойя после 1920-х гг. (по данным В.М. Бехтерева). И.В. Сталину также приписывают черты, свойственные Тиберию, Домициану, Людовику XI, Ивану Грозному и Павлу I: сверхценные идеи и «кесарское помешательство» (утрата представления о границах могущества, мания преследования, безмерное превосходство над другими). Тем не менее Роберт Такер (один из самых значительных исследователей в данной области) полагал, что, несмотря на параноидальные тенденции, свои основные решения И.В. Сталин никогда не принимал в состоянии невменяемости, всегда изучая другие точки зрения, особенно специалистов и экспертов.

Подтверждения точки зрения Р. Такера, а также некоторые любопытные детали стиля лидерства И.В. Сталина можно обнаружить в произведениях его современников и соратников: именно через окружение, ближайших советников и специалистов из разных областей проявлялись психологические особенности его стиля руководства и отношения «лидер — последователи». Следует отметить, что, несмотря на отсутствие разработанной в нашей стране теории управления (в отличие от уже сложившейся к началу XX в. теории научной организации труда в США), как отмечает Д.Ф. Устинов [4], у И.В. Сталина во время войны отрицательные черты характера были ослаблены, а сильные стороны (работоспособность, сила воли, организаторский талант) проявились наиболее полно. Д.Ф. Устинов отмечает, что, несмотря на властность, суровость и жестокость, И. В. Сталин живо откликался на проявления «разумной инициативы, самостоятельности, ценил независимость суждений», не вмешиваясь в ход обсуждения, иногда зада-

вая вопросы, направляя беседу, поворачивая разговор в «единственно верное, как потом зачастую оказывалось, русло» (с точки зрения теории командной работы Эдварда де Боно данная роль лидера присуща «синей шляпе»). Д. Ф. Устинов также отмечает аналитические способности И. В. Сталина, развитую смысловую память, умение логично, без лишних слов высказывать свои мысли, «выкристаллизовывая» из огромной массы данных самое существенное.

Данную особенность можно объяснить тем, что И.В. Сталин уделял много времени на самообразование, формируя «экспертное знание»: так, Р.А. Медведев [5] отмечает, что еще в 1920–30-е гг. И.В. Сталин выписывал до 500 книг, прочитывая (по собственному признанию) до 600 страниц книг и журналов в день. Предпочтения в чтении И.В. Сталина, согласно Р.А. Медведеву, менялись с различными периодами: так, в начале 1940-х гг. выписывались книги по военным проблемам, в том числе уставы различных армий; в 1947–1948 гг. — по медицине и биологии; в 1950 г. — по языкознанию; в 1952 г. — по экономике. Сфера интересов также обширна: от книг о положении рабочих и крестьян до книг о душе, гипнозе и трудов о происхождении Вселенной. Отметим, что «Государь» Н. Макиавелли неоднократно издавался на русском языке, в том числе в 1869 г., 1900 г., 1910 г. под названием «Князь» («Монарх»). Принято считать, что по предложению И.В. Сталина в 1934 г. Л.Б. Каменев подготовил советское издание трудов Н. Макиавелли.

Скорость прочтения объясняется, скорее всего, способностью к скорочтению, которая дает возможность читать книги «цельми страницами». И.В. Сталин делал пометки в книгах из личной библиотеки, выделяя текст цветными карандашами (красным и синим). Следует отметить, что подобная склонность к систематизации материалов отмечалась у И.В. Сталина не только в стиле речи и работе с текстами, но и в организации работы Генштаба в годы войны. Все материалы, требовавшие решения Верховного Главнокомандования, как отмечает С.М. Штеменко [6], заранее сортировались и раскладывались по трем разноцветным папкам: в красную папку попадали документы первостепенной важности, докладывавшиеся в первую очередь (приказы, директивы, планы распределения вооружения и др.); синяя папка содержала бумаги второй очереди (чаще всего, просьбы); зеленая папка содержала представления к наградам, званиям, предложения и приказы о кадровых назначениях.

Интересно, что изобретение похожего метода целеполагания и планирования (ABC или метод «мусорной корзины») приписывают президенту США Д. Эйзенхауэру. Ранжирование проблем, согласно данному методу, возможно на четыре группы: группа А — самые важные и срочные, требующие немедленного решения руководителя; группа Б — важные, но не срочные, заслуживающие включения в план работы руководителя или перепоручения; группа В — неважные (для уровня руководителя), но срочные — заслуживают делегирования их исполнения подчиненным; группа К — неважные и несрочные, заслуживают быть выброшенными в мусорную корзину.

Таким образом, рассматривая примеры описания ближайшим окружением элементов стиля лидерства И.В. Сталина, можно предположить, что именно через взаимоотношения в системе «лидер — последователи», а также с учетом исторических реалий некоторые нюансы поведения данной неоднозначной персоны обретают психологическую интерпретацию. Системное историко-психологическое понимание стиля руководства И.В. Сталина с учетом параметров среды, а также особенностей коммуникаций и интеракций с подчиненными данного лидера, позволят взглянуть по-новому на особенности «русского стиля руководства». Интересным является исследование заметок очевидцев с точки зрения адаптивности управленческого стиля данной противоречивой персоны, меняющей поведение в зависимости от условий времени, окружения (в том числе и поведения политических противников) и других социальных параметров среды. Конфуцию приписывают фразу «не дай вам бог жить в эпоху перемен».

Психологический анализ всегда безоценочен, но, скорее всего, анализ именно самых сложных периодов в истории наиболее ярко позволяет раскрыть те ресурсы и риски, которые характерны были для нашего народа и общества в прошлом и будут проявляться как преадаптивные механизмы и в будущем.

Литература:

1. Белов В.В., Белова Е.В., Корзунин В.А. Психодиагностика способностей к управленческому лидерству: учеб. пособие. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2015. С. 200.
2. Шувалов А.В. Безумные грани таланта: энциклопедия патографий. М.: АСТ, 2004. С. 1212.

3. *Асмолов А.Г.* Психология личности: Принципы общепсихологического анализа: учебник для вузов. М.: Академия; Смысл, 2002. С. 416.
4. *Устинов Д.Ф.* Во имя Победы. М.: Воениздат, 1988. С. 320.
5. *Медведев Р.А.* Личная библиотека «корифея всех наук» // Вестник Российской академии наук. Т. 71. № 3. 2001. С. 246–267.
6. *Штеменко С.М.* Генеральный штаб в годы войны. 2-е изд. М.: Воениздат, 1989. С. 560.

УДК 32.019.51

Н.В. Кирьянова

К вопросу истории современных государственных праздников и их роли в формировании общественного мнения

N.V. Kiryanova

To the question of the history of modern state holidays and their role in shaping public opinion

Аннотация. В статье анализируется история государственных праздников и ставится вопрос о взаимозависимости государственного праздника и общественного мнения. Доказывается негативное влияние частого изменения содержания праздника на его понимание и поддержание у населения.

Ключевые слова: День Великой Октябрьской революции, День освобождения Москвы, День согласия и примирения, День народного единства, День Победы, демонстрация, общественное движение.

Abstract. The article analyzes the history of public holidays and raises the question of the interdependence of the state holiday and public opinion. The negative influence of frequent changes in the content of the holiday on its understanding and maintenance among the population is proved to be negative.

Key words: Day of the Great October Revolution, Moscow Liberation Day, Day of Accord and Reconciliation, National Unity Day, Victory Day, demonstration, social movement.

7 ноября 2017 г. исполнилось 100 лет событию, которое изменило ход мировой истории, и историческое название этого события — Великая Октябрьская революция. Не касаясь анализа самого события, хотелось проанализировать на этом примере историю этого праздника и сравнить его с некоторыми современными государственными праздниками, а также поставить вопрос о взаимозависимости государственного праздника и общественного мнения.

Праздновать 7 ноября стали сразу же — согласно декрету Совета Народных Комиссаров от 20 января 1918 г. «О свободе совести, церковных и религиозных обществах» отправления государственных или публично-правовых общественных установлений перестали сопровождаться религиозными обрядами и церемониями. Ведение актов гражданского состояния полностью передавалось гражданской власти. Кроме того, молодое советское правительство разработало новый список праздников, которые идеологически были необходимы республике. В их состав входили: День Парижской коммуны, День I Интернационала, День пролетарской революции, 1 Мая и многие другие. 18 сентября 1918 г. вышло постановление ВЦИК «О дне празднования годовщины Великой Октябрьской социалистической революции». На проведение ноябрьских торжеств были выделены значительные денежные средства. Народному комиссариату внутренних дел на субсидирование местных Советов для организации Октябрьского празднества — 25 млн руб. Кроме того, еще 5 млн руб. было ассигновано на дополнительные расходы по организации Октябрьских торжеств [1]. Впоследствии 7 ноября стало главным праздником страны.

Правительство вполне справедливо видело в государственном праздновании возможность пропагандировать советские ценности и оказывать воздействие на общественное мнение. Поощрялась инициатива масс, которые принимали участие в праздновании в форме шествий и украшении улиц и площадей плакатами и транспарантами.

Форма проведения праздника окончательно оформляется в 1930–40-е гг., при Сталине. Сценарий праздника включал с себя три обязательных компонента: демонстрацию трудящихся, приветствие руководителей страны с трибуны Мавзолея и военный парад. Участие в демонстрации различными социальными категориями рассматривалось как возможность коллективного выражения гордости за страну, политический строй. Поэтому люди с большим энтузиазмом готовились к празднику 7 ноября.

В 1970-е гг. отношение к празднику изменилось. Возможно, объяснение этому можно найти в том, что идеологическое воздействие на массовое сознание претерпело деформацию после доклада Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС. Кроме того, «оттепель» 60-х годов позволила населению страны более широко и под разным углом присмотреться к процессам, происходившим в стране и мире, а социально-политическая реклама к 70-м годам остается практически прежней и утрачивает свое соответствие общественному мнению. Поэтому пафосный и официальный День Октябрьской революции перестает восприниматься как полноценный праздник, уступив место народным Дню Победы и Новому году. Наполняемость праздничной демонстрации приходилось поддерживать при помощи разнарядок с предприятий. Большая часть населения радовалась двум выходным дням (выходным до 1992 г. было и 8 ноября), а потому параллельно с официальным праздничным ритуалом 7 ноября стал оформляться народный ритуал: утреннее семейное застолье и просмотр трансляции парада. Ни к революции, ни к государственному пафосу этот ритуал особого отношения не имел.

После распада Советского Союза вполне логично появляется задача изменения праздничного календаря, как и в 1917–18 гг. Президент России Б. Н. Ельцин 13 марта 1995 г. подписал федеральный закон «О днях воинской славы (победных днях) России», в котором, среди других, было названо и 7 ноября. Но празднику попытались создать иной смысл — празднование не дня установления Советской власти, а празднование памяти освободительного движения под руководством Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского против польских интервентов. Для закрепления иного содержания праздничному дню давалось иное название — День освобождения Москвы.

Хотя официально праздник посвящался событиям 1612 г., основная часть населения России не смогла в одночасье, согласно указу, отмечать в традиционно праздничный день годовщину событий столь отдаленных и продолжала называть этот день Днем Октябрьской революции.

Возможно, именно это обстоятельство вызвало к жизни новый указ от 7 ноября 1996 г., в котором праздник был назван Днем согласия и примирения. В тексте указа в частности говорилось: «Октябрьская революция 1917 г. коренным образом повлияла на судьбу нашей страны. Стремясь впредь не допускать противостояния, в целях единения и консолидации российского общества постановляю: 1. Объявить праздничный

день 7 ноября Днем согласия и примирения. 2. Объявить 1997 год — год 80-летия Октябрьской революции — Годом согласия и примирения» [2].

Но этот праздник просуществовал недолго — 29 декабря 2004 г. президент России Владимир Путин подписал федеральный закон (вступил в силу 1 января 2005 г.) «О внесении изменений в статью 1 ФЗ № 32 “О днях воинской славы (победных днях) России”», в соответствии с которым 7 ноября стал днем воинской славы России — днем проведения военного парада на Красной площади в городе Москве в ознаменование 24-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции (1941 г.).

В соответствии с федеральным законом от 29 декабря 2004 г. «О внесении изменений в статью 112 Трудового кодекса Российской Федерации», начиная с 2005 г. 7 ноября перестал быть выходным днем. Вместо него выходным стал День народного единства, отмечаемый 4 ноября.

Инициатором учреждения нового праздника была Русская Православная Церковь, идея возродить памятный для россиян день прозвучала на Межрелигиозном совете России. С предложением сделать 4 ноября праздничным днем выступил Патриарх Алексий II, он попросил возродить День народного единства и памяти Казанской иконы Божией Матери, который на Руси отмечали более 250 лет.

История этого праздника вновь связана с 1612 годом: народное ополчение захватило Китай-Город и заставило иноземцев признать акт капитуляции. Пожарскому посчастливилось первым вступить в город. Он нес в руках икону Казанской Богородицы. На Руси искренне верили, что именно Богородица защитила тогда народ от врагов. В 1649 г. по указу царя Алексея Михайловича 4 ноября стало государственным праздником, посвященным Владычице Небесной. До 1917 г., пока в стране не произошла революция, этот день был особенным для всех русских людей.

Первый День народного единства пышно отметили в 2005 г. Главным центром праздничных мероприятий стал Нижний Новгород. Главнейшим событием праздника было открытие памятника Кузьме Минину и Дмитрию Пожарскому. Новому памятнику нашли место на площади Народного единства у храма Рождества Иоанна Предтечи.

В крупных городах прошли крестные ходы, благотворительные акции, митинги, концерты и другие праздничные мероприятия. В столице президент страны торжественно возложил венки к московскому памятнику Минину и Пожарскому.

Однако новый государственный праздник тяжело укореняется в сознании населения России.

Согласно данным Аналитического центра Юрия Левады (Левада-Центр), в 2012 г. День Октябрьской революции 7 ноября собирались праздновать 18% опрошенных. Больше других планировали отмечать этот день пенсионеры (31%) и в целом россияне старше 55 лет (29%), с невысоким потребительским статусом — денег хватает только на продукты (20%), проживающие в сельских поселениях (26%) и сторонники Владимира Жириновского (39%). Большинство (61%) ответили, что определено не станут отмечать ни День народного единства 4 ноября, ни День Октябрьской революции 7 ноября, еще 9% затруднились с ответом [3].

На момент написания статьи, 2017 г., многие так и не знают название праздника 4 ноября, и тем более его историю.

Таким образом, достаточно очевидно, что празднование 7 ноября в сознании общественности связано с событиями 1917 г., а попытка приписать этой дате иное содержание не принесла желаемых результатов. Кроме того, правительству России, на наш взгляд, пока не удастся инициировать государственный праздник, который оказывал столь мощное воздействие на общественное сознание и воспитание, каким было празднование Дня Октябрьской революции в СССР.

Иное отношение населения России к празднику 9 мая — Дню Победы.

Акт о капитуляции вражеской Германии был подписан 9 мая. День победы, история праздника отсчитывается от этой даты. Официально сдались гитлеровские войска еще 8 числа. Но в связи с временной разницей мир в Союзе наступил в 1:00 ночи. В тот же день в Москву привезли документ, который свидетельствовал о падении нацистов. Позже, 22 июня 1945 г., Сталин подписал приказ о Параде Победы, который впервые состоялся в июне 1945 г. Впоследствии был издан указ Президиума Верховного Совета СССР о том, что 9 мая становится государственным праздником Днем Победы и объявляется выходным днем.

Однако пышное празднование Дня Победы продолжалось всего лишь на протяжении трех лет. Начиная с 1948 г. в разрушенной фашистскими войсками стране власти посчитали нужным поставить на первое место восстановление городов, заводов, дорог, учебных заведений и сельского хозяйства. Выделять из бюджета немалые средства для пышного празднования важнейшего исторического события и предоставлять дополнительный выходной день рабочим отказались.

Свою лепту в возвращение Дня Победы внес Л.И. Брежнев — в 1965 г., в 20-летний юбилей Великой Победы, в календаре СССР 9 мая снова окрасилось в красный цвет. Этот памятный день был объявлен выходным. Во всех городах-героях возобновились военные парады и салюты.

По традиции, до наших дней, в городах-героях проходят военные парады и праздничные салюты. Новым атрибутом 9 мая с 2005 г. стала георгиевская ленточка — символ героизма, мужества и отваги. Ее накануне праздника бесплатно распространяют в общественных местах, магазинах, учебных учреждениях.

Обновление сценария проведения праздника Победы происходит с 2007 г. Тюменский активист и корреспондент Геннадий Иванов изготавил транспарант с портретом своего отца — младшего сержанта-артиллериста Кирилла Иванова — и предложил сделать это и своим друзьям и затем пронести их по улицам Тюмени 9 мая. На следующий год со снимками фронтовиков вышла уже большая колонна учащихся школы № 40. Фотографии события разнесла по всей стране сеть Интернет.

На предложение Геннадия Иванова сделать акцию всероссийской откликнулись руководители регионов, федеральных партий и общественных движений, правительственных структур. Идея стала именоваться Бессмертным полком. Впоследствии ее подхватили в Кемерово, а затем в десятках крупных городов РФ.

Для того чтобы раскрылся неисчерпаемый потенциал Бессмертного полка, 5 октября 2015 г. был зарегистрирован «Бессмертный полк России» — общероссийское общественное гражданско-патриотическое движение. За его создание высказались представители шести десятков регионов России, собравшиеся 2 июня 2015 г. на съезде в городе воинской славы Вязьме Смоленской области.

По данным МВД России, в праздничных мероприятиях 9 мая 2016 г. приняли участие 16 миллионов россиян [4]. И число участников этого общественного движения растет не только в России, но и за рубежом.

Примечания:

1. Декреты советской власти. Т. III. 11 июля – 9 ноября 1918 г. М.: Политиздат, 1964. С. 663.

2. Указ Президента РФ от 7 ноября 1996 г. N 1537 «О Дне согласия и примирения» // Гарант // URL: <http://base.garant.ru> (дата обращения: 28.10.17).

3. Пресс-выпуск: «16% россиян отпразднуют день народного единства 4 октября» // URL: <https://www.levada.ru/2012/10/31/16-rossiyan-otprazdnuyut-den-narodnogo-edinstva-4-oktyabrya/> (дата обращения: 28.10.17).

4. Бессмертный полк 2016: как это было // URL: <https://www.pravda.ru/news/society/09-05-2016/1300511-bessmertnyopolk> (дата обращения: 28.10.17).

УДК 323.23

А.В. Кульназарова

Электронная демократии: теоретические модели

А. Kulnazarova

E-democracy: theoretical models

Аннотация. Статья посвящена теоретическому осмыслению способов реализации электронной демократии. Анализируются взгляды зарубежных авторов по данной проблематике. Выявляются особенности электронной демократии как современной формы политического участия, ее возможности и риски.

Ключевые слова: электронная демократия, политическое участие, интернет-активизм.

Abstract. This article is devoted to theoretical comprehension of ways of realization of electronic democracy. The views of foreign authors on this issue are analyzed. The features of e-democracy as a modern form of political participation, its opportunities and risks are revealed.

Key words: Internet, Runet, government regulation, site blocking, social networks.

Современные интернет-технологии представляют обширный инструмент для совместного принятия решений. На сегодняшний день во всем мире созданы сотни интернет-платформ, позволяющих эффективно организовать совместную работу значительного числа участников над решением проблемы. Многие из этих платформ используют технологии open-source, что демонстрирует приверженность их создателей к

идеям открытости и демократии. С. Клифт описывает электронную демократию как применение интернет-технологий в целях расширения гражданских прав и свобод, возможностей участия в дискуссиях независимо от социального статуса и территориального расположения. Электронная демократия рассматривается исследователем не как революционно новый уровень демократии, а как технологически-обусловленная возможность совершенствования существующих демократических практик [3]. Продолжая эту мысль, А. Гронлунд отмечает, что дефиниции «электронной демократии», как правило, акцентированы в основном на технологическом аспекте, а не на демократизации политического процесса как такового и модернизации существующих институтов [4]. Ключевые характеристики электронной демократии в своем исследовании указывают К.Г. Рилли и М.А. Лоу [5. Р. 105]:

- множественность каналов коммуникации и взаимодействия;
- партнерство государства и гражданского общества;
- повышение субъективного чувства гражданской значимости каждого участника публичной дискуссии;
- повышение гражданской сознательности и грамотности благодаря информированию, просветительским материалам и дискуссиям;
- прозрачный диалог между государством и общественными группами;
- общественная модерация онлайн-дискуссий в соответствии с общепринятыми нормами этики.

Главным условием развития электронной демократии является свободный и равный доступ всех граждан к информации и открытость как со стороны структур гражданского общества, так и властных структур. Технические возможности на данном этапе своего развития позволяют полностью реализовать эту концепцию, однако реализация идей электронной дипломатии зависит не только от технологического, но и от социально-политических факторов и особенностей каждой конкретной политической системы. Электронная демократия может стать эффективным способом модернизации этой системы и своеобразным каналом артикуляции интересов социальных групп, которые в силу ряда причин (например, экономических) не имеют доступа (либо он затруднен) к другим формам выражения своих интересов. Электронная демократия может способствовать снятию общественного напряжения, поскольку при наличии развитых инструментов выражения

общественного мнения, в том числе недовольства, и получения обратной связи протестные настроения будут иметь тенденцию к угасанию. Однако ключевым моментом здесь является эффективная обратная связь, т. е. реальная способность системы адекватно реагировать на запросы граждан. В связи с этим важным становится и вопрос о правовом регулировании функционирования электронной демократии: речь идет, главным образом, об установлении единых правил порядка участия граждан в политическом процессе посредством веб-технологий, а также обязательности их выполнения и ответственности со стороны представителей власти. Таким образом, основные принципы электронной демократии — это информационная открытость власти, общедоступность информационных ресурсов, равенство участников коммуникации, контроль над реализацией решений со стороны общества, дискуссионный характер коммуникации.

Зарубежные авторы Г.Р. Сантос и Д.Ф. Тонелли выделяют четыре модели электронной демократии по двум критериям: степень вовлеченности граждан в процесс принятия решений и роль правительства в установлении повестки дня. Эти модели представлены в таблице 1 [6].

Таблица 1. Модели электронной демократии

Критерии	Граждане включены в процесс принятия решений неявно (имплицитно)	Граждане явно включены в процесс принятия решений (эксплицитно)
Повестку дня формируют граждане	партизанская	прямая
Повестку дня формирует правительство	либеральная	совещательная

Рассмотрим эти модели более подробно. Либеральная электронная демократия — модель, согласно которой граждане имеют доступ к процессу принятия решений, но повестку дня устанавливает правительство. Модель не предполагает изменений в распределении властных полномочий. Основное направление — это донесение информации до граждан и получение от них обратной связи; обеспечение информационной открытости, механизмов контроля и оценки деятельности вла-

сти. Совещательная электронная демократия — модель, подчеркивающая значение открытых дискуссий, открывающая возможности для реального диалога государства и общества. Вопросы для общественного обсуждения могут поднимать не только представители власти, но и рядовые граждане. Прямая электронная демократия — непосредственное участие граждан в решении значительной части политических вопросов при помощи систем электронного голосования и формирования повестки дня. Решения принимаются напрямую гражданами, без посредничества властных структур, и вся ответственность за их реализацию лежит на гражданах. Партизанская модель включает в себя все неинституционализированные формы гражданской активности и участия. Основным инструментом в этой модели становятся социальные сети, блоги, форумы.

Приведенная классификация форм электронной демократии достаточно обширна, однако на практике рассмотренные модели могут существовать одновременно, дополняя друг друга, например, на локальном и общенациональном уровнях. Поэтому представляется необходимым ввести критерии, позволяющие более строго разделить модели электронной демократии. Одним из таких критериев может стать обратная связь от государства (отвечает ли оно на запросы населения, поступающие из онлайн среды) — ригидное или гибкое государство; этот критерий определяет, действительно ли электронная демократией является следующей ступенью развития и демократизации общества, либо это лишь формальный, неэффективный инструмент взаимодействия.

В моделях взаимодействия с обществом государству отведена главенствующая роль, поскольку оно, во-первых, в конечном счете, контролирует инфраструктуру Интернета, во-вторых, задает правовые рамки взаимодействия в сети. А. Чедвик и К. Мэй [1] выделяют три типа демократического взаимодействия государства с гражданами:

- 1) предоставление гражданам информации;
- 2) предоставление гражданам возможностей обратной связи;
- 3) партнерские отношения между государством и гражданами, вовлечение в политический процесс.

Если представить эти типы как этапы демократизации взаимодействия, то прослеживается движение от различных форм электронного правительства к электронной демократии. А. Чедвик и К. Мэй выделяют следующие модели электронной демократии:

- Управленческая модель;
- Консультативная модель;
- Модель участия.

В Управленческой модели информационные технологии применяются для количественных улучшений государственного управления, сжатия госаппарата, сокращения расходов времени и ресурсов на бюрократические процессы. Управленческая модель не требует радикального пересмотра существующих государственных функций. Интернет-пользователи — пассивные получатели информации от государства.

Консультативная модель: информационные технологии выступают как средство донесения до власти общественного мнения без посредничества «групп интересов», т. е. без искажений. Информация рассматривается как ресурс для улучшения политического управления, решения проблем населения. Такая модель охватывает взаимодействие от простого сбора информации до квазисовещательной формы демократии. Эта модель является переходным этапом к полноценной демократии участия. В нее входят такие формы, как онлайн-опросы, голосования по определенным вопросам.

Модель участия включает в себя более сложное, горизонтальное взаимодействие между государством и гражданами. В модели участия интерактивное взаимодействие является неотъемлемой частью демократии как таковой. Общественное мнение и политическая активность складываются на основе форумов, групп интересов, виртуальных сообществ, которые становятся отправной точкой формирования активного гражданского общества [1].

Представленные сценарии носят достаточно демократический характер, однако на практике встречаются более централизованные и жесткие модели взаимодействия государства и общества.

Таким образом, электронная демократия подразумевает вовлеченность граждан в обсуждение и принятие коллективно выработанных решений, касающихся общественно-политических вопросов, а также вынесение проблем на обсуждение самими гражданами, предложение ими инициатив и самоорганизацию при помощи электронно-сетевых средств.

Электронная демократия предоставляет ряд преимуществ, как для граждан, так и для власти: с одной стороны, это артикуляция интере-

сов и потребностей, возможность легкого создания групп интересов и групп влияния более быстрого и эффективного совместного достижения поставленных целей, с другой — электронная демократия позволяет получать оперативную обратную связь, таким образом выявляя общественные проблемы, а также погашать недовольство и протестные настроения за счет предоставления легальной возможности публично высказывания и влияния на принятие решений.

Перед реализацией концепций электронной демократии также встает ряд проблем технического, политического, социального характера. Например, в случаях электронного голосования — проблема идентификации, конфиденциальности и подтасовок. Решить последние может создание сервисов электронной дипломатии по принципу Open Source, с публикацией исходного кода в свободном доступе, что позволит снизить риск мошенничества, «накруток». Однако такой подход может сделать систему более уязвимой для хакерских атак. Не менее важна и проблема контроля за выполнением решений, принятых онлайн-сообществом, — подобные недостатки должны устраняться на институциональном уровне путем введения особых механизмов общественного контроля. Но одной из наиболее существенных, на наш взгляд, проблем, является низкая степень заинтересованности и вовлеченности граждан в демократические процессы, несмотря на имеющиеся возможности участия, либо ограничение только виртуальными формами политического участия. Г.С. Кристенсен указывает на так называемый «слактивизм» (slacktivism): граждане выбирают легкодоступные цифровые формы взаимодействия вместо более эффективных традиционных форм, тем самым получая ощущение сопричастности и соучастия, на самом деле не оказывая влияния на реальный политический результат [2]. Решение этой проблемы зависит от уровня политической культуры и внедрения новых механизмов и технологий увеличения политической активности. Необходимо развивать механизмы общественного контроля, общественной экспертизы, участия в выработке государственных решений.

Литература:

1. Chadwick A., May C. Interaction between States and Citizens in the Age of the Internet: “e-Government” in the United States, Britain, and the European Union // URL: <http://wiki.douglasbastien.com/images/4/4a/>

Interaction_between_States_and_Citizens_in_the_Age.pdf (дата обращения: 23.10.2014).

2. *Christensen H.S.* Simply Slacktivism? Internet Participation in Finland // JeDEM. 2012. № 4 (1). P. 1–23.

3. *Clift S.* Putting Pen to Paper: Electronic Democracy, Write On! 1996 // e-democracy. 1996. 10 августа // URL: <http://www.e-democracy.org/intl/library/essay.html> (дата обращения 1.11.2015).

4. *Grönlund Å.* E-democracy and e-government — state of the art. 68th IFLA Council and General Conference. Glasgow, 2002. P. 18–24.

5. *Riley C.G., Law M.A.* The Changing Role of the Citizen in the E-Government and E-Democracy Equation. Commonwealth centre for e-government. London: Commonwealth Centre for e-Governance, 2003.

6. *Santos H.R., Tonelli D.F.* Possibilities and Limits of E-participation: A Systematic Review of E-democracy // URL: http://www.anpad.org.br/admin/pdf/2014_EnANPAD_APB1644.pdf (дата обращения: 07.08.2014).

УДК 316.77+314.44

Н.А. Лебедева-Несеверя

Критерии эффективности рискованной коммуникации в сфере здоровья¹

N.A. Lebedeva-Nesevria

Criteria of the effectiveness of health risks communication

Аннотация. В статье на основе выделения трех целей коммуникации — информационной, предметной и коммуникативной — обосновываются критерии эффективной рискованной коммуникации в сфере здоровья населения. Показана недопустимость редуцирования рискованной коммуникации до информирования органами власти населения о рисках для здоро-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых — докторов наук (проект МД-281.2017.6)

вья. Даются рекомендации для органов и организаций Роспотребнадзора по совершенствованию системы рискованной коммуникации в сфере здоровья населения.

Ключевые слова: рискованная коммуникация, риск здоровью, анализ риска, информирование.

Abstract. The criteria of effectiveness of health risk communication are justified in the article according to the three types of communication goals – informational, objective and communicational. It is shown that the reduction of risk communication up to the informing is not acceptable in context of the participation paradigm of public health.

Key words: risk communication, effectiveness, informing, risk analysis.

Методология анализа рисков для здоровья населения включает три взаимосвязанных элемента: оценку риска, управление риском и рискованную коммуникацию (традиционно в российских источниках называемую «информирование о риске» [1]). Внедрение в практику деятельности органов и организаций, ответственных за сохранение и укрепление здоровья населения (в особенности — Роспотребнадзора), данной методологии [2; 3] привело к актуализации вопросов организации процесса рискованной коммуникации [4] и оценки ее эффективности.

Рискованную коммуникацию в сфере здоровья населения определяют как целенаправленный процесс обмена сведениями между заинтересованными сторонами (производителями и потребителями риска, посредниками) об источниках (факторах), уровнях и способах управления (снижения, компенсации и пр.) риском для здоровья. Рискованная коммуникация может реализовываться на межличностном уровне (пример — коммуникативное взаимодействие врача и пациента по поводу вероятности возникновения различных заболеваний и способов их профилактики), а также в виде массовой коммуникации (пример — коммуникативное взаимодействие органов государственной власти и различных групп населения при ухудшении санитарно-эпидемической обстановки).

Эффективность коммуникации определяется в зависимости от степени реализации поставленных коммуникаторами целей — информационной, предметной и коммуникативной [5].

Реалии современного общества требуют обращения к парадигме участия, партнерству власти и общества, управленческому диалогу, расширению субъектов управления, в том числе в сфере охраны и укрепления здоровья граждан. Это означает изменение подхода к формулированию

целей рискованной коммуникации в сфере здоровья — они должны быть ориентированы на открытый диалог и совместную выработку решений по управлению риском.

Достижение информационной цели применительно к рискованной коммуникации означает, что реципиент принял и понял информацию о риске, переданную отправителем. Шире — это означает, что субъекты коммуникации согласовали свои «картины риска», базирующиеся, когда речь идет о рисках для здоровья, часто на разных основаниях — экспертном знании специалистов и, как следствие, органов власти, и обыденном знании, повседневном опыте и имплицитных теориях «не-экспертов». В ряде рекомендаций, сформулированных в том числе Всемирной организацией здравоохранения, предлагается оценивать эффективность коммуникации в зависимости от того, удалось ли специалистам донести свои интерпретации риска до населения. То есть рискованная коммуникация трактуется необоснованно узко — как информирование населения о рисках для здоровья с целью не допустить недооценки/переоценки риска, возникновения «реакции возмущения» (термин П. Сэндмана), паники. Целью рискованной коммуникации здесь является достижение неких когнитивных эффектов — возникновение у целевой аудитории (населения в целом или отдельных контингентов риска) новых, коррекция и дополнение имеющихся или вытеснение ложных, с позиции экспертного сообщества, знаний. Однако распространение в современном обществе парадигмы приемлемого риска (взамен концепции абсолютной безопасности) предполагает, что допустимость риска определяется не экспертным сообществом, а обществом в целом, т. е. совместно — производителями и потребителями риска, а также органами власти как посредниками. Это означает недопустимость редуцирования риск-коммуникации до информирования населения о риске органами власти/экспертами.

Достижение предметной цели риск-коммуникации в сфере здоровья означает, что одному актору коммуникативного взаимодействия удалось добиться изменения в поведении другого. Например, эффективность коммуникации органов здравоохранения и населения по поводу рисков, связанных с воздействием курения на здоровье человека, следует оценивать не только по уровню информированности населения о вреде курения, но и по сокращению доли курильщиков или частоты курения. Эффективность коммуникации жителей территории и органов местного самоуправления по вопросу строительства мусоросжигательно-

го завода и связанных с его деятельностью рисках для здоровья граждан целесообразно оценивать с учетом принятых управленческих решений.

Достижение коммуникативной цели рискованной коммуникации означает, что между субъектами коммуникации сформировались отношения, характеризующиеся а) доверием и б) равноправным положением. Данная цель не всегда ставится и редко озвучивается органами власти, когда речь идет о повседневных практиках рискованной коммуникации в сфере здоровья. Тогда как успешно реализованная коммуникативная цель является основой для достижения информационной и предметной целей рискованной коммуникации.

Внедрение инструментов оценки эффективности рискованной коммуникации в сфере здоровья в повседневные практики органов власти, в частности органов и организаций Роспотребнадзора следует предвратить переосмыслением целей данного коммуникативного взаимодействия. Во-первых, они должны быть ориентированы на формирование общего видения риска экспертами, властью и населением. Это предполагает не только распространение информационных сообщений о риске через средства массовой информации и официальный сайт (что предусмотрено соответствующим Административным регламентом Роспотребнадзора), но и открытый, основанный на взаимном доверии диалог с общественностью через различные коммуникационные каналы, в том числе социальные медиа. Во-вторых, конечной целью рискованной коммуникации должна быть выработка совместного решения по управлению риском на основе согласованных позиций всех заинтересованных сторон.

Литература:

1. Зайцева Н.В., Май И.В., Шур П.З. Анализ риска здоровью населения на современном этапе // *Здравоохранение Российской Федерации*. 2013. № 2. С. 20–24.
2. Постановление Главного Государственного санитарного врача РФ и Главного Государственного инспектора по охране природы от 10 ноября 1997 г. №№ 25, 03-19/24-3483 «Об использовании методологии оценки риска для управления качеством окружающей среды и здоровья населения в Российской Федерации».
3. Постановление Правительства РФ от 02.02.2006 № 60 (ред. от 25.05.2017) «Об утверждении Положения о проведении социально-гигиенического мониторинга».

4. Цунина Н.М., Молодкина Д.А. Актуальные направления развития социально-гигиенического мониторинга и анализа риска здоровью (в контексте информирования) // Анализ риска здоровью. 2013. № 3. С. 75–81.

5. Ухова Л.В. Эффективность коммуникации // Вестник Костромского государственного университета. 2010. Т. 16. № 1. С. 106–110.

УДК 316.77

П.Ю. Нешитов

Социологический взгляд на средства массовой информации

P.Y. Neshitov

The Sociological Perspective on the Mass Media

Аннотация. В статье рассматривается вопрос научного определения средств массовой информации. Показана недостаточность существующих определений, их неполнота, односторонность, внутренняя рассогласованность, отмечены негативные следствия подобного состояния теории СМИ. Предложено определение средств массовой информации как социального института, преимущественно принадлежащего не экономической, политической или культурной сфере, а сфере социальных отношений.

Ключевые слова: социология, средства массовой информации, социальный институт, закон, экономика, политика, социальные отношения, культура.

Abstract. There is an issue of mass media definition is considered in the article. The insufficiency of already developed definitions, their incompleteness, one-sidedness, and inner mismatch are mentioned, the negative consequences of such situation in the mass media theory pointed out. The definition of mass media as social institute attributed to the sphere of social relations, not those of economy, policy or culture is proposed.

Key words: sociology, mass media, social institute, law, economy, policy, social relations, culture.

В определении средств массовой информации существует известная двойственность: с одной стороны, они предстают как социальный инсти-

тут, обеспечивающий поддержание связей между индивидами и группами в обществе, с другой — как система технических приспособлений, предназначенных для распространения информации среди неопределенно большого числа лиц. Эта принципиальная двойственность обычно скрыта за множеством частных соображений исторического и теоретического свойства, редко становится предметом специального осмысления и, по-видимому, до сих пор ждет удовлетворительного истолкования в системе научных понятий. В российских и зарубежных исследованиях средств массовой информации предмет анализа определяется иногда оригинально, всегда неполно, эклектично, внутренне противоречиво, часто при этом имеет место подмена логики эрудицией. Между тем от исходного определения средств массовой информации зависит не только порядок их академического описания, но также их правовой статус и эффективность их функционирования.

Российский закон «О средствах массовой информации» делает акцент на материально-технических подробностях: «под средством массовой информации понимается периодическое печатное издание, сетевое издание, телеканал, радиоканал, телепрограмма, радиопрограмма, видеопрограмма, кинохроникальная программа, иная форма периодического распространения массовой информации под постоянным наименованием (названием)» [2]. В соответствии с этим определением законодательному регулированию подвергается деятельность редакций и работа хозяйственно-технической инфраструктуры, тогда как общественная ценность регулирования, его смысл и цель остаются неясными. Слова о свободе массовой информации, о недопустимости цензуры, отсылающие к Конституции, не входят в определение СМИ, не связаны с ним посредством умозаключений и носят в контексте закона характер литературного украшения. Законодательные нормы, упускающие из виду положительную функцию регламентируемой деятельности, очевидно вредны для правосознания и правоприменения.

Социологический подход к определению средств массовой информации преодолевает недостатки узкого профессионально-технического мышления. Рассмотрение средств массовой информации как социального института, производящего, сохраняющего и транслирующего общественные ценности, позволяет сосредоточить внимание на смысловой составляющей вопроса о СМИ. В связи с принятым в отечественной социологии разделением жизни общества на четыре сферы можно указать

четыре функции средств массовой информации — экономическую, политическую, социальную и культурную. С большей или меньшей полнотой и последовательностью эти функции научно описаны.

Во-первых, средства массовой информации участвуют в экономической жизни общества. Образуя в сфере производства и распределения собственный сегмент, они в то же время создают условия для более оперативного и массового экономического взаимодействия других экономических субъектов. Характер участия СМИ в экономике зависит от формы собственности, которая может быть государственной или частной. Несмотря на то, что в странах с развитым правосознанием редакциям законодательно обеспечивается независимость от контроля со стороны учредителей, форма собственности и способ финансирования часто накладывают отпечаток на содержание передаваемой информации. В странах с неразвитым правосознанием закон мало сдерживает владельцев и спонсоров в их стремлении навязать средствам массовой информации свою повестку и стиль информирования. Принадлежащие государству СМИ прямо или косвенно служат проводниками государственной информационной политики, нацеленной на обеспечение целостности и устойчивости политического пространства. Частные СМИ более свободны в выработке программных установок. Преследуя коммерческие или просветительские цели в рамках закона, они своей деятельностью расширяют и скрепляют единое информационное пространство страны, однако не предпринимают для этого специальных идеологически акцентированных мер. Иногда как об особой форме говорят об общественных СМИ, которые содержатся за счет абонентской платы, взимаемой со всех владельцев принимающих устройств, и свободны как от узости внимания частных СМИ, так и от нежелательного резонанса с изменчивой политической повесткой государственных СМИ.

Во-вторых, в политическом плане СМИ являются участниками борьбы за справедливое переустройство общества и за власть как инструмент подобного переустройства. Средства массовой информации различаются по идеологической направленности: одни утверждают либеральные ценности, другие исповедуют разного рода консерватизм (религиозный, национальный, этнический), третьи придерживаются социалистической ориентации. Заметнее всего политические предпочтения в тех изданиях, на тех теле- и радиостанциях, которые занимаются обзором общественно-политических событий. Многие из таких СМИ открыто вы-

ражают свою солидарность с определенными политическими силами. Впрочем, и в тех случаях, когда имеет место попытка беспристрастного и безоценочного информирования, политические склонности журналистов обнаруживаются в отборе тем и сюжетов, персоналий, словесных средств, изобразительного ряда. Сама по себе установка на непредвзятость политического анализа несет известную идеологическую нагрузку. Идеологическая составляющая различима, пусть не так отчетливо, и в материалах, посвященных вопросам организации производства, распределения общественных благ, проблемам семьи, образования, здравоохранения, преступности, в сообщениях об успехах науки и техники, в спортивных репортажах, в путевых очерках, в рецензиях на художественные произведения.

В-третьих, средства массовой информации принимают активное участие в конструировании социальной реальности. В смысле социальной ориентированности СМИ можно распределить по рубрикам в зависимости от того, какое представление о социальной структуре и динамике они транслируют, воспроизводят, закрепляют в общественном сознании, какие стороны общественной жизни преимущественно освещают, какие проблемы и каких героев помещают на переднем плане. Средства массовой информации предъявляют обществу разные модели социализации, самоорганизации, самоописания. Множество этих моделей замкнуто в границы между двумя крайностями: изображение социальной реальности как сцены, подготовленной для раскрытия способностей абсолютно свободного индивида, или как общественной стихии, растворение в которой составляет высшую цель личного существования. В правовом государстве социальная направленность средств массовой информации более или менее адекватно отражает соотношение общественных интересов и сил; использование СМИ в качестве средств пропаганды авторитарной властью искривляет и затуманивает поверхность этого социального зеркала.

В-четвертых, средства массовой информации поддерживают культурный уровень, в той или иной степени содействуют нравственному, умственному, эстетическому развитию общества. В культурном измерении СМИ различаются, прежде всего, отношением к нравственным идеалам, степенью их осознанности и приверженности им. В согласии с волей журналистов или вопреки ей, любой материал — от политической аналитики до спортивного репортажа, от экономического прогноза

до научно-популярной передачи — несет в себе определенные нравственные смыслы. Сам факт создания того или иного информационного продукта означает, что, по мнению редакции, он в каком-то отношении лучше других материалов, больше соответствует понятию о благе и о надлежащем порядке редакционной работы. Если журналистами принимается в расчет лишь коммерческая успешность продукта, то и это отражает известную, весьма бесхитростную, нравственную позицию. Также о культурном уровне СМИ можно судить по тому, насколько сотрудники привержены этическому кодексу своей профессии, насколько добросовестно они выполняют процедуры сбора, обработки, передачи информации, насколько глубоко считают необходимым изучить предмет, с которым намерены познакомить массовую аудиторию. Культурный уровень средства массовой информации обнаруживается как в содержательных трактовках материала, так и в тематическом, жанровом, стилистическом выборе, в предпочтении рационального или эмоционального уровня коммуникации. Различие между печатными и электронными СМИ является частным отражением культурного развития общества, обусловлено уровнем развития научного знания и материальной культуры.

Возможность классифицировать средства массовой информации по четырем основаниям не отменяет необходимости указать и аргументировать преимущественную принадлежность этого социального института к определенной сфере общественной жизни. Исследователи обходят данную проблему стороной, без достаточных объяснений или просто по умолчанию принимая ту или иную трактовку. Например, У. Шрамм склоняется к политологическому подходу, М. Маклюэн — к культурному, Ж. Бодрийяр — к экономическому, и практически все авторы ритуально рассуждают о важной социальной роли СМИ. На неярком фоне признанных и малоизвестных работ выгодно смотрятся попытки Д.В. Дунаса внести ясность в понятийный аппарат науки о средствах массовой информации. Планомерный и результативный в критическом отношении анализ методологии исследований средств массовой информации, однако, не привел пока к безусловным положительным достижениям. Трактовка СМИ как некоего «слагаемого» наряду с четырьмя сферами общественной жизни, апробированная в статье 2011 г. [1] и воспроизведенная в защищенной пятью годами позже диссертации, похоже, все-таки не заходит так далеко, чтобы переквалифицировать средства мас-

совой информации из социального института в самостоятельную пятую сферу общественной жизни.

С позиций общей социологии представляется наиболее удачной та атрибуция средств массовой информации, согласно которой они являются институтом социальной сферы. СМИ создают образ общественной действительности, устанавливают нормы семейного, дружеского, соседского общения, представления о правильном поведении в трудовом коллективе и в публичных местах, формируют личностные модели самореализации, социальные группы и классы. Несмотря на то, что средства массовой информации играют серьезную роль в экономических, политических, культурных процессах, их первоочередная принадлежность социальной сфере представляется столь же достоверной, как принадлежность семьи, которая, хотя и меняла на протяжении истории свои формы и функции, всегда оставалась местом осуществления живейших социальных связей. СМИ образуют близкую предметную, эмоциональную и умственную среду современного человека, дают ему чувство социальной принадлежности, составляют условие социализации. В прикладном смысле целесообразно ввести в законодательство определение средств массовой информации как института, обеспечивающего многоуровневую социальную интеграцию, описать идейные, организационные, материальные условия, при которых интегративная функция успешно выполняется, защитить СМИ от угроз идейного, организационного, материального порядка, в частности от чрезмерного законодательного регулирования.

Вопрос о том, насколько адекватно представление об общественной жизни как о совокупности четырех сфер, принятое в социологической традиции, выходит за рамки социологии, которая принимает это представление как аксиому. Изучением того, каким образом логика бытия производит социальный уровень реальности и его внутреннюю структуру, занимается философия. Эта проблема выходит за рамки заявленной темы.

Литература:

1. Дунас Д.В. К вопросу о классификации теорий СМИ // Вестник Московского университета. Серия 10: «Журналистика». 2011. № 4. С. 27–41.
2. Закон РФ от 27.12.1991 N 2124-1 (ред. от 29.07.2017) «О средствах массовой информации» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1511/ (дата обращения 30.10.2017).

Развитие рынка интегрированных коммуникаций в России

Т.В. Feyling

Development of the market of integrated communications in Russia

Аннотация. Экономические явления породили тенденцию формирования коммуникационных групп, объединяющих в своих структурах различные компании, представляющие основные сегменты коммуникационного рынка. Новая тенденция дает возможность повысить эффективность и качество услуг, а также расширить спектр предоставляемых услуг ключевым клиентам и участвовать в развитии бизнеса своих клиентов.

В качестве примера рассматриваются российские и глобальные коммуникационные группы.

Ключевые слова: интегрированные маркетинговые коммуникации, коммуникационные группы, конкурентоспособность, ключевые партнеры, развитие бизнеса.

Abstract. Economic phenomena engendered a tendency to form communication groups unite in their structures of various companies representing key segments of the communications market. The new trend makes it possible to improve the efficiency and quality of services as well as expand the range of services to key customers and participate in the business development of its customers.

As an example, consider the Russian and global communications group.

Key words: integrated marketing communications, communication Group, competitiveness, key partners and business development.

Кризисные явления в российской экономике отрицательно повлияли на рынок маркетинговых коммуникаций в стране. По данным Ассоциации коммуникационных агентств России (АКАР) доля коммуникационных услуг на российском рынке сократилась в 2015 г. в среднем на 10%. Объем сегмента маркетинговых услуг также уменьшился на 10% [1].

Рекламный сектор в России, традиционно самый обширный в комплексе маркетинговых коммуникаций, за 2015–2016 гг. показал падение по всем основным каналам распространения на 14%. Особенно пострадал сегмент печатных СМИ — 32%. Причины этого очевидны. Алексей Овчинников, руководитель отдела маркетинговых исследований ООО «Хёрст Шкулев Медиа»: «У прессы наблюдается довольно большое падение, которое, прежде всего, связано со спецификой данного медиа. Если посмотреть на основных рекламодателей, то ключевые сегменты здесь — fashion, beauty, авто, ювелирные изделия и фарма. Сейчас эти сегменты несут большие потери в товарообороте, связанные с экономической ситуацией в стране» [1].

В то же время некоторые аналитики прогнозировали рост рынка коммуникаций и с оптимизмом смотрели в будущее.

Комиссия экспертов АКАР подвела итоги развития рекламного рынка России за 2016 г. Суммарный объем рекламы в средствах ее распространения составил 360 млрд руб., что на 11% больше, чем годом раньше. Объем сегмента маркетинговых услуг составил 94,5 млрд руб., что примерно на 7% больше, чем в 2015 г. [1]

Кризисное положение коммуникационного рынка сформировало новый взгляд на развитие отношений с ключевыми клиентами и повлияло на дальнейшее развитие тенденции формирования рынка российских коммуникационных групп.

Коммуникационные группы объединяют в своих структурах различные компании, представляющие все сегменты коммуникационного рынка — от исследований до коммуникационного консалтинга.

Российские и зарубежные компании консолидируют свои активы в области коммуникаций под единым началом, преследуя при этом главную цель — приобрести устойчивое конкурентное преимущество, стать «видимыми на рынке» коммуникационных услуг. Новая тенденция дает шанс повысить эффективность и качество услуг, а также «преодолеть интеллектуальный застой и все более широко распространяющееся разочарование клиентов, связанное с неспособностью подавляющего большинства рекламных и PR-агентств предлагать услуги, принципиально выходящие за пределы компетенции и экспертизы самих клиентов» [2].

В настоящее время на российском рынке присутствуют крупнейшие коммуникационные группы, объединившие под своим началом множе-

ство рекламных, маркетинговых, исследовательских, PR и других компаний, предоставляющих коммуникационные услуги.

Коммуникационные группы сегодня стараются не только предоставлять качественные услуги по запросу клиента, но все больше участвовать в развитии бизнеса своих клиентов и обеспечивать коммуникационное сопровождение ключевых клиентов в формате 360°.

Рассмотрим некоторые примеры.

Коммуникационная Группа «Кузьменков и Партнеры» (КиМ) — одна из старейших компаний на российском рынке коммуникационного консалтинга и PR, основанная в 1993 г. Является единственной в России обладательницей двух высших мировых наград в сфере PR [3].

Бизнес КиМ опирается на уникальный опыт отраслевых экспертиз. К примеру, опыт работы в сфере строительства и недвижимости, включающий проекты по разработке бизнес-концепции, развитию бренда, разработке и реализации коммуникационно-маркетинговых стратегий, GR-консалтинг, PR-консалтинг, IR-проекты, позволили обобщить данный опыт, и создать отдельное проектное направление «Недвижимость». Это направление объединяет высококвалифицированных консультантов, работающих с городской, загородной, курортной, коммерческой и зарубежной недвижимостью, а также с компаниями в сфере строительной индустрии, производителями строительных и отделочных материалов, архитектурно-проектными организациями и регулирующими государственными органами. Помимо этого на сегодняшний день в корпорации сформированы следующие направления отраслевой экспертизы: Энергетика и ТЭК, Финансы и Страхование, Ритейл и Сети, Высокие технологии, Транспорт и Логистика, Бытовая техника и Электроника, FMCG, Красота и Здоровье, Социальные проекты, Медицина и Фармацевтика.

Также интересен опыт структурирования деятельности КиМ в области функциональной экспертизы. Она представлена следующими направлениями: Бренд-консалтинг, Корпоративные и финансовые коммуникации, Маркетинговые коммуникации, Event-менеджмент, Кризисные коммуникации, Маркетинг в Сети, Внутрикorporативные коммуникации [3].

Такой подход к коммуникационной деятельности делает КиМ прозрачной и комфортной для партнеров и заказчиков.

Еще одна российская компания «Михайлов и Партнеръ» провела реструктуризацию и объединила все компании, входившие в нее, под управ-

ление нового холдинга «Группа НОВАКОМ». Среди наиболее значимых активов под управлением «Группы НОВАКОМ» на сегодняшний день:

«Михайлов и Партнеры. Стратегические коммуникации» — крупнейшее агентство в сфере коммуникационного консалтинга в странах Центральной и Восточной Европы;

MultiTEC — одно из ведущих независимых российских рекламных агентств;

Agency One — российское независимое digital-агентство;

ERA — одно из крупнейших российских агентств в сфере организации и проведения мероприятий;

BTS — бутиковое агентство в сфере создания, управления и оценки брендов;

Центр управления знаниями — компания, специализирующаяся на социологических и маркетинговых исследованиях, медиа-аналитике, информационно-аналитическом сопровождении коммуникационных кампаний.

«Группа НОВАКОМ» также фокусирует свою деятельность на сопровождении ключевых клиентов компаний группы в формате 360° и распространяет свою деятельность на зарубежные рынки. Часто это связано с тем, что ключевые клиенты компании, развивая свой бизнес, выходят за пределы рынка России. В этом случае появляется необходимость знакомства российских компаний с иностранной аудиторией и особенностями взаимодействия с этой аудиторией. Специалисты корпорации «Группа НОВАКОМ» разрабатывают стратегии позиционирования на зарубежных рынках, выбирая наиболее эффективные пути их реализации. Помогают компаниям устанавливать и развивать отношения с иностранными СМИ, экспертными группами и лидерами мнений [4].

Также в качестве примера можно обратиться к данным одной из ведущих глобальных коммуникативных групп — WPP. В ее активе более 300 компаний из 500 ведущих компаний мира, более 200 клиентов обслуживаются в четырех различных дисциплинах, и всем этим занимаются более 60 000 человек, работающих более чем в 1000 офисах сотен компаний различного профиля, входящих в группу.

Аналогичная картина и у других ведущих групп, таких как IPG, Omnicom, BBDO, TWIGA и других.

Какие же выгоды несет для клиента консолидация коммуникационных компаний? Можно выделить ряд преимуществ корпоративных

отношений между коммуникативной группой и компанией-клиентом. К ним относятся:

1. Существенное сокращение финансовых и временных затрат. Коммуникационная задача клиента решается комплексно, в разветвленной корпорации с необходимыми ресурсами, адекватным и предсказуемым ценообразованием, контролем со стороны авторитетного партнера.

2. Гарантия качества. Декларация стандарта качества на большой территории и в разных сферах — это одно из основных преимуществ коммуникационной группы.

3. Маркетинговый консалтинг. Подбор эффективных решений в области тактики и стратегии ведения бизнеса, обеспечивающих успешность и жизнеспособность ключевого клиента.

Интересен опыт коммуникационных групп в рамках взаимодействия государства с бизнесом и другими социальными слоями общества.

При реализации таких задач выдерживаются высокие этические стандарты, продиктованные как корпоративной политикой компании, так и российским и международным законодательством.

Многие аналитики в России и за рубежом негативно высказываются по поводу фактической монополизации «коммуникационных региональных рынков крупными игроками», однако неоспоримым остается факт, что большинство глобальных клиентских бюджетов направляется в вертикально интегрированные группы, обладающие мульти-отраслевой, мульти-функциональной и мульти-географической экспертизой.

Литература:

1. Объем рынка маркетинговых коммуникаций в 2016 году // Официальный сайт АКАР // URL: http://www.akarussia.ru/knowledge/market_size/id6462 (дата обращения: август 2017).

2. Кузьменков И. Новые тренды на коммуникационном рынке / URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/55> (дата обращения: июль 2017).

3. Кузьменков и партнеры: Официальный сайт // <http://www.kuzmenkov.ru/> (дата обращения: июль 2017).

4. «Михайлов и Партнеръ» объединили свои активы в холдинг // URL: <http://www.sostav.ru/publication/mikhajlov-i-partnery-prevrashchayut-v-kholding-22652.html> (дата обращения: июль 2017).

Новые медиа и социум

А. Khashkovskiy

New media and society

Аннотация. Текст посвящен проблеме влияния социальной коммуникации на структуру социума и идентификацию индивидов. Анализируются тенденции, которые новые медиа (Интернет и социальные сети) вносят в процесс формирования социальной общности и его понимание.

Ключевые слова: социум, структура, новые медиа, медиaprостранство, идентификация, новая тоталитарность.

Abstract. The text is devoted to a problem of influence of social communication on structure of society and identification of individuals. Tendencies are analyzed as for new media (the Internet and social networks) bring in process of formation of social community and his understanding.

Key words: society, structure, new media, media space, identification, new totalitarianism.

Возникновение новых социальных структур тесно связано с фундаментальными переменами в сфере медиа. Возникновение империй стало возможным с появлением фонетического письма, национальных государств — с распространением книгопечатания, тоталитарных обществ — с развитием массовой прессы, радио и кино. Допустимо предположить, что появление новых медиа (Интернет, социальные сети), приведет к тектоническим сдвигам в социальной системе. Прогресс технических средств коммуникации приводит к изменению формы и содержания коммуникаций, а затем и самой социальной организации.

Современные общественные коммуникации в течение очень короткого, по историческим меркам, периода времени из преимущественно вербальных превратились в преимущественно визуальные. Эпоха Гутенберга неожиданно вошла в свою финальную фазу. Основной объем информации от медиа современный человек получает в форме статичных и движущихся визуальных образов. Вербальный текст не исчез, но отступил на второй план.

Интернет произвел необратимые изменения в системе масс-медиа. Традиционные масс-медиа (СМИ) вынуждены интегрироваться в глобальную сеть. В качестве примера могу сказать, что за последние 15 лет закрылись все «бумажные» журналы, с которыми автор сотрудничал как журналист (это были профессиональные издания о PR, рекламе и маркетинговых коммуникациях). Почти весь поток профессиональной информации ушел в Интернет. Массовые периодические издания еще существуют, но и им уготована судьба профессиональной прессы. В Интернете произошло стирание грани между «профессиональной» и «любительской» журналистикой. Авторы блогов, сайтов, пабликов и страниц в социальных сетях порой собирают большую аудиторию, чем «профессиональные» СМИ. Видеосюжеты и фотографии, снятые прохожими на мобильные девайсы, все чаще становятся элементами новостных программ телевидения.

Интернет стер грань между массовой и межличностной коммуникацией. Записи, фотографии, музыка и видео, которые вы оставляете на вашей страничке в социальной сети, адресуясь, возможно, к одному единственному другу, могут оказаться интересными для сотен незнакомых вам подписчиков. Мы все становимся публичными личностями и журналистами.

Постмодернисты ввели в обиход термины «интертекст» и «интертекстуальность». «Автора больше не существует!», — сказали они. И были в значительной мере правы. Интернет лишь довел эту идею до практического финала. Кто является сегодня самой востребованной фигурой в сфере создания медиатекстов? Рерайтер — мастер парафразов — человек, пересказывающий и компилирующий тексты, уже существующие в медиапространстве!

Представим себе человека начала 90-х, который увидел, как наши молодые современники пребывают в состоянии перманентного взаимодействия с мобильными коммуникационными устройствами. Он вполне мог бы подумать, что видит сон в жанре антиутопии. Проведенные моими студентами опросы, показывают, что их сверстники пребывают в киберпространстве до 15 часов в сутки. «Экстаз коммуникации» прерывается разве что на время сна и физиолого-гигиенических актов. Сказав, что мир сошел с ума, мы ничего не объясним. Но и при всем стремлении опираться на факты, быть объективными и логичными мы не сможем объяснить складывающуюся социальную структуру сколько-

нибудь достоверно. Находясь внутри процесса, мы в принципе не можем ни объяснить его, ни предсказать перспектив его развития. Все, что нам остается, — пытаться описать и осмыслить наиболее характерные феномены складывающейся структуры.

Очевидно, что нарастает процесс вытеснения живого межличностного общения медийным. Люди идентифицируют друг друга не непосредственно: визуально, тактильно и т. п., а по аватарам, репостам и другим средствам, порожденным новыми медиа. Самоидентификация осуществляется также через подписку на блоги референтных личностей. Возможности самоидентификации формально возрастают в геометрической прогрессии, имитируя свободу выбора. Но, если присмотреться, тысячи блогов, предлагающих модели самоидентификации, оказываются клонами нескольких архетипов, которые можно пересчитать по пальцам одной руки. За свободой выбора кроется новая — «мягкая» — тоталитарность, действующая в роботизированном режиме.

Доступ к информации кажется абсолютным в любом месте в любое время и создает иллюзию обладания знанием. Многие пользователи мобильных устройств всерьез считают, что они «умнее» всех ранее живших поколений. Доступ к большому объему информации (а по сути — всего лишь обладание девайсом) отождествляется ими с умом.

В условиях «патриархальной» и «индустриальной» структур коммуникатор еще казался вполне «материальным» и относительно однозначно идентифицируемым — он выглядел субъектом коммуникации. В ситуации новых медиа ситуация стала более прозрачной. Мы наблюдаем феномен девальвации личностного — «субъекты» коммуникации выступают скорее в качестве «субстрата» коммуникации. Человеческий «субстрат» предстает как «агар-агар» информационных потоков, на котором коммуникация «живет» сама по себе в качестве сообщества информационных «микробов» — уже даже не слов, а всего двух цифр «1» и «0».

Идентификация «субстратов» в новых медиа предельно текуча — их цель «быть в тренде» и «ловить хайп». Стремление «быть в тренде» и «ловить хайп» порождает необходимость постоянного пребывания в медиапространстве: «хайпу» нужно учиться и практиковаться!

Необходимость «бытия в тренде» требует получения и отравления десятков и сотен сообщений в сутки. Количество сообщений, воспринимаемых субъектами новых медиа, существенно меняет форму и содержание самих сообщений. Чтобы быть отправляемыми и принятыми в таком

количестве, сообщения должны быть предельно краткими и примитивными по содержанию.

Под влиянием технического прогресса радикально изменилась жанровая палитра масс-медиа. Отчет или статья в 16 000 знаков сегодня немислимы не только в массовых медиа, но и в профессиональных изданиях: их мало кто будет читать. В качестве видеоконтента в новых медиа доминируют короткие видео, в которых блоггеры повествуют о разного рода «лайфхаках», и «вайнь» — короткие примитивные сюжеты, которые кажутся авторам и аудитории смешными. «Вайнь» уже оказали влияние на рекламу. Многие рекламные ролики сегодня — это профессионально сделанные «вайнь», в которых «прикольный» сюжет ассоциирован с рекламируемым брендом.

Благодаря Интернету и мобильной связи жанр «фотография с подписью» стал одним из наиболее популярных.

Анализируя подписи к фотографиям в новых медиа, мы приходим к выводу, что в этом — скромном по размеру — коммуникационном инструменте нашли отражение важнейшие тенденции современных общественных коммуникаций.

Фотография с подписью как классический жанр иллюстрации еще продолжает существовать и в традиционной прессе, где она не играет столь важной роли, как в новых медиа. В новостных лентах Интернета объединение функций заголовка и подписи к фотографии в значительной степени привело к обеднению последней как жанра.

Подпись к фотографии часто является и заголовком текста, который мы можем прочитать, «кликнув» по фотографии или подписи-заголовку. Новостные ленты в Интернете представляют собой блок фотографий с подписями-заголовками.

В большинстве случаев функция заголовка преобладает, и подпись-заголовок выполняет в первую очередь информационную функцию, кратко анонсируя содержание скрытого текста. Нередко она играет роль «тизера» или становится фальшивой сенсацией, пробуждающей любопытство пользователя. В целом современная подпись и подпись-заголовок в прессе и Интернете чаще носят фактографический характер — выполняют информационную функцию.

Социальные сети используют фотографию с подписью как забавляющий, эмоционально-развлекательный жанр, что скорее не характерно для новостных порталов. В социальных сетях этот жанр теперь назы-

вается «демотиваторами» и «открытками» (в «открытках» используется графический образ или сюжет с подписью).

Жанры СМИ довольно условно делятся на информационные, аналитические, художественно-публицистические и развлекательные. Можно сказать, что в новых медиа фотография с подписью может выполнять все эти функции. В демотиваторах доминирует развлекательная и эстетическая функции, в мотиваторах (агитационных постерах) — публицистическая. Фотография с подписью в ленте новостей чаще выполняет информационную функцию. Там же мы можем увидеть портрет с подписью, содержащей мнение, вывод или прогноз в форме прямой или косвенной речи. В этом случае будет преобладать аналитическая функция. Фотография с подписью может иметь фактографический, прогностический или аналитический характер.

Завершая описание жанров новых медиа, сделаем выводы.

Рост общего информационного потока в новых медиа (по сравнению с традиционными) сочетается со значительным уменьшением среднего объема сообщения и обеднением жанровой палитры сообщений, которая преимущественно сводится к «демотиваторам», информационными заметкам (новостному фастфуду), «вайнам» и «лонгридам» (англ. longread — «длиннотчение»).

В массе сообщений новых медиа существенно снижены (в среднем) эстетическая и интеллектуальная составляющая. То же можно сказать и об элементарной грамотности, которая не «в тренде».

Рассмотренные выше частные формы коммуникации являются проявлением более общих социальных феноменов — кризиса идентичности, деградации живого общения, рождения новой — «мягкой» — тоталитарности.

Создается ощущение, что новые медиа формируют структуру социума, в котором индивидам отведена роль «субстрата», на котором сама по себе существует сама с собой коммуницирующая коммуникация.

Мы впервые сталкиваемся с ситуацией, когда коммуникаторами выступает все человечество, а адресатом является робот, решающий судьбу индивидов, его составляющих.

Раздел II.

Современная филология и проблемы преподавания филологических дисциплин студентам нефилологических факультетов

УДК 821.511.111

А.С. Алёшин

Рецепция творчества Й.Л. Рунеберга в Финляндии, Швеции и России

A.S. Alyoshin

The reception of J.L. Runeberg poetry in Finland, Sweden and Russia

Аннотация. В статье рассматриваются основные вопросы рецепции творчества Й.Л. Рунеберга в Финляндии, Швеции и России, ее история и изменение в результате воздействия различных факторов с XIX до начала XXI в.

Ключевые слова: творчество Й.Л. Рунеберга, «Рассказы Фенрика Столя», литература Финляндии.

Abstract. The article deals with the main problems of the reception of J.L. Runebergs poetry in Finland, Sweden and Russia, its history and changing from 19th to 21th century.

Key words: J.L. Runeberg poetry, “The Tales of Ensign Stål”, Finnish literature.

Йохан Людвиг Рунеберг является одним из самых известных шведскоязычных финляндских писателей XIX в., чье творчество в большой степени определяло развитие литературного процесса в Финляндии на протяжении десятилетий. Однако отношение к нему в Финляндии, а также в Швеции и России, менялось в различные исторические периоды. Целью данной статьи является рассмотрение основных особенностей

рецепции творчества Й.Л. Рунеберга в Финляндии, Швеции и России с XIX в. до наших дней.

В XIX в. представители финляндской интеллигенции находились в уникальной ситуации. Они стали подданными Российской империи, после того как Финляндия в результате русско-шведской войны 1808–1809 гг. вошла в состав России, но говорили и творили на шведском языке, являвшемся их родным языком, а также языком всех образованных людей в Финляндии того времени. Им было суждено во многом сформировать основу, на которой так или иначе будет строиться вся дальнейшая культура и литература Финляндии. К таковым можно отнести Э. Леннрота, Й. Снелльмана, С. Топелиуса и, конечно же, Й.Л. Рунеберга.

Безусловно, главным произведением поэта, принесшим ему общенациональную славу, являются «Рассказы Фенрика Столя», написанные в стихах 35 песней о событиях русско-шведской войны 1808–1809 гг., героями которых стали как шведские и русские полководцы, так и простой народ. В данном произведении автор изобразил войну как момент общей жизни нации, когда каждая личность вносит свой вклад в происходящее. Известно, что в 1854 г. в знак признательности Й.Л. Рунебергу ветераны финской армии преподнесли ему серебряную братину, деньги на которую собирались по всей Финляндии.

Самой знаменитой частью «Рассказов Фенрика Столя» является, конечно, первая песнь под названием «Наш край», ставшая гимном Финляндии.

Но не меньшую ценность для финляндской литературы имеют и стихи Рунеберга. На наш взгляд, особняком в творчестве поэта стоят два стихотворных сборника под названием «Идиллии и эпиграммы». Эти стихотворения были написаны Рунебергом в то время, когда он, будучи еще молодым человеком, вынужден был прервать обучение в университете города Обу (Турку) и зарабатывать себе на жизнь в качестве домашнего учителя в сельской местности Саариярви в Центральной Финляндии. Этот факт оказался очень важным для его дальнейшей судьбы и творческого развития. Он родился и вырос в прибрежной Западной Финляндии, а в Саариярви все было совершенно иным по сравнению с его родными краями. Там он увидел дикую, еще совсем не покоренную природу, поражающую его своей красотой и величием, и население, состоявшее в основном из финского крестьянства, жившее более прими-

тивной, неустроенной жизнью, но объединенное чувством патриархального коллективизма, добросердечностью и мужеством, каждый день совершавшее подвиг в борьбе с далеко не всегда человеколюбивой природой [1]. Однако у этих простых людей, занимавшихся тяжелым трудом, оказывается глубочайший внутренний мир, герои стихотворений наделяются способностью к глубоким философским размышлениям.

Долгое время в Финляндии творчество Рунеберга рассматривалось практически исключительно сквозь призму «Рассказов Фенрика Столя». Данное произведение играло ключевую роль в политической борьбе в финском обществе до середины XX в. Его первое издание вышло в 1848 г., когда по всей Европе прокатилась волна революций. Однако в Финляндии студенческие выступления прошли довольно мирно. Дело ограничилось тем, что 13 мая 1848 г. студенты университета Хельсинки вышли на лужайку в районе Гумтект (Кумпула), где несколько раз вдохновенно спели «Наш край» [4]. Такую форму проявления национализма можно было рассматривать как политически безвредную, и сам император Николай I ставил финское студенчество в пример всем остальным. Профессор Матти Клинге называет «Наш Край» «анти-Марсельезой», произведением, абсолютно безопасным для власти [3]. Безусловно, важную роль в судьбе «Рассказов Фенрика Столя» сыграла дружба Рунеберга с академиком Императорской академии наук, профессором русского языка в Хельсинкском университете Яковом Гротом, который был страстным поклонником творчества Рунеберга и даже перевел на русский язык песнь «Кульнев», повествующую о русском генерале, снискавшем уважение финского населения. Посредничество Грота способствовало еще большей благожелательности русской цензуры к Рунебергу. Нужно отметить, что Рунеберг в своем творчестве никогда не касался политических вопросов напрямую и не относил себя ни к одной из противоборствующих политических группировок в Финляндии, однако имел авторитет и пользовался уважением практически всех слоев финского общества. Однако в начале XX в., в так называемые «годы угнетения», когда в Финляндии была отменена конституция и проводилась политика русификации, произведения Рунеберга, и в первую очередь «Рассказы Фенрика Столя», становятся символом антирусского национализма. Сюжет и героев этого произведения начинают рассматривать прежде всего сквозь призму борьбы с Россией. В условиях репрессий столетие со дня рождения Рунеберга в 1904 г. сопровождалось обширными де-

монстрациями и политическими манифестациями [4]. После обретения Финляндией независимости в 1917 г. творчество Рунеберга продолжало играть важную роль в качестве источника представления о финском народе, его скрытой силе, проявляющейся в самых тяжелых ситуациях. Даже на Зимнюю войну 1939–1940 гг. многие солдаты еще брали с собой «Рассказы Фенрика Столя» [5].

Но во второй половине XX в. в силу разных причин влияние Рунеберга на сознание финнов сильно уменьшилось. Профессор Хельсинкского университета Тимо Вихавайнен называет в качестве главной причины этого перелом в восприятии темы войны, произошедший после Второй мировой войны, когда в литературе уже не стало места описанию великодушия и какой бы то ни было романтики войны [4]. С 60-х годов XX в. творчество Рунеберга перестало быть обязательным для изучения в финских общеобразовательных школах. Самым прискорбным в этой ситуации представляется то, что падение интереса к «Рассказам Фенрика Столя» привело к падению интереса к поэзии Рунеберга вообще, хотя большинство его стихов никак не связаны с военной тематикой.

В Швеции творчеству Рунеберга была уготована непростая судьба. Несмотря на то, что он писал на шведском языке, он творил уже в ту эпоху, когда Финляндия в результате русско-шведской войны 1808–1809 гг. перестала быть частью Швеции и вошла в состав России. Перед шведским обществом, и прежде всего перед государственными учреждениями в области культуры, такими как Шведская академия, встал вопрос отношения к шведскоязычной финской культуре. С одной стороны, Швеция не могла игнорировать литературный и культурный процессы в шведскоязычной Финляндии, но с другой стороны, Финляндия стала территорией другого государства, и финское общество в силу естественных факторов все больше отличалось в своем развитии от шведского. В 1831 г. Шведская академия присудила Рунебергу Малую золотую медаль за стихотворение «Могилы в Перхо», посвященное событиям русско-шведской войны 1741–1743 гг. В дальнейшем, несмотря на сильную связь Рунеберга со шведской поэтической традицией, его творчество не имело в Швеции большой известности. По сути, ему было отведено место шведскоязычного литературного классика второго плана. В 2004 г. по инициативе Шведской академии вышло в свет издание стихов Рунеберга в серии «Шведские классики» с предисловием члена академии, писателя Ларса Форсселля, в котором он характеризует степень известности

Рунеберга в современной Швеции следующим образом: «Задайте вопрос шведским школьникам о том, кто такой Рунеберг и что он написал, и некоторые, не многие, ответят словами его героя Адлеркрейца — он был финном. Еще пара человек скажет, что он написал «Рассказы Фенрика Столя». А скромная девушка, которую возможно, зовут Ханна или Йенни, покраснев во все лицо, прочтет его строки из стихотворения “Одно мгновенье” — “Одна была я, один пришел он”» [2]. Очевидно, однако, что определенный всплеск интереса к изучению творчества Рунеберга произошел в 2004 г., когда отмечалось двухсотлетие со дня его рождения.

В России творчество Рунеберга долгое время оставалось незнакомым широкому кругу читателей. На русском языке были изданы две небольшие книжки: «Мелкие стихотворения» (СПб., 1862) и «4 песни из “Сказаний Фенрика Столя”» (Гельсингфорс 4, 1905), обе в переводе В. Головина. На рубеже веков также вышли прекрасные переводы его стихотворений, сделанные В. Брюсовым и А. Блоком, но их было только три.

Лишь через сто лет, в 2004 г., к 200-летию Рунеберга, при поддержке Института Финляндии вышло издание переводов его избранной лирики, выполненное В. Дорофеевым, и в 2012 г. вышел перевод «Идиллий и эпиграмм», выполненный автором данной статьи.

Итак, можно констатировать, что на данный момент творчество Й.Л. Рунеберга практически незнакомо российскому читателю и в недостаточной степени известно в Швеции. В Финляндии же Й.Л. Рунеберг по-прежнему широко известен как великий национальный поэт и автор государственного гимна, но его творчество знакомо современным финнам в гораздо меньшем объеме, чем раньше. Однако представляется, что оно содержит в себе не раскрытый до конца культурный и литературный потенциал, который может быть востребован, к примеру в современных реалиях мультикультурного общества для сохранения и утверждения национальной идентичности.

Литература:

1. *Дорофеева Е.А.* Последний романтик Европы // Рунеберг Й.Л. Избранное. СПб.: Коло, 2004. С. 5–52.
2. *Forssell L.* Om Runeberg // Runeberg J.L. Dikter. Stockholm: Svenska Akademien, 2004. С. 350.
3. *Klinge M.* Poliittinen Runeberg. Helsinki.: WSOY, 2004. С. 630.

4. *Vihavainen T.* Merkintöjä Runebergista. Helsinki.: Literarus, 2008. С. 39.

5. *Wrede J.* Se kansa meidän kansa on. Runeberg, vänrikki ja kansakunta. Jyväskylä; Helsinki: Gummerus, 1988. С. 33.

УДК 372.881.111.1

Е.Н. Белова

**Роль научно-исследовательской деятельности
при формировании грамматической компетенции
студентов неязыковых вузов в условиях
информатизации языкового образования**

E.N. Belova

**The role of research whilst developing grammatical
competence of students in a non-linguistic university
in the context of language education informatization**

Аннотация. Статья посвящена значимости научно-исследовательской деятельности при формировании профессиональной, грамматической компетенции студентов неязыковых вузов. Представлена методика обучения грамматике иностранного языка средствами научно-исследовательской деятельности. Приводится пример организации подобной деятельности при изучении иноязычной грамматики.

Ключевые слова: мотивация, научно-исследовательская деятельность, грамматическая компетенция, профессиональная компетенция, методика обучения грамматике.

Abstract. This article is devoted to significance of research whilst developing professional, grammatical competence of students in a non-linguistic university. Foreign language grammar teaching methodology through research is presented. An example of organizing research whilst teaching foreign language grammar is provided.

Key words: motivation, research, grammatical competence, professional competence, grammar teaching methodology.

В неязыковом вузе в учебной программе по дисциплине «Иностранный язык» прописано аспектное обучение, т. е. обучение, предполагающее отработку языковых единиц в письменной и устной речи, формирующее тем самым языковые и речевые навыки на материале технических предложений и текстов.

Студенты первого курса, изучающие иностранный язык в течение года, испытывают трудности в усвоении огромного количества грамматического материала. И, как следствие, они быстро теряют интерес к занятиям, что сказывается на их академической успеваемости по этой дисциплине в конце года. Поэтому в данной работе мы намереваемся показать важность организации научно-исследовательской деятельности студентов при формировании грамматической компетенции с первых курсов обучения в неязыковом вузе в условиях информатизации языкового образования.

Огромное значение для развития личности студентов имеют представляемый опыт осуществления научно-исследовательской деятельности в начале обучения в вузе и непосредственное взаимодействие с профессиональной языковой средой. Научно-исследовательская деятельность позволяет студентам активно участвовать в учебном процессе, развивать навыки самостоятельного и автономного обучения, управлять содержанием обучения, своими когнитивными процессами и процессом изучения иностранных языков. Правильно организованная и управляемая преподавателем научно-исследовательская работа также развивает критическое мышление студентов и учит их самообучению. Это те навыки, умения, качества, способности, которые жизненно необходимы сейчас будущему выпускнику вуза в условиях информатизации языкового образования.

Научно-исследовательская работа мотивирует студентов к изучению иностранных языков [1] и формирует их профессиональную компетенцию. Под профессиональной компетенцией имеются в виду гносеологические, праксиологические и аксиологические знания, т. е. познавательные, поисковые, аналитические, исследовательские способности и ценностное отношение к профессиональной и учебной деятельности. Этапы формирования профессиональной компетенции включают теоретический, процессуальный и результативный [2]. Мы основываемся на них при организации научно-исследовательской деятельности студентов.

В условиях информатизации языкового образования целью обучения иностранным языкам выступает формирование коммуникативной компетенции учащихся, включающей лингвистическую (грамматическую, лексическую, фонетическую), социокультурную, стратегическую, социолингвистическую, дискурсивную. Грамматическую компетенцию можно рассмотреть как готовность и способность к адекватному восприятию, анализу и использованию в речи формальных и функциональных аспектов языковых единиц. При преподавании грамматики иностранного языка целесообразно учитывать единство формы и содержания языкового материала. Система правил, регулирующая эти формальные, структурные и семантические особенности языка, позволяет учащимся выполнять действия и операции в речевой деятельности.

В этой связи в неязыковом вузе мы рекомендуем придерживаться индуктивного подхода к обучению грамматике, а не имитативного или дедуктивного, поскольку два последних ограничивают самостоятельность учащихся и чрезмерно опираются на преподавателя. Наблюдение, проблемное обучение, активная когнитивная, аналитическая деятельность, самостоятельная исследовательская деятельность учащихся под чутким руководством преподавателя являются неотъемлемыми компонентами индуктивного подхода. Он приучает студентов размышлять над используемыми грамматическими явлениями, способствует развитию мотивации к их изучению по причине того, что учащиеся могут выбирать интересующие их аутентичные материалы, которые впоследствии подвергаются их анализу и интерпретации. Тем самым к концу изучения дисциплины «Иностранный язык» они повысят свой уровень владения английским языком и свою академическую успеваемость.

Самостоятельная, когнитивная научная деятельность учащихся неизбежно влечет за собой получение новых грамматических знаний, навыков и умений. Процесс их интериоризации происходит за счет автоматизации и включения знаний, навыков и умений в речевую деятельность. В данном исследовании такой деятельностью будет выступать аналитическое чтение, реферирование в письменной речи и перевод.

Р.Дж. Стернберг и К. Стернберг рассматривают два подхода к анализу английского предложения: грамматика непосредственных составляющих и трансформационная грамматика. Мы предлагаем использовать оба подхода к анализу английского предложения при фор-

мировании грамматической компетенции, поскольку первый подход предполагает семантико-синтаксическое описание внутри предложения посредством правил непосредственных составляющих, а последний описывает семантико-синтаксические отношения между предложениями посредством правил преобразования непосредственных составляющих. В отличие от грамматики непосредственных составляющих, трансформационная грамматика выходит за пределы описания этих составляющих и позволяет определить отношения между ними внутри предложений. Правила преобразования непосредственных составляющих накладывают древовидную структуру одного предложения на другую такую структуру другого предложения, что позволяет увидеть разницу или сходство в значении непосредственных составляющих обоих предложений.

Таким образом, интересным представляется для данного исследования анализ глубинной и поверхностной структуры предложения. Первый предполагает анализ непосредственных составляющих посредством правил преобразования, а второй — простой анализ непосредственных составляющих, результатом которого могут быть различные преобразования [3].

Анализ методической литературы позволяет нам выделить следующие методы и технологии обучения грамматике, связанные с научно-исследовательской деятельностью. Исследовательский метод обучения организует поисковую деятельность учащихся с помощью проблемных задач и интенсифицирует процесс обучения. В условиях информатизации языкового образования преподавателям необходимо выбрать этот метод, поскольку именно он направлен на развитие автономии учащихся, т. е. способности студентов управлять обучением иностранному языку.

Проблемное обучение способствует развитию самостоятельности и автономии учащихся, а также знакомит их с элементами исследовательской, поисковой деятельности. Поэтому уже с первых занятий по формированию грамматической компетенции необходимо вводить проблемное обучение и уходить от традиционных методов обучения иностранным языкам. Ведь сейчас в условиях информатизации языкового образования преподаватель больше не является транслятором знаний учащимся, а выступает как советник, консультант и организатор автономного обучения. Он помогает студентам сформулировать проблему исследования и руководит их исследовательской деятельностью.

Обучение в сотрудничестве также готовит студентов к будущей научно-исследовательской деятельности [4]. Однако студенты первого курса неязыкового вуза еще недостаточно самостоятельны и ответственны для осуществления такого рода деятельности. Поэтому здесь необходимо вмешательство педагога, его новой роли в условиях информатизации языкового образования.

Технологии дистанционного обучения не предполагают самообучения, а составляют часть обучения. Стратегией дистанционного обучения является установка на автономию учащихся. Задача преподавателя состоит в научении студентов самостоятельно работать и ответственно относиться к своей деятельности. Учебная деятельность с использованием технологий дистанционного обучения должна быть лично-ориентированной, обучающей и коммуникативной [5]. Эти требования можно реализовать средствами научно-исследовательской деятельности при формировании грамматической компетенции студентов.

В настоящем исследовании мы предлагаем пример организации научно-исследовательской деятельности на занятиях по грамматике английского языка. Сначала преподаватель помогает выявить интересы студентов по их научной специальности и выбрать научную статью. Затем учащиеся анализируют грамматические конструкции, используя предоставленные преподавателем диаграммы и схемы, алгоритм работы с грамматическим материалом, интернет-ресурсы. Устная презентация выбранных научных статей студентов подразумевает введение в общую тему статьи, определение интенции автора, определение часто используемых грамматических конструкций, выявление основных типичных трудностей при восприятии научных исследований и совместное разрешение возникающих в процессе работы с научным текстом вопросов. Тем самым обеспечивается взаимообучение студентов. Завершается исследовательская работа письменным реферированием и литературным переводом текста статьи. Следует отметить, что статья, выбранная студентами, должна быть от трех страниц аутентичного содержания и не переведенная ранее.

Грамматическими темами для анализа выступают члены предложения (подлежащее, сказуемое, дополнение, определение и обстоятельство), поскольку эти темы не противоречат применяемой в неязыковом вузе учебной программе по дисциплине «Иностранный язык».

Каждый студент выбирает один член предложения, при этом все члены должны быть охвачены для анализа студентами, и прослеживает его использование на протяжении всей статьи. Студенты также приводят типичные схемы и диаграммы на каждую используемую грамматическую конструкцию, записывают форму, значение и примеры из аналогичных аутентичных статей и т. д.

Во время такой научно-исследовательской работы организуются индивидуальные и групповые обсуждения и обязательные еженедельные консультации в режиме онлайн/офлайн. Студенты обсуждают свои работы, объясняя формообразование, значение и употребление грамматических явлений в научном тексте доступным для понимания языком.

Научно-исследовательская работа подлежит сдаче в конце первого семестра в систему Moodle. Преподаватель предоставляет письменный отзыв на работу студентов, которые, при необходимости, вносят исправления. На заключительном занятии по грамматике английского языка учащиеся защищают свою научно-исследовательскую работу перед всей группой с целью объяснения грамматических тем, изучаемых по дисциплине «Иностранный язык», и приводят аутентичные примеры из научной литературы. Таким образом, студенты знакомятся с научным стилем, учатся письменно реферировать и адекватно переводить технические аутентичные тексты, а также углубляют знания в инженерной сфере.

В заключение следует подчеркнуть, что при формировании грамматической компетенции студенты уже с первого семестра учатся осуществлять научно-исследовательскую деятельность на занятиях по иностранному языку, используя интернет-ресурсы по интересующей их тематике и не противореча учебной программе неязыкового вуза. Они следуют своим предпочтениям в выбранной специальности и самостоятельно, под руководством преподавателя, строят свою индивидуальную образовательную траекторию. В результате такой деятельности первокурсники осознают важность формирования грамматической компетенции для своей дальнейшей профессиональной деятельности.

Примечания:

1. *Обухов А.С.* Развитие исследовательской деятельности учащихся. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Национальный книжный центр, 2015. С. 288.

2. Анищенко В.А., Барангулова С.М. Роль научно-исследовательской деятельности в процессе формирования профессиональной компетентности бакалавров // Вестник ОГУ. 2013. №5 (154) // URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/rol-nauchno-issledovatel'skoy-deyatelnosti-v-protsesse-formirovaniya-professionalnoy-kompetentnosti-bakalavrov> (дата обращения: 10.10.2017).

3. Sternberg R.J., Sternberg K. Cognitive psychology. Belmont, CA: Wadsworth Cengage Learning, 2012, 2009. P. 608.

4. Иванов А.Ю., Спирина Л.Т. Личностно-развивающие педагогические технологии: учебно-методическое пособие. СПб.: СПбАППО, 2009. С. 52.

5. Назаренко А.Л. Информационно-коммуникационные технологии в лингводидактике: дисциплинарное обучение. М.: Изд-во МГУ, 2013. С. 271.

УДК 091/143.3/159.9.018.2/81-133

А.Ю. Вязьмин

К истории дискурса о структурно-феноменологической фонопоэтике

А.У. Vyazmin

To the History of Discourse on Structural-phenomenological Phonopoeitics

Аннотация. С помощью хронологии событий в истории языкознания статья очерчивает особую, связанную с фонемами область исследований в философии языка и лингвистике. Задача статьи — показать родство феноменологических и структуралистских методов исследования в лингвистике вообще и в фонологии в частности, которые, наверняка, можно сблизить еще и с помощью математики.

Ключевые слова: феноменология, структурализм, фонология, универсальная грамматика, априорные законы мышления, лингвистика.

Abstract. In terms of the chronology of events in the history of linguistics this paper sketches the special field of investigation, which associated with the phonemes and using the philosophy of language and linguistics. The objective of this paper consists in showing relationships of phenomenological and structuralist methods on linguistics research in general and on phonology in particular, which, probably, can bring closer even with the help of mathematics.

Key words: phenomenology, structuralism, phonology, universal grammar, a priori laws of thought, linguistics.

На сегодняшний день нет такого термина, который отражал бы ту область феноменологии звуковой и вербальной коммуникации, которая в своем анализе равно исследует фонемы и как части языка, и просто как звуки. Кажется, что победа логического позитивизма в своей борьбе за господство над философией науки всерьез отбила у феноменологов охоту заниматься этой сферой исследований.

Зато в начале XX в. в среде лингвистов зрели дискуссии о фонологии — чистой структурной лингвистики фонем, а заодно и звуков вообще. В центре этих логико-лингвистических споров оказалось молодое феноменологическое направление философии, а суть спора состояла в том, можно ли достоверно научно подойти к анализу фонем в словах разных языков и дать им какое-то строгое описание (скажем, на языке математики), или это почти тупиковое научное направление, от которого следует отказаться или оставить на потом, на правах гипотезы.

Еще во времена Античности платоновский Сократ в «Кратиле» изложил эту научную проблему таким ясным и захватывающим языком, что не поверить в существование фонетических закономерностей было невозможно: «Так вот этот звук ρ, как я говорю, показался присвоителю имен прекрасным средством выражения движения, порыва, и он много раз использовал его с этой целью. Прежде всего сами имена “река” — от слова *ῥεῖν* (*течь*) — и “стремнина” *ῥοή* подражают порывы благодаря этому звуку ρ; затем слова “трепет” (*τρόμος*), “обрывистый” (*τραχύς*), а еще такие глаголы, как “ударять” (*κρούειν*), “крушить” (*θραύειν*), “рвать” (*ῥεῖκειν*), “рыть” (*θρύπτειν*), “дробить” (*κερματίζειν*), “вертеть” (*ῥυμβεῖν*) — все они очень выразительны благодаря ρ. <...> А так как при произнесении λ язык очень сильно скользит (*ὄλισθάνειν*), опускаясь вниз, то, пользуясь уподоблением, он дал имена “гладкому” (*τὰ λεῖα*), “скользящему” (*ὄλισθηρός*), “лоснящемуся” (*λιπαρόν*), “смолистому”

(*κολλῶδες*), и прочим подобным вещам. Скольжению же языка на звуке λ, когда он подражает “клеякому” (*τὸ γλισχρόν*), “сладкому” (*γλοκύ*) и “липкому” (*γλοιῶδες*) препятствует сила звука γ» [4]. Однако уже Аристотель в своем анализе языка и речи опирался исключительно на грамматические и морфологические признаки, которые в логике и в общей лингвистике — с большим или меньшим допустимым количеством универсалий — можно встретить и по сей день. Предметный анализ звуков в ходе вековой истории оставался на уровне чего-то такого, что, в конце концов, оказалось в XIX в. лишь орудием прикладной эмпирической психологии.

Новое обращение к фонологическим вопросам внутри лингвистики было инспирировано работами Э. Гуссерля «*Логические исследования I*» (1901) [3] и «*Логические исследования II*» (1902) [2], в особенности вторым изданием последней книги (1913). В числе участников споров были непосредственные ученики и ассистенты Гуссерля, например, Л. Ландгребе; далее ученики Гуссерля из России, такие как Г.Г. Шпет и Р.О. Якобсон; а также участники Пражского лингвистического кружка, среди которых были последователи лингвиста брентановской школы Антона Марти.

Антон Марти в работе «*Исследования об основании всеобщей грамматики и философии языка*» (1909) [6] поднял проблему возможного существования «универсальной грамматики» (такой лингвистики, которая имела бы дело с априорными законами для всех явлений языка, в том числе и для фонетических) и обвинил Гуссерля в невнимании к ней. Гуссерль же с самого начала был убежден, что не только логика, но и любое языковое явление вообще имеют некую априорную природу, которую невозможно свести ни к физиологическим, ни к психологическим, ни к культурно-историческим предпосылкам. Поэтому уже во втором издании «*Логических исследований II*» Гуссерль не забыл упомянуть о Марти, который, по его словам, «удивительным образом полагает, что он мне противоречит...» [2]. Хотя Гуссерль и строил феноменологию на основе психологической дескрипции логической семантики языка, сам язык как таковой представлялся ему лишь чем-то таким, что повторяет акты сознания (функционирует как репрезентант актов сознания), в которых уже положены (*gelegen*), конституированы (*konstituiert*) формально-сущностные отношения. «Мы не можем также утверждать, что все идеальные единства этого

вида суть выраженные значения (*die ausgedrückten Bedeutungen*). <...> Они образуют идеально замкнутую совокупность общих предметов, для которых быть мыслимыми или выраженными — случайные обстоятельства» [2], — писал Гуссерль в первом издании. Из этого следовало, что и фонетическая составляющая языка также может быть построена на априорных принципах, а значит, задачей феноменологов-лингвистов должно стать указание на универсальные и имманентные всем языковым данностям формы и отношения, которыми, по словам Гуссерля, «оперирует каждый лингвист, уясняет ли он это положение вещей или нет» [2].

Сравнение взглядов Э. Гуссерля и А. Марти выходит за пределы данного краткого очерка, целью которого является задача очертить поле феноменологического исследования фонем языка (а может быть, даже и музыки). Кроме того, на сегодняшний день в России имеется работа современного отечественного историка философии Р.А. Громова (1970–2014) «*Антон Марти. Философия языка брентановской школы*» [1], в которой этот вопрос освещен исчерпывающим образом. Остается только добавить и лишний раз остановить на этом внимание, что в то же время (до Первой мировой войны), когда Гуссерль убеждал сторонников А. Марти в том, что в перспективе научных исследований философии языка он находится на их стороне, лекции Гуссерля в Гёттингене посещал (и лично с ним беседовал) известный отечественный феноменолог Г.Г. Шпет, которому также были близки праструктуралистские идеи А. Марти об универсальной грамматике и «внутренней форме» слова.

Благодаря Шпету, выступившему посредником между феноменологией в Германии и ее принятием в качестве исследовательской методологии в России, феноменология Гуссерля и философия языка Марти обратили на себя внимание другого отечественного литературоведа, филолога и лингвиста — Р.О. Якобсона.

С личностью Р.О. Якобсона связан второй этап сближения феноменологов и структуралистов. Волею судеб после 1920 г. Якобсон оказался за пределами Советского государства: работал в составе Советского полпредства в Чехословакии и стал одним из идейных вдохновителей и организаторов Пражского лингвистического кружка, основанного в середине 20-х годов Вилемом Матезиусом как непосредственным учеником А. Марти. Поскольку Якобсон

отчасти был инспирирован феноменологией, то его теория анализа фонем в оппозициях и структурная фонология, вошедшая в «Тезисы» Пражского лингвистического кружка, действительно относилась к тем областям дескрипции языковых явлений, что могли бы стать основой понимания априорных закономерностей связи мышления и речи. Помимо Шпета, посредническую роль между феноменологией и становлением теорий Якобсона выполняли известные философы К. Штуппф и А. Койре. Якобсон, так же, как и ранее Шпет, лично встречался с Гуссерлем в 30-х годах и дискутировал с ним.

В середине 20-х годов Гуссерлю — к тому времени декану Фрайбургского университета — еще удавалось следить за работами своих зарубежных коллег, встречаться с ними во время своих визитов за границу, или их визитов в Германию. Однако в 30-х годах ситуация менялась: Гуссерль становился невъездным и изолированным от науки. Последняя поездка Гуссерля в 1935 г. состоялась как раз в Прагу. Потом Гуссерль мог только просить своих учеников исследовать возможности сближения феноменологии и структурной лингвистики. В 1936 г. ученик и ассистент Гуссерля Людвиг Ландгребе выступил в Праге с докладом «*Понятия поля в языкознании и философии языка*» (“*Feldbegriffe in Sprachwissenschaft und Sprachphilosophie*”), в котором высоко оценил значение поиска априорных законов сочетания фонем, поскольку в этом вопросе близость феноменологических и структурных методов описания казалась ему явной. «Было интригующим для философа видеть, как при помощи фонологии взорвалась Аристотелева гилеморфическая схема и для анализа языка открылись совершенно новые возможности. Уже тогда меня осенило: между структурализмом как синхроническим и диахроническим анализом и феноменологией есть тесное родство» [“Es war für den Philosophen faszinierend, zu sehen, wie mit der Phonologie das Aristotelische Schema von Hyle und Morphe gesprengt und der Analyse der Sprache ganz neue Möglichkeiten eröffnet wurden. So hätte ich schon damals eine Ahnung davon gewonnen, daß zwischen struktureller, sowohl synchronischer wie diachronischer Analyse und Phänomenologie eine enge Verwandtschaft besteht.”], — писал он в своих воспоминаниях о совместной работе с Пражским лингвистическим кружком [5].

В рамках данной статьи желательно ограничиться историей дискурса до Второй мировой войны и не рассматривать такую тему, как

обращение более поздних феноменологов к структурной лингвистике. Более того, не хотелось бы именно в этих тезисах сравнивать взгляды Гуссерля и Якобсона, бегло опираясь на многие известные и малоизвестные труды.

Принимая во внимание ограниченность условий изложения, сосредоточимся на понимании самой научной проблемы — возможности достоверного анализа фонем в словах разных языков, — и той исторической точки, в которой феноменология была наиболее близка к ее разрешению. Вдобавок хочется сказать еще одно: возможно, что, как для ожидаемого сближения феноменологии и структурной лингвистики, так и для достоверного и эффективного анализа звуков языка, необходимо еще и участие математики.

Литература:

1. Громов Р.А. Антон Марти. Философия языка брентановской школы. Предисловие к публикации // Журнал «Логос» 1991–2005. Избранное. М.: Дом интеллектуальной книги, 2006. С. 197–235.
2. Гуссерль Э. Логические исследования. Исследования по феноменологии и теории познания // Гуссерль Э. Собр. соч. Т. III. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. С. 273.
3. Гуссерль Э. Логические исследования. Прологомены к чистой логике и теории познания // Гуссерль Э. Логические исследования, и др. работы. Минск: Харвест; М.: АСТ, 2000. С. 256.
4. Платон. Кратил. (426 D-427 B) // Платон. Собр. соч. в 3 тт. Т. 1. М.: Мысль, 1977. С. 860.
5. Landgrebe L. Erinnerungen eines Phänomenologen an den Cercle Linguistique de Prague / ed. by Matejka L. // Sound, Sign and Meaning. Michigan Slavic Contributions. No 6. 1976.
6. Marty A. Untersuchungen zur Grundlegung der allgemeinen Grammatik und Sprachphilosophie // Göttingenische gelehrte Anzeigen. № XII. 1909. S. 967.

**Case-study как средство развития иноязычной
коммуникативной компетенции студентов
технического вуза**

E.P. Zheltova

**Case-study as an effective technique for the development
of foreign-language communicative competence
of technical students**

Аннотация. В статье обосновывается актуальность использования интерактивной технологии “Case-study”. Отмечается, что данная технология является эффективным инструментом реализации стандартов высшего образования нового поколения, а также методом повышения качества образования в вузах. В статье представлен теоретический материал о кейс-методе (методе ситуационного обучения), приведен пример Case-study, разработанный по теме практического занятия по программе дисциплины «Иностранный язык».

Ключевые слова: качество образования, педагогические технологии, кейс-метод, ситуационное обучение, критическое мышление, мотивация, коммуникативная компетенция.

Abstract. The article proves the urgency of using the interactive technology “Case-Study”. This technology is stated to be an effective technique for implementing the new standards of higher education as well as improving academically. The article reveals the theoretical material about the case-method and presents the practical example of a Case-study, developed on the topic of practical classes according to the curriculum program on “Foreign Languages”.

Key words: quality of education, pedagogical technologies, case-method, case-based learning, critical thinking, motivation, communicative competence.

Современная концепция модернизации российского образования, в том числе переход на ФГОС третьего поколения ориентированы на повышение качества образования и требуют формирования универсальных знаний, умений и навыков; развития ключевых компетенций

и освоения опыта самостоятельной деятельности студентов. Согласно ФГОС в обучении ставится новая задача — упор на компетентностный и деятельностный подходы, и новая цель — подготовка специалиста, обладающего умениями реализовать теоретические знания в условиях риска, неопределенности решений, взятия ответственности, анализа многоуровневых причинно-следственных связей. Процесс изучения иностранного языка в неязыковом вузе направлен на формирование коммуникативной компетенции в соответствии с ФГОС ВО третьего поколения: «способность к коммуникации в устной и письменной формах на иностранном языке для решения задач межличностного и межкультурного взаимодействия» [1].

На наш взгляд, условиями успешности решения выше изложенных задач и проблем в процессе языковой подготовки в вузе, будет внедрение в процесс обучения иностранным языкам, широко декларируемой в современной теории и практике, технологии “Case-study”, которая является одним из активных методов обучения.

Различные способы использования активных технологий в процессе обучения студентов непрофильного вуза английскому языку рассматривают В.Г. Павленко, Е.Н. Иванова, Т.Ю. Гурьянова, А.М. Долгоруков [2, 3, 4, 5] и другие педагоги-практики. Однако, по мнению О.И. Ваганова, именно использование метода-кейса “Case-study” на уроках иностранного языка направлено на «реализацию коммуникативной компетенции, а также на развитие как языковых, так и неязыковых компетенций обучающихся» [2].

Понятия «ситуация» и «анализ», а также производное от них — «анализ ситуации» являются основными понятиями, используемыми в кейс-технологии. Сущность технологии заключается в том, что в ее основе применяются описания конкретных ситуаций или случая (от англ. “case” — случай). Представленный для анализа случай должен отражать реальную жизненную ситуацию. Во-вторых, в описании должна присутствовать проблема или ряд прямых или косвенных затруднений, скрытых задач для решения. В-третьих, требуется овладение предварительным комплексом теоретических знаний для преломления их в практическую плоскость решения конкретной проблемы [3].

Как отмечает В.Г. Павленко, урок английского языка на основе ситуативного обучения можно организовать поэтапно:

1. Вводные упражнения (Starting up), целью которых является обучение лексике, а также навыкам говорения; 2. «Аудирование» (Listening): упражнения этого раздела направлены на развитие навыков аудирования и письма, а также освоение новой лексики; 3. «Чтение» (Reading): упражнения на развитие навыков чтения и понимания текста на английском языке и освоение новых лексических единиц по теме урока; 4. Повторение грамматики (Language Review); 5. «Исследование проблемы» (Case-study), где приводится описание темы, поднятой в начале урока [3].

В нашем случае кейс представляет собой учебный материал по дисциплине «Иностранный язык», изучаемой сквозной темы “Global English” и представляет собой пятую группу упражнений, главная задача которых — обучить анализу и оценке сложившейся ситуации.

Case-study

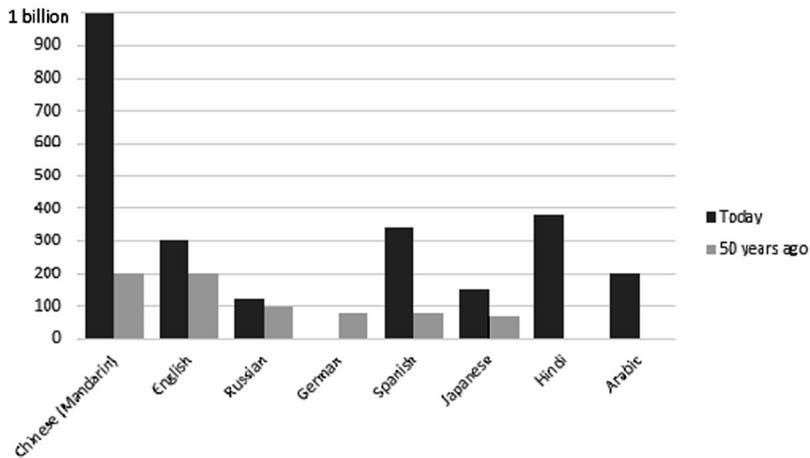
Часть 1. Введение в проблематику. Мотивация.

English around the World

Geographically, English is the most widespread language on earth, and it is the second only to Chinese in number of people who speak it. It is spoken in the British Isles, the USA, Australia, New Zealand and much of Canada and South Africa. That's about 400 million people. English is also a second language of another 300 million people living in more than 60 countries. If you add to this the enormous number of people who learn to understand and speak English (like yourself), you will realize that English is indeed a «world language». Can you imagine the percentage of population speaking English as a first or second language nowadays?

A 2014 report by the British Council suggests that the number of people learning English is likely to continue to increase over the next 5 years, peaking at around 2 billion, after which a decline is predicted. Various attempts have been made to develop a simpler "controlled" English language suitable for international usage (e.g. Basic English, Plain English, Globish, International English, Special English, Essential World English, etc). Increasingly, the long-term future of English as a global language probably lies in the hands of Asia, and especially the huge populations of India and China.

Часть 2. Выработка навыков обобщений и применения наглядных материалов (Critical Thinking).

Pic. 1. Approximate number of native speakers of languages 50 years ago and today.

1. Look at the chart below and complete the report with the words and phrases a-g.

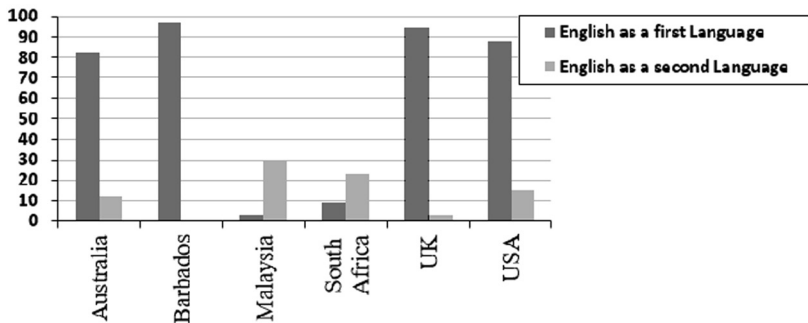
a) the approximate number, b) approximately, c) significant increase, d) there were no figures give, e) however, f) over the period, g) overall.

The bar chart shows _____(1) of speakers of different languages in the world now and 50 years ago. _____(2) the chart demonstrates that the greatest increase over the period has been in the number of people speaking Chinese.

Fifty years ago there were _____(3) 200 million speakers of Chinese. This has increased to the present figure of one billion. There were also 200 million speakers of English 50 years ago, but this figure has only increased to 309 million.

In addition, there has been _____(4) in the number of Spanish speakers from 100 million 50 years ago to 322 million today. Similarly, there were increases in the number of Russian and Japanese speakers. On the contrary, there were 100 million speakers of German 50 years ago, but this figure has remained almost the same _____(5).

_____ (6) for speakers of Hindi and Arabic 50 years ago. _____ (7), at present there are 364 million speakers of Hindi and 206 million speakers of Arabic.

Pic. 2. English as a first and second Language.

2. Look at the chart below and find out the percentage of population speaking English as a first or second language?

3. Complete the sentences according to the chart and put them in a logical order. The first and the last have been numbered:

In Malaysia almost a third of population...

There were no figures given for...

Overall, the chart demonstrates that four countries in the chart have a majority of...

This chart shows the percentage of people from a number of countries who...

The country with the lowest percentage of speakers of English as a first language...

In South Africa, just under a quarter of...

It is also interesting that in Barbados...

Часть 3. Развитие навыков работы в команде (Team Job Skills).

4. Work in pairs or small groups. You are the representatives of the different countries. Compare and discuss the information shown in the chart above:

a) What percentage of the population of Australia uses English as a first language?

b) Which country has the highest percentage that uses English as a second language?

c) Only one country in the chart has a population that uses English entirely as a first and second language. Which one?

d) Discuss the other countries in the chart clarifying their use of English as a first and second language.

Часть 4. Получение навыков презентации, ведения дискуссии.

5. Present a formal well organized report with information in a logical order taken from the charts using the linkers (e.g. However, on the one hand, etc.). Here is the format used for formal reports: the title; the introduction (the points that will be looked at); the findings (the facts discovered); the conclusion (what you think about the facts and how you interpret them); recommendations (practical suggestions to deal with the information and ideas).

Как письменный, так и устный отчет о результатах анализа кейса может быть групповым и индивидуальным, это зависит от сложности и объема задания. Результат работы с кейсом: получение информации, из предоставленных материалов или добытой самостоятельно (углубленное изучение вопроса); освоение метода сбора данных, метода анализа (проблемного анализа); умение работать с текстом, графиками, таблицами. Анализ ситуаций и работа в команде положительно воздействует на профессионализацию студентов, способствует их взрослению, формирует интерес и позитивную мотивацию к учебе, дает эмоциональный толчок к последующей поисковой активности.

Таким образом, метод Case-study (метод ситуационного обучения) на занятиях по английскому языку в вузе является эффективным инструментом по развитию коммуникативной компетенции студентов, поскольку данный метод включает в себя все виды речевой деятельности, а именно: чтение, говорение, письмо, аудирование, активизирует мыслительную деятельность, развивая аналитическое и критическое мышление. Более того, этот метод очень эффективен для «анализа иноязычного дискурса» и развития коммуникативной компетенции на основе формирования представлений о том, как реально функционирует английский язык.

Литература:

1. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования: Федеральный закон РФ от 9 февраля 2016. № 91.

2. Ваганова О.И. Метод кейсов в профессиональном обучении. Учебно-методическое пособие. Н. Новгород: ВГИПУ, 2011. С. 57.

3. *Павленко В.Г.* Применение кейс-метода при обучении английского языка в неязыковом вузе // Концепт. 2016. Т. 17. С. 534–538 // URL: <http://e-koncept.ru/2016/46282.htm> (дата обращения: 16.10.2017).

4. *Иванова Е.Н., Гурьянова Т.Ю.* Активные методы обучения иностранному языку в сельскохозяйственном вузе // Продовольственная безопасность и устойчивое развитие АПК: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары.: Чувашская гос. сельскохозяйств. акад., 2015. С. 833–836.

5. *Долгоруков А.М.* Метод case-study как современная технология профессионально-ориентированного обучения // URL: <http://www.evolkov.net/case/case.study.html> (дата обращения: 16.10.2017).

УДК 415.61

К.В. Землякова

Законы сочетаемости слов (на фразеологическом материале русского и английского языков)

К. V. Zemlyakova

Laws of word compatibility (on the phraseological material of the Russian and English languages)

Аннотация. В статье рассматриваются принципы сочетаемости фразеологизмов со значением качества процесса с глаголами-предикатами в русском и английском предложении. Автор анализирует закономерности сочетаемости слов, на основании чего делает выводы о системных особенностях сопоставляемых языков.

Ключевые слова: фразеологизм, сочетаемость, дубликация, комплементарность, контингентивность.

Abstract. The article dwells upon principals of compatibility of phraseological units denoting the quality with verbs in a Russian and English sentence. The author analyzes regularities and laws of word compatibility and draws a conclusion regarding systemic peculiarities of the two languages.

Key words: phraseological unit, compatibility, duplicate, complement, contiguity.

В русском и английском предложении позиция приглагольного обстоятельства образа действия может быть заполнена простым наречием или его фразеологическим аналогом. Поскольку фразеологизмы представляют собой особый класс номинаций, то предметом изучения стали именно их свойства, позволяющие им сочетаться с глаголами по определенным моделям и закономерностям.

Выявить эти модели можно в ходе компонентного анализа применительно к значению и глагольной лексеме, и самого фразеологизма. Считаем, что фразеологизмы закреплены за определенными глаголами (по анализу частотности употребления), поскольку в силу вступает действие ассоциативных связей трех типов: по сходству, по различию и по реальному родству (или по ассоциативности идей).

В результате последовательного разложения значений в сочетаемых глаголах и фразеологизмах нами выявлено три закономерности их совместного употребления:

- дубликация — сочетаемость на основании сходства;
- комплементарность — сочетаемость на основании различия;
- контигьютивность — сочетаемость на основании ассоциации идей.

Применение компонентного анализа к фразеологической семантике позволяет подробным образом проанализировать семантическую структуру фразеологической единицы и выявить скрытые за внешней формой фразеологизма смыслы, даже те из них, которые не нашли закрепления в его словарной дефиниции.

Заключенный в языковой единице смысл можно описывать с помощью синонимов или же развернутых толкований. Компонентный анализ предлагает еще один способ такого описания; с опорой на парадигматические связи в системе он стремится разложить значение на элементарные единицы содержательного плана. Соединение мельчайших содержательных компонентов в различных комбинациях друг с другом и задает значение любой лексемы в языке [2].

Так, разное значение может задаваться комбинацией компонентов «передвигаться с помощью ног по твердой поверхности» и «медленно» / «быстро»: (нестись) *что есть мочи* и (ползти) *как черепаха*. Аналогично в английском языке разная комбинация, к примеру, компонентов

значений «подавать голос, производить действие голосом» и «громко» / «тихо» задает значение английских фразеологизмов-антонимов: *below (beneath / under) one's breath* (*вполголоса, тихо, шепотом*) и *at the top of one's lungs / voice* (*во весь голос, во все горло, во всю глотку*).

Уникальная комбинация сем накладывает ограничения на сочетаемость единиц с другими, отмечает И.В. Арнольд: «существование скрытых сем доказывается, таким образом, методом от противного: ограничение на сочетаемость дает основание предположить наличие сем, препятствующих соединению» [1]. То есть вероятное соединение слов между собой детерминировано наличием в их значениях общей семы, которая, повторяясь в отрезке речи, организует, таким образом, его содержательную сторону.

На этом основании становится возможным выделение трех групп фразеологизмов:

1) Принцип повторения одной семы и в глаголе, и во фразеологизме является базовым для выделения *дубликатов* (англ. duplicate — дублировать). В лингвистике он носит название принципа семантического согласования, или «лексических солидарностей» (термин Е. Косериу).

Примеры таких дубликатов в их сочетании с глаголами: (вбежать, забежать) *одним духом*, (носиться) *как угорелые*, (whisper) *under one's breath* — (прошептать) *вполголоса*. Их притяжение именно к указанным глаголам обусловлено тем, что они дублируют сему в глаголе, эта сема является для них общей:

*Помню: **взбежать одним духом** по громадной боковой лестнице моста; наткнуться вечером под аркой на летучую дерюгинскую братву, бегущую из кино, как стая койотов; идти навстречу, сжав кулаки, деревеня от страха* (Ю. Трифонов. «Дом на набережной»).

A man had no business to giggle like that and gesticulate and make grimaces – she whispered under her breath (A. Huxley. “Eyeless in Gaza”). — «Джентльмен не должен был так хихикать, жестикулировать и гримасничать», — сказала она *вполголоса*.

Фразеологизм *одним духом* и глагол *вбежать* имеют общую сему одномоментности, быстроты, стремительности действия, аналогична семантическая связь дубликации между ФЕ *как угорелые* и *носиться* — их объединяет интегральная сема высокой скорости движения. Фразеологизм *below (beneath / under) one's breath* (*вполголоса, тихо,*

шепотом) употреблен с глаголом *to whisper*, содержащим сему неполноты проявления действия, которая продублирована во фразеологизме.

2) Выявление дифференциальных сем, не дублированных в значениях глагола и фразеологизма, а присущих только одному из них, является основанием для выделения *комплементов* (англ. complement — дополнять, служить дополнением для целого). Такое «притяжение» глагола и фразеологизма происходит по принципу комплементарности, т. е. восполнения недостающего. Этот принцип взаимодействия сем в сочетающихся словах обеспечивает совместное употребление таких фразеологизмов и глаголов как: (отвечать) *положа руку на сердце*, (drive) *like the wind* — (ехать) *со скоростью ветра*.

Вы их давно знаете, — сказала княжна Марья, — скажите мне, положи руку на сердце, всю истинную правду, что это за девушка и как вы находите ее? (Л.Н. Толстой. «Война и мир»).

He passed us on the wad driving like the wind (E.S. Gardner. “The D.A. Breaks an Egg”). — «Он обогнал нас, на своей машине он несся как угорелый».

Как правило, фразеологизмы-комплементы восполняют пустоты в семантической структуре глагола для его полноты в высказывании. Не обозначив характер производимого действия через комплемент, мы получаем информативно неполноценное высказывание, в нем будет отсутствовать какой-либо смысл.

3) Группа *контигьютивов* выявляется на том основании, что имеет тенденцию к употреблению с теми глаголами, с которыми их объединяет некая реальная связь, родство понятий объективной действительности или ассоциативные идеи, которые актуализируют если не всегда реальную, то воображаемую и потенциально возможную ситуацию. Такая связь осуществляется по принципу контигьютивности (англ. contiguity — соприкосновение, близость, ассоциация идей). Выполнение их семантической функции при глаголе можно объяснить высказыванием Н.Д. Арутюновой: «Обращаясь к примерам, в которых ограничения на сочетаемость отражают скорее устройство мира, чем структуру языка, мы постепенно оставляем область лексической сочетаемости слов и вступаем в сферу сочетаемости смыслов» [1].

К примеру, русский фразеологизм *как на собаке* имеет ограниченную сочетаемость, употребляясь с глаголами *зажигать, затягивать*

ся, *зарастать* (о ране, царапине): *Присохнет ранка и через двое суток заживет, как на собаке* (М.А. Шолохов. «Тихий Дон»).

Контингентивом является также фразеологическая единица *ногами вперед* и ее английский эквивалент *with the heels foremost*:

Я сюда въехала, а через неделю Храмову вынесли ногами вперед (Г. Щербаква. «Митина любовь»).

*They sent him out of the house **with his heels foremost*** (S. Miller. «A History of Declining Art»). — «Они вынесли его из дома *ногами вперед*».

В семантических структурах глагола и фразеологизма нет никакого указания на их языковую близость, но тем не менее данный фразеологизм достаточно ограниченно «выбрал» себе сферу употребляемых глаголов. Мы объясняем такое взаимное притяжение действием принципа ассоциативности идей, так как данное предложение разворачивает целую внеязыковую ситуацию. Глагольно-фразеологическое сочетание экстраполирует рисуемую языком ситуацию вовне, в реальный мир, где существуют представления о том, что у животных раны затягиваются намного быстрее, чем у человека.

Мы считаем, что совместное употребление определенных фразеологических единиц с определенной группой глаголов-предикатов преимущественно процессуального, нестатичного значения задано ассоциативными связями между предметами и свойствами объективного мира, представления о которых хранятся в памяти носителей языка.

Исходя из выявленных закономерностей возможно подвергать анализу и другие классы и фразеологизмов, а не только качественно-обстоятельственного класса. Так, вышеизложенный принцип классификации демонстрирует, как, объясняя совместную встречаемость элементов в речи типом ассоциативной связи между ними, мы сможем постичь механизмы мышления.

Литература:

1. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл (логико-семантические проблемы). Изд. 3-е, стереотип. М.: Едиториал УРСС, 2003. С. 384.

2. Вардзелашвили Ж. Наносмыслы в компонентном анализе слова // Славистика в Грузии. 2003. № 4. С. 26–29.

Использование учебных презентаций в обучении профессионально ориентированному иностранному языку и методика их оценки

N.V. Ignateva, J. V. Mitina

Training presentation task in teaching foreign language for specific purposes and its evaluation method

Аннотация. Сегодня перед преподавателями иностранного языка неязыкового вуза стоит задача научить студентов и магистрантов прежде всего общению в рамках узкопрофессиональных задач. Это требует абсолютно нового подхода к методике преподавания языка. В данной статье рассматривается такой относительно новый вид коммуникативных интерактивных заданий, как учебная презентация, а также предлагается методика ее оценки.

Ключевые слова: методика преподавания, иностранный язык, электронная презентация, методология оценивания, коммуникативное задание, интерактивное задание.

Abstract. Nowadays, foreign language teachers at non-linguistic university are targeted to teaching languages through the lens of future profession. To achieve this goal, new approaches to teaching methods are needed. This article describes main properties of training presentation and its evaluation method.

Key words: presentation, Power Point, interactive task, language for specific purposes LSP, teaching methods, communicative competence, evaluation method.

Учебная презентация — это многоуровневое задание, включающее несколько этапов, направленное на освоение абсолютно разных междисциплинарных компетенций. Перед студентами ставится задача подготовки доклада, касающегося их профессиональной тематики, создание мультимедийной презентации и подготовка выступления перед аудиторией, которая включает следующие этапы:

– обучающийся ищет информацию по своей профессиональной тематике, компоует ее, при необходимости переводит ее на иностранный язык или перефразирует. Происходит совершенствование лексических, грамматических, а также речевых навыков, особенно если информация берется из оригинальных источников;

– обучающийся заучивает текст для последующего изложения его перед аудиторией;

– обучающийся работает с компьютерными программами презентаций, уделяя внимание технике исполнения презентации;

– после выступления перед аудиторией и озвучивания заранее выученного текста доклада, обучающийся сталкивается с необходимостью реальной коммуникации с аудиторией на иностранном языке: ему необходимо понять, о чем его спрашивают, а также выстроить стратегию ответа.

Вводя в процесс обучения такое коммуникативное задание, как учебная презентация, преподаватель должен учитывать ряд моментов:

– четкая постановка задачи и анализ лексики доклада, особенно научной терминологии;

– предоставление обучающимся схемы научного доклада с перечнем наиболее часто используемых грамматических и лексических конструкций;

– оформление презентации, правила представления информации на слайдах [2];

– методология оценивания результата.

Вопрос методологии целостного оценивания учебных презентаций остается малоизученным [3, 4]. Требуется всесторонняя комплексная оценка, поскольку само задание направлено на формирование абсолютно разносторонних навыков. При недостаточной проработке любого из компонентов презентации, будь то содержательная, визуальная или вербальная (коммуникативная) составляющая, ее общее восприятие аудиторией будет искажено.

Для достижения адекватности в оценивании мультимедийной презентации предлагаемая методология включает исходное выделение базовых компонент презентации, определение параметров для их оценивания (1 этап) и непосредственное оценивание в отдельности с учетом весов (важности) в итоговой оценке, определяемых экспертным методом, причем их сумма должна составлять 100%. Базовые компоненты учебной электронной презентации можно разделить

на два блока — содержательно-композиционный и лингвистический, причем их собственные веса (важность) и веса компонентов задаются преподавателем в зависимости от целей презентации. На втором этапе проводится определение дескрипторов каждого компонента в соответствии с ранее определенными параметрами для различных уровней знаний в системе CEFR [1], а также в российской шкале оценок. В содержательно-композиционном блоке для оценивания целесообразно выделить следующие компоненты: содержание, структура — и их физическое воплощение на слайдах/оформление (перевод в модульный формат). В лингвистическом блоке рассматриваются как письменные, так и устные формы общения (говорение, аудирование): использование терминологии, слов-связок и учебных грамматических структур, защита презентации (взаимодействие с аудиторией, подготовка текста доклада, ответы на вопросы аудитории). Схематично этап представлен в Таблице 1.

Таблица 1. Параметры оценивания учебных презентаций.

Содержательно-композиционный блок (50%)	содержание (20%)	степень раскрытия темы исследования, соответствие теме, цели и задачам исследования
		достоверность информации
		убедительность и оригинальность
	структура (15%)	логическая последовательность
		информации обоснованность выводов
		понятность навигации
		оптимальность используемого количества слайдов
	оформление (15%)	использование разделов или маркированных списков
		использование минимального количества максимально сжатого текста и др.
Лингвистический блок (50%)	использование терминологии, слов-связок и грамматических структур (20%)	правильность использования и разнообразие терминологии
		использованных грамматических структур
		наличие различных ошибок (орфогр., грам., синтакс., речевых)
	защита презентации (30%)	краткость и лаконичность доклада
		умение ориентироваться в теме
		ответы на вопросы аудитории

Новые методики преподавания иностранных языков в неязыковых вузах по целому ряду причин являются очень актуальными на сегодняшний день. Такой инструмент, как учебная презентация, представляется комплексным учебным заданием, позволяющим развить разнообразные навыки у будущих специалистов, решить проблему отработки коммуникативных навыков в короткие сроки, погружая обучающихся в творческий процесс самостоятельной работы, а также учесть индивидуальные особенности каждого обучающегося и его научные интересы. Методология оценивания такого рода заданий разработана авторами, применяется на практике и дает возможность выставления оценки за итоговый результат.

Литература:

1. The Common European Framework: Teaching, Learning and Assessment. Strasbourg: Council of Europe, 1997 // URL: www.coe.int/lang-CEFR (дата обращения: 12.03.2007).
2. *Быкова Е.В., Федорова Н.Ю.* Принципы обучения презентации // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2015. Вып. 1 (25). С. 115–126.
3. *Игнатьева Н.В.* Особенности методики преподавания английского языка магистрам гидрометеорологических специальностей // Сборник трудов X Санкт-Петербургского конгресса «Профессиональное образование, наука и инновации в XXI веке». СПб., 2016. С. 207–208.
4. *Сеничкина О.А.* Методы оценивания сформированности иноязычной коммуникативной компетенции студентов-психологов (на материале английского языка): дисс. ... канд. пед. наук: 13.00.02. СПб., 2016.

**Процесс формирования английского языка как
лингва-франка (ELF) и современные подходы
к его преподаванию**

I.N. Makhonina

**English as lingua franca (ELF) in the stage of forming
and actual approaches to teaching ELF**

Аннотация. Статья содержит обзор работ англоязычных и российских авторов, посвященных описанию, разработке и применению находящегося в процессе формирования варианта английского языка как лингва-франка (ELF). Рассматриваются предпосылки выбора английского языка в качестве лингва-франка, тенденции развития ELF, современные педагогические парадигмы обучения ELF и методические рекомендации по преподаванию ELF.

Ключевые слова: английский язык как лингва-франка (ELF), ELF коммуникация, тенденции развития ELF, современные педагогические парадигмы обучения ELF.

Abstract. The article provides a short review of some works of English and Russian authors dedicated to describing, developing and applying English as a lingua franca (ELF) in its formation stage. The prerequisites of the English employment as lingua franca, the latest trends in ELF researches, actual pedagogical paradigms of ELF training, and methodical recommendations for teachers of ELF are considered.

Key words: English as lingua franca (ELF), ELF communication, ELF development trends, pedagogical paradigms of ELF training.

Английский язык занимает уникальное положение в современном мире. Он имеет официальный или особый статус, по крайней мере, в 75 странах (общая численность населения более двух миллиардов человек); каждый четвертый житель мира говорит по-английски на каком-то уровне компетенции, причем согласно Дэвиду Кристаллу соотношение между не-носителями языка и носителями составляет 3:1 [1];

более чем две трети ученых читают на английском языке; три четверти мировой почты пишется на английском языке; 80 % мировой электронной информации хранится на английском языке.

В англоязычной литературе встречаются следующие названия для варианта английского языка, используемого в международной коммуникации: английский как международный язык — “English as an international language” (EIL); английский как лингва-франка — “English as a lingua franca” (ELF); английский как глобальный язык — “English as a global language”; английский как мировой язык — “English as a world language”; наконец, английский как среда межкультурной коммуникации — “English as a medium of intercultural communication” [2]. Мы остановимся на названии, предложенном Барбарой Зайдлхофер (Barbara Seidhofer), английский как лингва-франка (ELF).

Все эти названия подразумевают комплекс различных вариантов и разнообразных вариаций разговорного языка, используемого различными группами по всему миру; начиная с диалектов (вариаций) внутри стандартного британского (Standard British), стандартного американского (Standard American) английских языков и международных стандартов, как язык BBC, и заканчивая смешанными вариантами языков, называемых New Englishes или World Englishes.

Брай Качру (Braj Kachru) предложил схему распространения английского языка в виде трех концентрических кругов. Внутренний круг (Inner Circle) — английский родной язык (ENL). Внешний круг (Outer Circle) — английский язык в бывших английских колониях и сейчас используется в официальных документах и образовании (ESL). Расширяющийся круг (Expanding Circle) — страны, где английский язык все больше используется в процессе глобализации (EFL) & New Englishes [3].

Распространение английского происходит в сложном лингвистическом контексте, характеризующемся как подъемом национальных языков внутри Великобритании и по всему миру, так и появлением множества новых вариантов английского языка [4]. Варианты New Englishes распространены в отдельных странах (Franglish, Spanglish и т. д.) или могут охватывать такие политические объединения, как Евросоюз.

По мнению специалистов, в сложившихся условиях английский язык носителей языка нельзя считать стандартом, поскольку их в мире меньшинство, и они говорят на разных вариантах английского языка. Ни один существующий вариант английского языка не может быть при-

нят как лингва-франка из-за имеющихся у них особенностей, принятых только внутри группы, использующей этот язык.

ELF в современном контексте понимается как средство межкультурного общения в определенной сфере деятельности — вариант английского языка, отражающий многоязычное взаимодействие как иностранных, так и «естественных носителей языка» в создании и применении новых дискурсивных стратегий.

По мнению Барбары Зайдлхофер, уникальная роль английского языка как глобального и его применение в культурном, экологическом, социополитическом и психологическом взаимодействии между представителями разных языковых культур неизбежно имеет и лингвистические последствия, которые необходимо описать и проанализировать. ELF коммуникация означает взаимодействие между носителями языка, говорящими на различных вариантах английского, или между носителями языка.

Для сбора материалов по ELF коммуникации, их систематизации и анализу был создан электронный корпус — «Международный корпус английского языка Вена – Оксфорд» (“The Vienna-Oxford International Corpus of English — VOICE”), выявляющий потенциал корпусных разработок в исследовании таких явлений, как переключение кодов (code-switching), многоязычные практики (multilingual practices) и коммуникация посредством “English as a Lingua Franca” (ELF). Корпусные данные были собраны между 2001 и 2007 гг. VOICE-онлайн был выпущен в 2009 г., а VOICE XML-файлы — в 2011 г. [5]

На основе корпусных исследований в области социальных преобразований в обществе развивается углубленное восприятие многоязычного дискурса, вмещающее в себя влияние и взаимодействие норм родного и иностранного языков. Отражение всего многообразия речевых практик в составе корпуса ELF представляется сложной задачей, включающей рассмотрение различных контекстов межкультурного взаимодействия участников.

В настоящее время зарубежные лингвисты предполагают две возможные тенденции развития ELF:

1. Создание стандартного упрощенного варианта английского как лингва-франка для обеспечения глобальной коммуникации на основе разработки стандарта английского языка для не-носителей языка (Simple English, Globish).

На основе корпуса ELF (VOICE), анализируя типичные ошибки носителей языка, западные лингвисты выявили типичные трудности для иностранцев и предложили учесть их при разработке упрощенного варианта английского языка. Среди предложений по упрощению английского языка звучат следующие: потеря окончания -s в третьем лице настоящего времени; образование формы множественного числа у некоторых неисчисляемых существительных, например, “informations”, “advices”; терпимость к некорректному использованию артиклей; образование формы прошедшего времени по регулярной модели, т. е. путем прибавления окончания -ed ко всем глаголам и т. п.

Стандартный ELF также может включать лексико-грамматические модели употребления, используемые в речи данным этническим сообществом в качестве общепринятых образцов речи, которые формируют нормативную практику наряду с моделями употребления речи естественных носителей английского языка (Standard English).

Так как у преподавателей ELF во время занятий нет времени обучать различным вариантам ELF, предлагается включать в грамматику и лексику курса ELF лексические и грамматические варианты только широко известны[в мире форм (например, have/have got).

2. Другая тенденция состоит в отработке стратегий взаимодействия, которые в дальнейшем позволят адаптироваться к любому варианту английского языка (опора на экстралингвистические сигналы; идентификация и опора на общие знания, измерение и адаптация к языковым репертуарам собеседников; сигнализация непонимания; просьба повторить, перефразируя и т. п.).

Ключевой вопрос ELF коммуникации — это согласование значений и достижение понимания между собеседниками с помощью стратегий, которые можно отнести к двум группам: предотвращение возможного непонимания между собеседниками — “pre-empting strategies”; согласование значений для устранения непонимания — “solving strategies”.

Большинство исследований в области практического использования ELF фокусируются на переключении кодов, что позволяет компенсировать недостаточное владение лексикой. Переключение кодов в межкультурной коммуникации ELF предоставляет дополнительный лингвистический инструмент и служит для осуществления четырех функций: идентификации адресата, представления другой идеи, освоения сигнальной культуры; освоения культуры обращения за помощью.

ELF следует рассматривать во взаимодействии и контакте с другими языками, которые могут быть частью языкового репертуара участников коммуникации, — творческое использование многоязычных ресурсов в определенных условиях и с определенными целями. Не следует делать упор на грамматическую правильность, если собеседники и так понимают друг друга, так как грамматические ошибки редко приводят к непониманию того, что говорит собеседник. ELF — это инструмент создания комплексной, творческой коммуникации: соавторство участников в процессе оформления их лингвистических навыков.

Появление новой модели обучения — полностью компетентный пользователь ELF, создало новые педагогические парадигмы обучения ELF:

1. Сосредоточиться на языковой осведомленности, а не на грамматической правильности — «сдвиг от изучения английского языка к изучению языков». Необходимо развивать потребность и компетентность учащихся в использовании и понимании различных вариантов английского языка и даже, возможно, других языков.

2. Формировать социолингвистическую чувствительность (компетенция) — признание различных прагматических норм для различных контекстов коммуникации.

3. Помогать учащимся осваивать стратегии взаимодействия, которые позволят адаптироваться к любому варианту английского языка и будут способствовать установлению дружественных межнациональных отношений.

4. Содействовать текстовой компетентности (навыки чтения и навыки письма для выбранной учащимися цели).

Изменяется и подход преподавателя ELF к процессу обучения: тщательный отбор содержания учебного материала с учетом фонетических и морфо-лингвистических особенностей ELF; рефлексивность в педагогической практике (анализ и осмысление своей деятельности); уважение к национальной культуре обучающегося.

Методисты Британского совета [6] рекомендуют преподавателям EFL: мотивировать учащихся изучать ELF; при обучении учитывать языковые потребности и особенности не-носителей языка; не стремиться к произношению носителей (BrE or AmE). Допускается произносить с акцентом, свойственным носителю определенного языка. Преподавателям английского языка следует ознакомиться с эффективными стратегиями ELF коммуникации и обучать им своих студентов.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что в настоящее время ELF находится в стадии создания. Рассматриваются два подхода — создание стандартного варианта ELF (Simple English) и отработка стратегий взаимодействия для эффективной ELF коммуникации. В рамках этих подходов формируется фонетика, лексика, грамматика, стилистические и прагматические параметры устной и письменной речи. Появление новой модели обучения — полностью компетентный пользователь ELF, привело к необходимости создать новые педагогические парадигмы, основанные на формировании у учащихся языковой осведомленности, социолингвистической чувствительности и освоении стратегий ELF коммуникации. Важно отметить уже происходящую в русле указанных изменений переориентацию программ обучения с традиционных критериев грамматической корректности на владение языком в определенном ситуативном и межкультурном контексте и коммуникативно-корректное языковое поведение, обеспечивающее достижение целей коммуникации. По мнению автора, основную идею нового подхода к обучению ELF хорошо, хотя и своеобразно, выразил блоггер Скотт Торнбери (Scott Thornbury) в своем блоге (2011), «Если бы мы посвятили больше времени и энергии на обучение ученика, а меньше на обучение языку, мы, возможно, были бы лучше обеспечены».

Примечания:

1. *Crystal D.* English as Global Language. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. P. 299.
2. *Seidlhofer B.* Research perspectives on teaching English as a lingua franca // Annual Review of Applied Linguistics. 2004. P. 209.
3. *Kachru B.* The sacred cows of English // Journal of English Today. The University of Illinois Press. 1988. 4(4). P. 5
4. *Андрюхина Т.В.* New Englishes, World Standard English и преподавание делового английского // Пути повышения конкурентоспособности экономики России в условиях глобализации. Иностранные языки как средство международной коммуникации в условиях глобализации. Научная конференция к 50-летию МЭО МГИМО (Университет) МИД РФ. 2009. С. 6.
5. OICE. The Vienna-Oxford International Corpus of English // Corpus Description // URL: http://www.univie.ac.at/voice/page/transcription_general_information (дата обращения: 29.10.2017).

6. *Davies K. S., Patsko L.* How to teach English as a lingua franca (ELF). 25 November 2013 // URL: <https://www.britishcouncil.org/voices-magazine/how-teach-english-lingua-franca-elf> (дата обращения: 29.10.2017).

УДК 371.3:478:811.112.2

Л.А. Николаева

Изучение фразеологизмов как средство формирования грамматической компетенции

L.A. Nikolaeva

Learning Phraseological Unit as a Means of Grammar Competence Formation

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы практического употребления поговорок на уроках немецкого языка в качестве грамматической модели. Актуальность вопроса автор видит в том, чтобы обогатить речь студентов и выработать устойчивые модели разговорной речи.

Ключевые слова: грамматическая компетенция, фразеологизмы, преподавание немецкого языка в неязыковом вузе.

Abstract. The article deals with the problems of practical application of the proverbs as grammar models in the course of German language in higher education. The author supposes this issue an actual one as learning it gives an opportunity to enrich the speech of the students as well as to activate the set models of the conversational language.

Key words: I.F. grammar competence, phraseological units, teaching German in non-linguistic higher education institution.

Общеизвестно, что использование в речи фразеологических выражений обогащает и украшает речь. И наоборот, неумение пользоваться этими структурами обедняет и обесцвечивает общение. Это в равной степени относится как к носителям языка, так и к изучающим иностранные языки. В неязыковом вузе вопрос включения фразеологизмов в контекст учебного материала представляется достаточно важным, поскольку помогает нашим студентам освоить не просто грамматические и

лексические структуры, но и на их основе расширить знания о культуре, истории, традициях страны изучаемого языка.

Несмотря на актуальность данного вопроса, до сих пор существует пробел в предлагаемых пособиях по изучению современного немецкого языка. В нашей стране издается множество фразеологических словарей и всевозможных справочников, но при этом отсутствуют практические сборники упражнений, нацеленные на развитие грамматических компетенций учащихся. Подобная ситуация наблюдается также и в немецкоязычных странах: дидактические и методические рекомендации по использованию фразеологических единиц на уроках немецкого языка как иностранного практически не разрабатываются. Площадкой для обсуждения этой темы выступают в большей степени тематические журналы [1].

Сложность представляет и вопрос дефиниции понятия «фразеологизм». Несмотря на обширность фразеологических исследований, до сих пор отсутствует научно обоснованное определение, так как «фразеология как языковое явление представляет собой не простую сумму фразеологических оборотов» [2]. Из всего лексического богатства фразеологизмов мы остановимся только на фразеологических оборотах, включающих пословицы и поговорки. По данному вопросу среди ученых-лингвистов нет единого мнения. В.В. Виноградов не рассматривал пословицы и поговорки как разновидность фразеологизмов, но Н.М. Шанский выступил с предложением расширить классификацию фразеологизмов В.В. Виноградова и включить пословицы и поговорки, представляющие собой коммуникативные единицы и передающие целое сообщение. В зависимости от характера сообщения они разделяются на две группы. К первой относятся коммуникативные обороты, объединяющие разговорно-бытовые речевые штампы и не несущие назидания, т. е. поговорки. Вторая группа объединяет «коммуникативные обороты афористического характера, содержащие в себе какое-либо нравоучение, меткую мысль, несомненную истину или житейское нравоучение» [3]. К этой группе относятся пословицы и крылатые слова.

В контексте преподавания немецкого языка пословицы являются более выгодным рабочим материалом, так как помимо лексической нагрузки они представляют больший интерес и для изучения грамматического аспекта. Они характеризуются своеобразной структурной оформленностью, являясь по существу самостоятельными предложениями, что дает преподавателю неограниченные возможности для отработки на их

основе всевозможных грамматических трудностей. Таким образом, пословицу можно рассматривать как модель при формировании речевых компетенций у студентов с целью усвоения конкретных грамматических структур и развития прагматической компетенции.

Первым шагом при работе с фразеологическими оборотами — пословицами — представляется отбор материала для занятия. Здесь есть несколько условий, которыми необходимо руководствоваться при поиске необходимых фразеологических единиц, включаемых в контекст занятия. Прежде всего, следует отбирать пословицы, распространенные и хорошо известные носителям языка, для которых немецкий язык является родным. Это мотивирует студентов и помогает справляться с определенными трудностями в освоении чужого языка. Далее необходимо учитывать историческую перспективу возникновения пословиц и стараться избегать присутствия исторических реалий в тексте пословицы. Отобранные пословицы должны быть максимально приближены к современной разговорной речи. И не в последнюю очередь надо принять во внимание наличие в родном языке пословицы-кальки, полного семантического и лексического эквивалента, что значительно упрощает разбор и дальнейшее усвоение студентами лексического и грамматического материала. В противном случае происходит попытка перевести пословицу буквально, слово в слово, что приводит к полному или частичному искажению смысла. Такие явления наблюдаются все чаще, так как в условиях избыточного наличия гаджетов студенты пользуются электронными переводчиками, не имеющими в программе функций дифференцирования семантики слова. Имея пословицу-эквивалент в родном языке, студенты наглядно ощущают сходство и различия в формах, употреблении, частотности и конструкции семантических полей фразеологизмов немецкого и русского языков. Таким образом, отбор пословицы как рабочего материала необходимо проводить с учетом поставленных методических и дидактических задач.

Наряду с вопросом селективности пословиц вторым по важности является вопрос презентации. Какими методиками необходимо воспользоваться, чтобы доступно и доходчиво представить этот богатый пласт разговорной речи? По этому вопросу существует немало концепций, но большинство лингвистов сходятся во мнении, что наиболее продуктивными являются следующие принципы:

- 1) знакомиться с пословицами необходимо только в контексте;

2) поговорка должна быть представлена в рамках аутентичного материала;

3) особо следует оговаривать стилистическую коннотацию поговорок и их полиситуативность.

Если придерживаться перечисленных принципов, можно с уверенностью сказать, что работа с поговорками заинтересует студентов, делает процесс обучения более увлекательным, приблизит их к использованию иностранного языка на практике. Через освоение семантических, синтаксических и прагматических особенностей поговорок студенты получают навыки непосредственного бытового общения на немецком языке, а потому не будут иметь проблем в использовании его в повседневной речи.

Исходя из особенностей учебных программ, предлагаемых в неязыковых высших учебных заведениях, невозможно в полном объеме сосредоточиться на всем потенциале лексических средств, содержащихся в поговорках. Поэтому мы ограничиваемся только грамматическим аспектом. Это большая поддержка при освоении сложных грамматических конструкций немецкого языка и запоминании морфологических и синтаксических образцов, фразеологизмы могут использоваться в качестве дополнительных мнемотехнических средств.

Как известно, система времен в немецком языке представляет значительную трудность для студентов, поскольку не всегда можно провести полные аналогии с родным языком. Поэтому творческое употребление поговорок как устойчивой грамматической формы помогает быстрее запомнить и понять особенности структуры немецкого предложения, содержащего разнообразные формы категории времени. Универсальность построения поговорок позволяет не ограничивать их применение на практике и одновременно исключить использование установившейся грамматической структуры в ином грамматическом поле. В качестве примера можно привести известные поговорки, имеющие эквиваленты в русском языке.

Reden ist Silber, Schweigen ist Gold. Слово — серебро, молчание — золото.

Ausnahmen bestätigen die Regel. Исключения подтверждают правило.

Die Zeit heilt alle Wunden. Время лечит.

Eine Hand wäscht die andere. Рука руку моет.

Приведенные примеры иллюстрируют разнообразие форм слабых и сильных глаголов, категорию числа и лица, способы выражения сказуемого для настоящего времени Präsens.

Категория времени Perfekt отсутствует в русском языке, наглядно продемонстрировать ее образование и использование помогают пословицы.

Besser schlecht gefahren als gut gegangen. Лучше плохо ехать, чем хорошо идти.

Wie gewonnen, so zerronnen. Как пришло, так ушло.

Поскольку в устоявшейся грамматической форме отсутствует вспомогательный глагол, студенты могут в дополнительном задании самостоятельно подставить его, произведя трансформацию фразеологической единицы; важно при этом показать разницу в использовании глаголов haben или sein.

Многочисленны примеры с модальными глаголами и модальными конструкциями. Сами по себе они не представляют грамматической трудности, но помогают лучше освоить личные глагольные формы.

Man soll den Tag nicht vor dem Abend loben. Хвали день к вечеру.

Wer A sagt, soll auch B sagen. Сказал А, говори Б.

Über den Geschmack läßt sich nicht streiten. О вкусах не спорят.

Синтаксические конструкции с формальным подлежащим man и es соответствуют неопределенно-личным предложениям русского языка.

Es ist nicht alles Gold, was glänzt. Не все то золото, что блестит.

Wie man in den Wald hineinruft, so schallt es wieder heraus. Как аукнется, так и откликнется.

Приведенные примеры наглядно показывают, что пословицы можно широко использовать на занятиях по немецкому языку. Они придают уроку более живой характер и способствуют обогащению словарного запаса студентов не только в иностранном, но и в родном языке. В настоящее время, время сплошной информатизации общества, распространения электронных средств общения возникает большая опасность утраты навыков живого общения. Создание глобальной компьютерной сети дало возможность общаться одновременно с собеседниками, находящимися в разных странах. Новое слово, появившись как индивидуальное, получает развитие не в речи мастеров слова, а в границах определенной социальной группы, объединенной общим информационным пространством. Разнообразные форумы, чаты, мессенджеры, смайлики приво-

дят к тому, что пользователи, и в их числе и наши студенты, обходятся минимальным набором выразительных средств, забывают о богатстве и выразительности родного языка. Поэтому важно через изучение иностранного языка вернуть интерес к родному языку, используя для этого обширный арсенал, накопленный народами и отраженный в речевом богатстве пословиц и поговорок.

Литература:

1. Fremdsprache Deutsch. Zeitschrift für die Praxis des Deutschunterrichts. Heft 15. 1996.
2. *Виноградов В.В.* Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // А.А. Шахматов (1864–1920): Сборник статей и материалов / под ред. акад. С.П. Обнорского. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. С. 339–364.
3. *Шанский Н.М.* Фразеология современного русского языка. М.: Книжный дом «Либроком», 2012.

УДК 372.881.111.1

Т.И. Парицкая

**Использование ментальных карт на занятиях
по английскому языку в техническом вузе**

T.I. Paritskaya

**Using mind maps for teaching English to students
of technical Universities**

Аннотация. Статья посвящена обсуждению использования ментальных карт (mind maps) для улучшения понимания технических текстов при обучении студентов технических вузов. Навык создания ментальных карт помогает в развитии креативности студентов, а также способствует развитию навыков анализа, синтеза, классификации и сравнения информации.

Ключевые слова: обучение английскому языку, студенты технических вузов, ментальные карты, анализ, синтез, сравнение, классификация, навыки.

Abstract. The article considers the approaches to using mind maps for teaching students in order to improve understanding of technical texts. The skills of making mind maps develop creativity and improve students' ability to analyze, synthesize, classify and compare information.

Key words: English language training, the students of technical universities, mind maps, analysis, synthesis, comparison, classification, skills.

Ментальные карты — одна из наиболее популярных и востребованных техник визуализации мышления. Автором данной разработки является английский ученый Т. Бьюзен, характеризующий ее как графическое выражение процесса радиантного мышления [1]. Он выделяет четыре отличительные черты ментальной карты: «1) объект внимания кристаллизован в центральном образе; 2) основные темы, связанные с объектом внимания, расходятся от центрального образа в виде ветвей; 3) ветви, принимающие форму плавных линий, обозначаются и поясняются ключевыми словами или образами. Вторичные идеи также изображаются в виде ветвей, отходящих от ветвей более высокого порядка; 4) то же справедливо для третичных идей и т. д. Ветви формируют связанную узловую систему» [1].

В настоящий момент многие педагоги и исследователи пришли к выводу об эффективности представления информации при помощи ментальных карт. Так, И.С. Мамичева указывает, что алгоритм построения ментальных карт можно представить следующим образом: 1) в центре листа, расположенного горизонтально (альбомная ориентация), рисуется ядро — основная тема (понятие, ключевой образ); 2) начиная с правого верхнего угла по часовой стрелке от ядра, рисуются ветки первого уровня — разделы, на которых пишутся слова, раскрывающие центральную идею; 3) от веток первого уровня отходят ветки второго уровня, своего рода разукрупнения, уточнения; 4) слова по возможности пишутся печатными буквами. Записываются только ключевые слова (не предложения); 5) разные уровни или ветки выделяются цветом. Везде, где возможно, добавляются рисунки, пиктограммы, символы, ассоциирующиеся с ключевыми словами [2].

И.Ю. Шитова и В.П. Гончарова указывают, что ментальная карта — не только мощный графический метод, но и эффективный инстру-

мент для визуализации мышления. Ментальная карта строится на основе ассоциаций, с использованием графических образов, рисунков, различной цветовой гаммы. Данный метод имеет ряд преимуществ: экономия времени от краткой записи и поиска ключевых слов, которые сведены в единое поле зрения, связаны между собой ясными и уместными ассоциациями и в таком виде более заметны и воспринимаются с большей легкостью, высокая концентрация внимания на существующих вопросах. Человеку легче воспринимать и запечатлевать в памяти разноцветную многомерную интеллект-карту, чем монотонный, притупляющий внимание линейный конспект. К тому же этот метод отвечает естественному стремлению мозга к законченному и целостному восприятию, в целом к познанию нового [5].

Схожую мысль высказывает Л.А. Сазанова. Исследовательница указывает, что ментальные карты — одна из очень популярных и востребованных сейчас техник визуализации мышления. Они позволяют представлять информацию быстрее и нагляднее, чем с помощью обычного текста, списков или таблиц. Процесс составления ментальных карт — весьма эффективная техника визуализации решения различных задач, освещения сложных вопросов, проработки деталей в той или иной теме. Она может быть использована при анализе и структурировании информации для ее запоминания и повторения. Области применения ментальных карт достаточно широки, от образования и самообразования до психологии и бизнеса [3].

Н.Н. Серостанова отмечает, что ментальная карта представляет в виде схем, диаграмм, информационных графов различные идеи, тезисы, задачи, объединенные общей проблемой, и позволяет охватить всю ситуацию в целом и удержать в сознании большое количество информации, а также воспроизвести ее спустя длительный срок. Данный прием является наиболее действенным при обучении аннотированию и реферированию текстов профессиональной направленности [4. С. 478]. Мы солидарны с этим мнением и полагаем, что использование ментальных карт является наиболее эффективным при изучении английского языка студентами техническим вузов. Это объясняется особенностями их мыслительной сферы — склонность к алгоритмизации и схематизации позволяет таким студентам эффективно преобразовывать слабоструктурированный текст в визуализированную схему с четкими логическими связями между его компонентами. Рассмотрим

создание ментальной карты на примере работы с иноязычным научным текстом.

Прежде всего, при первичном знакомстве с текстом студентам необходимо выявить незнакомую лексику. Работа по составлению ментальной карты дает им возможность самостоятельно организовывать лексические единицы в индивидуальную компактную схему, что способствует более эффективному запоминанию лексики. Сложные понятия могут быть разъяснены и представлены в систематизированном виде с ключевыми понятиями и связями между ними. Ментальная карта может легко видоизменяться путем следующих дополнений: 1) введение понятий, являющихся видовыми по отношению к рассматриваемому и уточняющих его семантическое значение; 2) расширение структуры за счет ветвления видовых понятий; 3) добавление графических элементов, способствующих лучшему визуальному восприятию материала.

Следующий этап работы с иноязычным научным текстом — его адекватный перевод. С учетом высокой плотности значимой информации технического текста, его запоминание представляется достаточно сложным процессом. Мы полагаем, что в данном процессе можно использовать несколько промежуточных ментальных карт, ядрами которых являются ключевые понятия, процессы или явления, описываемые в конкретном текстовом фрагменте. Такие карты могут содержать: 1) взаимосвязи между родовыми и видовыми понятиями; 2) схемы причинно-следственных связей; 3) алгоритмическую конструкцию ветвления; 4) логическую последовательность процессов и т. д.

После получения адекватного перевода объемного научного текста возникает необходимость его сжатия, которое в рамках учебного процесса высшей школы может быть представлено двумя видами — устным пересказом и письменной аннотацией. И в первом, и во втором случае качественную помощь в преобразовании текста оказывают итоговые ментальные карты, составляемые на основе промежуточных. Переведя весь текст, студенты уже знают, что именно является его смысловым центром, а что — второстепенными деталями. Таким образом, используя промежуточные ментальные карты, созданные на этапе перевода, студенты выбирают те из них, которые необходимы для воспроизведения основной мысли.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что итоговая ментальная карта будет построена на основе: 1) приема сжатия текста

«исключение» (выделение основной мысли и игнорирование второстепенных деталей); 2) приема сжатия текста «обобщение» (нахождение единичных фактов и объединение их на основе общего базиса); 3) приема сжатия текста «замена» (нахождение лексических единиц или смысловых частей, которые можно сократить и упростить); 4) лаконичной, но в то же время информативной визуализации; 5) индивидуального преобразования текста (с одной стороны, педагог сможет оценить языковые навыки каждого конкретного студента, с другой — студенты смогут лучше воспринять и понять текст, если будут работать над ментальной картой самостоятельно).

Подытоживая вышесказанное, отметим, что использование ментальных карт в курсе преподавания английского языка способствует, во-первых, более эффективному усвоению студентами новых знаний, во-вторых, способствует развитию их креативности, в-третьих, формирует логические навыки анализа, синтеза, классификации и сравнения. Данный процесс активизирует восприятие ими учебного материала, делает его индивидуализированным и лично значимым. Создание студентами собственных ментальных карт позволяет педагогу оценить степень понимания ими предмета, а самим студентам — извлечь значимую информацию в том виде и таким образом, который является наиболее подходящим именно для них. Мы полагаем, что применение ментальных карт при обучении английскому языку студентов технического вуза является эффективным средством как личностного, так и профессионального развития будущих специалистов.

Литература:

1. *Бьюзен Т.* Супермышление. Минск: Попурри, 2007.
2. *Мамичева И.С.* Ментальная карта как инструмент визуализации и планирования учебной деятельности в новых условиях // Социально-психологические проблемы ментальности. Смоленск: Изд-во Смоленского государственного университета, 2016. № 12. С. 162–168.
3. *Сазанова Л.А.* Ментальные карты как средство обучения в вузе // Перспективы развития информационных технологий. Новосибирск.: ООО «Центр развития научного сотрудничества», 2016. С. 118–122.
4. *Серостанова Н.Н.* Интенсификация процесса обучения иностранному языку в неязыковом вузе посредством применения интерактивных

технологий // Современные проблемы науки и образования. Пенза.: Издательский Дом «Академия Естествознания», 2015. № 6.

5. *Шитова И.Ю.* Ментальные карты: инструмент обработки и систематизации информации // Научные исследования: от теории к практике: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 31 дек. 2015 г.). Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс». 2015. № 5. С. 175–176.

УДК 81.111

О.В. Рябуха

Использование интертекстуальных связей в рассказах Чехова и Дж. К. Оутс «Дама с собачкой»

О.В. Rybaukha

On using intertextual relations in the short stories by Chekhov and J.C. Oates “The Lady with the Pet Dog”

Аннотация. В статье анализируются интертекстуальные связи в литературных произведениях, в рассказах А.П. Чехова и Дж. К. Оутс. Рассматриваются теория диалогичности текста, изучаемая М. Бахтиным, и теория интертекстуальности, предложенная Ю. Кристевой. Приводятся различия по композиционной структуре и повествовательной перспективе рассказов и рассматривается роль интертекстуальных связей в художественном произведении.

Ключевые слова: интертекстуальные связи, предтекст, прецедентный текст, авторские интенции.

Abstract. The article is devoted to the problem of intertextuality (the term suggested by Krysteva) and analyses the relations between the short stories by J.C. Oates and Chekhov “The Lady with the Pet Dog. The differences in the compositional structure, turning points, perspective and points of view are given.

Key words: intertextual relations, pre-existent text, prior hypotext, author's intentions.

Термин «интертекстуальность» появился только в 60-е годы XX в. в работе французского лингвиста Юлии Кристевой. Однако история возникновения данного термина восходит к концепции диалогизма, созданной М.М. Бахтиным.

Бахтин рассматривает текст не в изоляции, а в его связи с другими художественными произведениями и другими видами искусства. Необходимо отметить, что Бахтин понимал текст достаточно широко. Текст для него — это не только текст литературного произведения, и даже не только любой вербальный текст, но это и невербальные тексты, представленные живописью, скульптурой, музыкой, историей, современным состоянием общества... Все эти тексты переплетены между собой, они находятся в постоянном взаимодействии друг с другом, тем самым модифицируя смысл текста и внося новые параметры в его понимание. Так, например, невозможно рассматривать картину Рембрандта «Возвращение блудного сына» вне ее связи с библейским преданием о блудном сыне.

Бахтин утверждает, что «изучать слово в нем самом, игнорируя его направленность вне себя, — так же бессмысленно, как изучать психическое переживание вне той реальности, на которую оно направлено и которую оно определяет» [1]. Слово и текст не существуют сами по себе, а связаны с другими реалиями мира и искусства. В одних случаях это проявляется не очень ярко, а в других связь с другими текстами (вербальными и невербальными) является ключевыми моментами для понимания смысла.

На самом же деле текст всегда предполагает существование других текстов вне себя. Текст вызывается к жизни как ответ на те или иные реалии жизни или мира искусства, и текст, в свою очередь, также вызывает определенный отклик. Он рассчитан на реакцию читателя, причем эта реакция может быть выражена очень сильно, текст может даже подтолкнуть или привести к определенным историческим или политическим событиям. Вспомним, к примеру, работы просветителей, которые по общепризнанному мнению подготовили Французскую революцию. Или же ответом на текст может быть создание другого произведения. В любом случае текст можно представить «как реплику не-

которого диалога» [1], реплику, которая является ответом на другой текст, и за которой должна последовать другая реплика.

Для того чтобы убедиться в диалогичности текста, можно также обратиться к его направленности. Любой текст создается для какой-то аудитории, даже если она состоит всего из одного человека. Кто-то может возразить, что авторы часто пишут свои произведения лишь потому, что они не могут иначе, не могут не писать. Тем не менее автор все равно так или иначе представляет своего читателя, возможно, этот читатель должен быть сильно похож на автора по своим интересам, фоновым знаниям и т. д. Эта направленность на читателя играет очень важную роль, поскольку именно она обеспечивает понимание текста, и она же ведет к внутренней диалогичности слова, так как ориентируясь на мировоззрение и тезаурус читателя, автор таким образом вступает с ним в диалог. Разные читатели могут понять и интерпретировать созданный текст по-своему, но в любом случае понимание должно присутствовать при обращении к тексту. А для того чтобы понять текст, читатель должен вступить в диалогические отношения с автором текста и с самим текстом.

Опираясь на концепцию внутреннего диалогизма, французский лингвист Юлия Кристева создает теорию интертекстуальности. Она объясняет интертекстуальность как «межтекстовый диалог» [3], но поскольку в диалоге между текстами выявляется «не только субъективное, но и коммуникативное, а лучше сказать интертекстовое начало» [3], то термин «интертекстуальность» оказывается предпочтительным. Этот термин точно отражает смысл данного понятия: префикс «интер» со значением «между» указывает на связь между текстами, на «межтекстовый диалог» и одновременно подчеркивает направленность текста вовне.

Понятие текста по Кристевой еще более широкое, чем у Бахтина. Она считает, что жизнь, история, культура также являются своеобразным текстом. Следовательно, и понятие межтекстовых связей, понятие интертекстуальности у Кристевой будет широким. Именно за это ее работы подвергались критике рядом лингвистов: «... широкая концепция интертекстуальности оказывается неприменимой при практическом анализе текстов, лишая таким образом лингвистику исследовательских задач, что также подчеркивается рядом ученых (Чернявская, Pfister, Roessler...). Соглашаясь с этими мнениями, мы в то же время

полагаем, что взгляды Ю. Кристевой нельзя совершенно отвергать, их можно принять как возможную философскую позицию» [2].

Если действительность принять за текст, то мы имеем дело с широким пониманием текста и, следовательно, интертекстуальности. При узком понимании данного термина интертекстуальность будет пониматься как связь с конкретными художественными текстами. Хотя два эти подхода взаимодополняют друг друга и часто сосуществуют, в интересах проведения анализа рассказа, более предпочтительным представляется использование термина в его узком значении.

Для изучения интертекстуальных связей между текстами (в узком понимании этого термина) рассмотрим рассказ Джойс Кэрол Оутс “The Lady with the Pet Dog”, которая в ряде своих работ обращается к классическим произведениям мировой литературы. Причины ее обращения к всемирно известным литературным шедеврам следующие:

- желание обогатить свою работу включением ее в реальность, художественную и историко-культурную;

- стремление глубже изучить и, возможно, предложить новую интерпретацию классических произведений. Не стоит забывать, что Дж. К. Оутс является не только писателем, но и преподавателем литературы, и, возможно, этим фактом объясняется ее заинтересованность вопросами дальнейшего развития искусства, попытка определить место американской литературы в мировой культуре и ее стремление к различного рода литературным экспериментам;

- в 1970-е гг. возникает новая тенденция в литературе, которая ставила задачи новой интерпретации классических произведений искусства. Дж. К. Оутс, сделавшая попытку «переписать» известные тексты, выражала волнующие тогда писателей идеи.

Обратившись к рассказам Чехова и Оутс, можно проследить, что объединяет и что отличает две эти работы. Дж. К. Оутс сохраняет для своей работы заглавие рассказа Чехова, что, во-первых, позволяет автору установить непрерывающуюся на протяжении всего рассказа связь между двумя текстами, во-вторых, обозначить круг интересующих ее проблем благодаря отсылке к теме предтекста, и также вступить в контакт с читателем на основе иллюзии общей литературной памяти.

Наиболее значительные связи между двумя текстами располагаются на уровне композиции. Разница структурного решения двух произведений не может не обратить на себя внимания, и для читателя она

служит ключом к формированию «смысловых гибридов», позволяющих прочесть оба произведения на ином, более глубоком уровне. Эта разница наблюдается прежде всего в порядке расположения отдельных эпизодов в рассказах: в отличие от Чехова, Оутс в своем произведении отдает предпочтение не строго логичному, а эмоциональному изложению событий.

Важным также представляется вариативность в объеме сюжетных отрезков в обоих рассказах. Ряду эпизодов отводится значительный объем материала в обоих произведениях, в то время как другие отрезки фиксируются детально лишь в одной из работ, тем самым акценты оказываются смещены на иные моменты повествования, ключевые для данного текста.

Выбор ключевых эпизодов в значительной степени определяется разницей места и времени действия. Работа Дж. К. Оутс создана на несколько десятилетий позже, и место действия также меняется, это не Россия, а Америка семидесятых годов. Смена обстановки, смена культурных и моральных ценностей после 1968 г. не могли не повлиять на образ героини, на причину ее колебаний при выборе между сохранением семьи и союзом с любимым. Перенос повествования в современную нам действительность, столь близкую читателю, позволяет сравнить моральные устои двух эпох, что привносит новый аспект в прочтение данного рассказа.

Другим определяющим моментом является разница повествовательной перспективы двух рассказов. Учитывая, что главными героями являются одни и те же персонажи, интересным представляется увидеть события, не с точки зрения главного героя, а с точки зрения героини. Тогда в результате прочтения интертекстуальных связей между двумя работами, читатель оказывается способным дополнить или дописать эти два текста и в результате представить более полную и, казалось бы, более объективную картину событий.

Изменение точки зрения тесно связано с определением сюжетных линий рассказа, количеством и характером конфликтов в произведении. Эти элементы рассказа становятся заметными преимущественно благодаря наличию интертекстуальных связей между двумя работами.

В целом можно отметить, что Дж. К. Оутс удалось создать оригинальное интертекстуальное произведение, уникальное по своей структуре и идейно-смысловой нагрузке.

Литература:

1. *Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. С. 502.
2. *Костыгина К.А.* Интертекстуальность в прессе (на материале нем. яз.): дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04. СПб., 2003. С. 308.
3. *Крестева Ю.* Бахтин, слово, диалог и роман // Вестник МГУ. 1995. Серия 9. Филология. № 1. С. 97–124.

УДК 81.27

Т.П. Савельева

Языковая интеграция в англоязычную среду

T.P. Savelieva

Integration into English-speaking environment

Аннотация. Предметом исследования являются причины интерференции русского и английского языков у выходцев из России и стран ближнего зарубежья, в течение длительного времени проживающих в Америке. Представлена типология ошибок, характерных для речи как взрослых, так и детей, родившихся в Америке или проживающих там с очень юного возраста.

Ключевые слова: социальный или несбалансированный билингвизм, интерференция, социальная адаптация, макаронический стиль, плеоназмы, национальное самоопределение.

Abstract. The interference between Russian and English that is observed in the speech of those people who arrived in the USA from Russia or former Soviet republics and who have been living there for at least five years is the subject of this research. The typology of the mistakes characteristic of both adults and children whose English is heritage is presented.

Key words: societal bilingualism, interference, social adaptation, national self-identification, phonetic, grammar and lexical interference.

Вопросы, связанные с двуязычием, затрагивают судьбы миллионов людей, ведь около 70% населения земли владеют двумя и более языками и в той или иной степени используют их для общения.

Предметом анализа являются причины интерференции русского и английского языков. Предпринята попытка создать типологию ошибок как у взрослых носителей русского языка, для которых английский — язык принимающей страны, так и эритажного (унаследованного) русского у детей, прибывших в Америку в очень юном возрасте или родившихся там.

Материалом для данной работы послужили данные, обеспеченные информантами, проживающими в Америке в течение пяти и более лет и прибывшими туда из России или из бывших советских республик. Как правило, их опыт изучения английского языка ограничен школой и университетом.

Попав в англоязычное общество, они должны интегрироваться в экономическую и социальную среду и в то же время решать вопрос о национальном самоопределении для себя и своих детей. Как правило, люди замкнуты в рамках своей национальной группы, и одной из проблем, с которыми они сталкиваются по прибытии в принимающую страну, является проблема двуязычия. Конечно, люди легче осваивают второй язык, если они в нем нуждаются и если имеют доступ к общению с носителями языка.

По определению В. Аврорина [2], «билингвизм начинается тогда, когда степень владения вторым языком приближается вплотную к степени знания первого». В рассматриваемых нами случаях говорить о таком — чистом — билингвизме можно далеко не всегда. Это, скорее, по определению Д. Крystalа [1], социальный билингвизм.

Прежде всего, следует отметить, что двуязычие в русскоязычных общностях является естественным и желанным, все информанты всячески противостоят деградации русского языка, считая делом чести сохранить его в семье.

Несмотря на книги на русском языке, фильмы, телепередачи, представление о стандартном русском языке у детей все же формируется за счет того языка, на котором говорят их родители в семье.

Естественно, что взрослые профессионалы, даже если они работают в интернациональной команде, где немало русскоязычных сотрудников, на работе предпочитают обсуждать производственные вопросы на

английском. Говорящие сами делают выбор между разными коммуникативными средствами и используют тот язык, который наиболее уместен для обеспечения успешной коммуникации. Однако на него часто переносятся правила русского языка, и в речи присутствуют заимствования и кальки на всех уровнях.

Их билингвизм несбалансирован: в устной коммуникации на английском языке может отмечаться нарушение порядка слов в предложениях, неверное использование времен глаголов, усложненный синтаксис, несоблюдение согласования времен. Следует при этом отметить, что, чем выше социальный статус человека, тем более высокую подсистему языка он может использовать, скажем, в письменной коммуникации. Пожалуй, можно согласиться с мнением Л.П. Крυσина [3], что «непринужденная способность к переключению кодов свидетельствует о высоком уровне владения языком и даже об определенной культуре человека». Они знают правила, а ошибки чаще всего обусловлены калькированием знакомых структур в родном языке.

В лингвистике существует мнение, что иноязычный акцент ярче всего проявляется в интонации, а нарушение ее может привести к серьезным смысловым, и, как следствие, коммуникативным сбоям. Для русского языка свойственны более сглаженные восходящие и нисходящие тона, и это нередко переносится и на английскую речь. Русскими практически не используются разделительные вопросы, ритм их английской речи менее стабилен, паузы и их длительность носят часто случайный характер. Достаточно типичным является и игнорирование восходящей интонации в общем вопросе в английском языке. И если неуместный терминальный тон может даже обидеть, то просодические ошибки чаще всего выдают иностранца. Представляется, что интонационный фон русского языка страдает при длительном проживании в англоязычной среде в первую очередь.

На звуковом уровне интерференция проявляется в «аканье», оглушении согласных, русифицированном [o] в таких словах, как poverty.

Сфера использования эритажного (унаследованного) языка у детей достаточно узкая, естественно, что сужен и словарный запас, что обусловлено достаточно узким набором социальных ситуаций, в которых использование русского языка уместно.

Лингвострановедческая интерференция проявляет себя у взрослых достаточно широко. В русскую речь непринужденно встраиваются за-

имствованные слова, такие как *highway, challenge, experience, exit, community, simulations, speculations* (на тему...). При этом используемая английская лексика не является заполнением несуществующих лагун, а является скорее результатом блуждания между двумя культурами. Вполне естественно, что выпадает из употребления и ряд реалий, характерных для российского быта, таких как форточка, кладовка, погреб, подъезд.

Создаются слова-гибриды, когда к сохранившемуся корню добавляются русские аффиксы или суффиксы (например, рентовать квартиру, попить (отсюда рентованная квартира, юзанная машина), гаражка, застикать, компититься (вместо «конкурировать»). Продуктивны суффиксы -ать, -ять, -аться (например, бламировать). Макаронический стиль не является насильственно внедряемым, что нередко наблюдается в России под влиянием неправомерного использования англицизмов, а звучит вполне естественно. Хотя надо отметить, что такие вкрапления в русскую речь обычно вызывают досаду у самих говорящих и оцениваются ими как их личный промах. Следует отметить, что чем большим количеством языков владеет человек, тем реже он порождает макаронический дискурс.

Приведем ряд типичных ошибок из разряда макаронического стиля у детей:

«Я прити мач сплю».

«Мама, я тебе сейчас сендеваю картинку, а ты попроси папу ее принтовать».

«Будильник будет ринговать, а я не услышу аларм».

«Я занимаюсь художеством» (говоря о том, что занимается живописью), хотя и, скорее всего, этот случай можно рассматривать как окказиональный.

«Я собираюсь это кому-то (вместо «кому-нибудь») в моем классе отдать».

Отмечается и незнание идиом, например, на реплику: «Тебе следует прибегнуть к другому методу» ответ был: «Я прибежала, и ничего не получилось».

«Я рада, что ты получила мой намек».

«Брать дополнительный класс по алгебре» (вместо «дополнительно позаниматься...»).

«Можно спросить вопрос?».

«Он тяжело работает».

Лексические синонимы предполагают довольно широкие возможности для речевых ошибок, что обусловлено полисемией именно русского языка. Общеизвестно, что лексеме «идти» иногда в английском языке соответствует *match*. Так, фраза “*The dress matches her*” может превратиться в «Платье ей соответствует».

Отмечается злоупотребление плеоназмами, в частности использование усилительных наречий в ситуациях с прилагательными, не допускающими этого, например, «очень-очень замечательный», «чрезвычайно огромный», «несколько побыстрее».

Также характерно неправомерное использование наречий, например:

«Я, наверно, немножечко сильно замерзла».

«Мне бабушка дала деньги, и я их никогда не использовала».

«Теперь я только что пошла обратно и это сделала».

Для речи русских детей характерна асимметричная система вежливости, когда в обращении к незнакомым и слабо знакомым русским взрослым используется только имя, без отчества. У детей возможно и использование обращения типа «тетя Оля, дядя Витя», обращение к незнакомому «тетенька», «дяденька».

С точки зрения синтаксиса интерференция часто объясняется тем, что языковые единицы не воспроизводятся автоматически. Для детей характерно буквальное восприятие некомпозиционных высказываний, т. е. тех, которые воспринимаются целиком.

Например:

«Убери со стола» (понимается, как «надо убрать все»).

«Поставь чайник» («поставить куда-нибудь», но не обязательно на плиту).

«Накрой стол» («накрыть стол чем-нибудь (салфеткой, скатертью)).

Очевидно, что грамматическая интерференция является результатом конфликта, обусловленного различиями в грамматическом строе языков. Типичен для детей, как, впрочем, и для взрослых, сбой в построении предложений типа:

«Я не знаю, если тебе это будет интересно».

«Я не знаю, если я смогу делать уроки».

«Я буду идти в школу» (вместо «Я пойду в школу»).

«Я с Настей обычно сижу здесь» (вместо «мы с Настей...»).

«Я надеюсь, я смогу прийти» (то же очень быстро появляется и у взрослых).

«Можно, пожалуйста, я сяду сюда».

«Скажите, если я пойду с вами» (вместо «Скажите, можно я пойду с вами»).

Конечно же, нельзя не вспомнить и неверное использование падежного окончания у существительных первого склонения в винительном падеже. Например, «Надо оставить борьба...» (То же можно наблюдать и у взрослых несбалансированных билингвов — носителей английского языка, ну, хотя бы, у неизменного участника всех телевизионных ток-шоу Майкла Бома!).

Дети часто не учитывают дифференциальные признаки существительных при выражении понятий единственного и множественного числа. Наиболее типичны случаи неверного использования творительного падежа, а также родительного падежа во множественном числе (дела — делов, места — местов, образование — образованияв, «В кино-театре не было зрителей»).

В заключение хотелось бы отметить, что, на наш взгляд, непродуктивно оценивать русский американский язык с позиции «правильно — неправильно», самоценно то, что русский язык сохраняется.

Автор выражает благодарность М.С. Ивановой (Сизтл, США) за помощь в сборе данных.

Литература:

1. *Crystal D.* English as a global language. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 12–18.
2. *Аврорин В.А.* Двухязычие и школа // Проблемы двухязычия и многоязычия. М.: Наука, 1972. С. 50–61.
3. *Крысин Л.П.* Кодовое переключение как компонент речевого поведения человека // Речевое общение: специализированный вестник. Красноярск, 2000. Вып. 3 (11). С. 61–64.

**Организация разрозненных фрагментов в единое
целое в нелинейном художественном повествовании
Энди Кэмпбелла “Trap”**

S.G. Serebryakova

**Multimedia and linguistic techniques used to convey
chronology in the nonlinear digital story “Trap”
by Andy Campbell**

Аннотация. В статье на примере нелинейного цифрового повествования Э. Кэмпбелла “Trap” показано, как отдельные фрагменты нелинейного вымысла с помощью мультимедийных и языковых средств образуют единое законченное повествование..

Ключевые слова: цифровое повествование, организация нелинейного повествования в мультимедийном пространстве, интерактивный компонент, пользователь, дейксис.

Abstract. The article shows how linguistic means such as deixis and multimedia (for example, interactive virtual maps) allow the reader to formulate a single complete narrative from the disparate parts of the digital non-linear short fiction “Trap” by Andy Campbell.

Key words: digital, nonlinear, short fiction, deixis, narrative, user, interaction.

Цифровой вымысел Э. Кэмпбелла “Trap” («Ловушка») является одним из произведений серии под общим названием “Book of waste” («Книга отходов»). Проект включает в себя восемь произведений и представляется читателю как унылый и бескомпромиссный нелинейный вымысел, наложенный на мрачный анимированный фон [1].

В настоящей статье под цифровым вымыслом понимается такая форма современного повествования, полноценное восприятие которой становится возможным только при наличии мультимедийных средств. Иными словами, взаимодействие произведения и читателя (в более широком смысле — пользователя или игрока виртуального мира) осу-

ществляется с помощью компьютера и соответствующего программного обеспечения.

В то время как традиционное линейное повествование представляет собой последовательное изложение событий, произведение с нелинейной структурой являет собой своего рода пазл, т. е. игру, в которой множество отдельных элементов нужно сложить в логичную законченную картину.

В данной работе мы рассмотрим, как в цифровом вымысле Э. Кэмпбелла “Trap” реализуется принцип организации нелинейного повествования и благодаря каким лингвистическим средствам становится возможным создать единую картину происходящего.

Следует заметить, что чтение интерактивной художественной литературы, о которой здесь идет речь, подразумевает не что иное, как процесс взаимодействия. Чтобы начать взаимодействие с произведением, нужно нажать на название произведения. Перейдя по ссылке, пользователь видит первый фрагмент повествования и именно с этого момента начинается реализация нелинейной структуры, поскольку, если выйти в главное меню и вновь вернуться к произведению, история начнется уже с другого фрагмента, выбранного программой случайным образом.

Однако на этом предопределенность развития событий, контролируемая программным обеспечением, заканчивается: спустя некоторое время, когда пользователь дочитает предложенный фрагмент, ему придется самостоятельно выбирать следующий элемент пазла. Для решения этой задачи в правом верхнем углу активного экрана предлагается раздел “Findings” (полученные данные), представленный 10 маленькими квадратами, которые расположены в четыре ряда (4, 3, 2 и 1 квадрат в каждом ряду соответственно). Описанное размещение квадратов исключает возможность выбора какого-либо логичного движения по виртуальной карте произведения, поскольку первый определенный системой случайным образом квадрат может быть любым (исключение составляет финальный отрывок). Например, если это будет один из квадратов в центре, то двигаться можно в любую сторону и выбрать логичное направление не представляется возможным. При наведении мышки на один из квадратов раздается звук, напоминающий писк ПОС-терминала, когда при оплате банковской картой вводится ПИН-код. Квадрат, обозначающий текущий фрагмент, представлен белым цветом, остальные квадраты — прозрачные. Пользователь может выбрать любой квадрат,

и даже случайным образом попасть сразу в заключительный фрагмент повествования, обозначенный “the end” (конец). Таким образом, пользователю предстоит собрать в единое целое 10 разрозненных фрагментов.

Каким образом 10 эпизодов складываются в законченный текст? Обратимся к вопросу о том, какие лингвистические средства способствуют восприятию отдельных отрывков повествования как элементов одного целого. Прежде всего отметим, что повествование ведется от первого лица и все фрагменты объединены одним рассказчиком.

Каждая часть представляет собой отдельный случай/факт/сцену из жизни героя. Перейдем к рассмотрению первого фрагмента:

That night, I lay awake to the sound of her sleeping.

She wouldn't find it, I thought, if nothing else I was pretty sure of that. Maybe, I thought, staring up into the swirling dark, she wouldn't register it even if she did.

“Craig, did you put this here? What is it? Is it yours?”

I scratched, hard, turned onto my side, bounced the bed, unsettled.

Любое высказывание эгоцентрично, т. е. говорящий строит его, исходя из своего положения во времени и пространстве. Как отмечает Ю.Д. Апресян, «фигура говорящего организует и семантическое пространство высказывания, и систему дейктических слов языка» [2]. В приведенном фрагменте указательное местоимение “that” (that night — той ночью) позволяет предположить, что все представленные далее события будут происходить той же ночью, в реальном времени рассказчика, которое является прошлым для пользователя. Употребление личного местоимения “it”: *she wouldn't find it / she wouldn't register it* — она не найдет / не запомнит его (или ее?), а также указательного местоимения “this”: *Craig, did you put this here?* — Крейг, это ты положил это (его/ее) сюда? позволяют понять, что речь идет о каком-то предмете, который, однако, не называется. Приведем еще один фрагмент:

I kept it close to her, just for a time. Under chair cushions, on the windowsill behind the net curtains, once, almost straight in front of her, jammed down the back of a lamp. I felt sure she would see it one day, sense it, look up over the top of her book.

“What's that?”

“Sorry?”

“That — that thing there on the cabinet”.

It never happened. Out of the corner of my eyes I watched hers,

typewriting words, turning pages in lazy cycles.

Как видно из приведенного примера, создатель цифрового вымысла обозначает загадочный предмет с помощью дейктиков — местоимений. Указание на объект реализуется с помощью личного местоимения “it”: I kept it close to her (Я положил его/ее близко к ней); she would see it... sense it (она увидит, почувствует его/ее однажды). Также в примере есть отрывок с употреблением указательного местоимения “that”: “*What’s that?*”... “*That – that thing there on the cabinet*”. (— «Что это?» — «Та... та штука на шкафу»).

Сравним примеры из других фрагментов: I brought it in in a grass-stained Morrisons carrier bag, slammed it down on the kitchen counter... — Я принес его/ее в заляпанном пятнами от травы пакете супермаркета Моррисонов и с шумом швырнул на кухонную стойку...

Однако в одном из фрагментов таинственный предмет все же указан: “To make a cup of tea,” walked past the gun (loaded, emptied, reloaded) made for the kitchen where I’d first thrown it down («Приготовлю чашку чая», — я прошел мимо оружия (заряженного, разряженного и вновь заряженного) и отправился на кухню, где я впервые швырнул его на стойку).

В повествовании есть также один отрывок, из которого становится окончательно понятно, о каком предмете идет речь в других эпизодах:

Across the kitchen surface: toaster, bread-bin, microwave, slow-cooker (На кухне я видел: тостер, хлебницу, микроволновку, мультиварку, разделочную доску и т. п.).

Следует отметить, что автор вымысла с одной стороны, привлекает внимание к объекту, но с другой, создается впечатление, что непосредственное его название откладывается. Данное ощущение возникает благодаря использованию анимации. В предложении, где перечисляются предметы кухни, разделочная доска в флэш-режиме сменяется блюдом для фруктов, затем фильтром для воды, и после хлебopечкой. И только просмотрев все эти варианты, пользователь видит зачеркнутую (и тоже быстро сменяющуюся упомянутыми выше словами) надпись “Python 9 mm Magnum” и понимает, что речь идет о револьвере.

Таким образом, в приведенном порядке организации фрагментов пользователь находится в напряжении, желая узнать, какой предмет занимает мысли рассказчика. Если же эпизоды повествования представляются в порядке, отличном от представленного в данной работе,

пользователь, узнав секрет рассказчика, становится ближе к нему и с интересом наблюдает, заметит ли девушка (или жена) рассказчика револьвер.

В рассматриваемом цифровом вымысле также присутствует несколько фрагментов, которые в традиционном повествовании можно было бы трактовать как экспозицию. Речь идет о представлении той дополнительной (второстепенной) информации о героях, которая непосредственно не связана с основной идеей повествования. Так, например, следующий фрагмент описывает одну из бытовых сцен из жизни героев:

Later, when she came home, I watched her washing up. Spoons, forks, knives, clustered together, drooling foam. Dishes came down dripping, clinking, stain free, squeaky clean. Light striped her jumper, face, golden-blonde hair.

I stood, just out of sight, with half-closed eyes. Leaves scratched at the window, reflecting privets and flowers, out beyond it, part of next door's wall; stones, rivers of moss, a ginger cat sat yawning and staring. When she'd finished, she wiped around the sink. Picked up stray chips and binned them.

Каждый фрагмент способствует созданию целостной картины происходящего, но наиболее интересным, на наш взгляд, является вопрос, зачем рассказчику револьвер.

Обратимся к заключительному фрагменту цифрового вымысла, из которого следует, что рассказчик убил свою подругу (жену):

On the last night I put the gun to her head.

She lay asleep with quivering eyelids, her mouth popping open occasionally to murmur.

I crouched, shivering in my pyjamas, the end of the barrel lightly kissed above her ear.

I remained there, watching (as I used to watch during our first few months together) the sheets fold down to her waist, her breasts moving as she breathed.

— *how many men before me Sophie? SHUT UP how many men before* —

One hand numbed by the gun, it's cruel metal eye against her head, I rose up with a ruffle of clothing.

Touched her, gently, beneath her night-dress, traced her soft, warm body with my fingers.

С одной стороны, повествование заканчивается сообщением о том,

что рассказчик гладит женщину, что, казалось бы, могло быть признаком благополучного исхода. Вместе с тем указание на время в самом начале фрагмента — *on the last night* (в последнюю ночь) — не позволяет надеяться на счастливый финал.

Если речь идет об убийстве, неизменно возникает вопрос о мотиве. В рассматриваемом цифровом вымысле не представляется возможным говорить об однозначном мотиве. Так, если заключительный фрагмент случайным образом становится заключительным в порядке следования отрывков, как выбирает их пользователь, представляется логичным предположить, что мотив убийства — ревность: — *how many men before me Sophie? SHUT UP how many men before* — (— сколько мужчин до меня, Софи? Заткнись, сколько мужчин до —)

Выбирая один из девяти фрагментов в случайном порядке, пользователь с определенной долей вероятности может попасть на заключительный отрывок в любой момент взаимодействия с цифровым вымыслом. В таком случае развязка становится известной ранее, чем пройдены все этапы развития истории. Однако в общей канве сюжета ситуация воспринимается несколько иначе. Если убийство предъявлено в начале или середине истории, представляется естественным, что пользователь будет искать мотив в других эпизодах. В таком случае можно предположить, что герой страдает психическим расстройством и сам до конца не понимает, что делает и зачем совершает убийство. Подтверждение этой теории можно найти в нескольких отрывках. Например в одном из них сообщается, что герой и сам не знал, зачем он откопал револьвер и что с ним делать: *I didn't even know what to do with it, or why I'd even bothered digging it up*. В другом эпизоде говорится о том, что рассказчик не был уверен, что его подруга (жена) заметит оружие: *I felt sure she would see it one day, sense it, look up over the top of her book. ...It never happened*. Он был уверен, что она заметит револьвер, но его ожидания не оправдались, этого так и не произошло.

Таким образом, мультимедийная среда позволяет создать нелинейное повествование и внести элемент случайности в процесс восприятия вымысла пользователем. Языковая составляющая, элементы дейксиса, в частности указательные местоимения объединяют разрозненные куски в единое целое и открывают возможности для множественности интерпретаций происходящего в вымышленном мире.

Указанные особенности цифрового вымысла Э. Кэмпбелла “*Trap*”

дают пользователю возможность самостоятельно выбирать следующий эпизод в сюжете и интерпретировать его и последующие фрагменты в зависимости от имеющейся на данный момент информации.

Литература:

1. One to One Development Trust // URL: <http://dreamingmethods.com> (дата обращения 22.10.2017).

2. Апресян Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. 1986. Вып. 28. С. 272–298.

УДК 811.113.4:81'373

А.В. Соколова

**Особенности датской терминологии
международного морского права**

A.V. Sokolova

**Characteristic features of the Danish terminology
of The Law of the Sea**

Аннотация. В статье раскрывается актуальность данного исследования для студентов специальности «западное регионоведение», специализирующихся на Скандинавии. Приводится общая характеристика юридической лексики и результаты анализа датской терминологии международного морского права с точки зрения структуры терминосистемы, особенностей терминообразования и этимологии. Дана характеристика связей морской правовой терминологии с терминологическими системами других областей науки.

Ключевые слова: международное морское право, терминосистема, этимологическая картина, терминообразовательный анализ.

Abstract. The article is dedicated to the special features of the legal maritime terminology. It contains the review of etymology, word formation and structure of the terminology. The connection between the terminology of the Law of the Sea and other related terminological systems is described.

Key words: the Law of the Sea, terminological system, etymological picture, word formation analysis.

Истоки изучения юридической лексики и первые попытки систематизировать правовые понятия восходят ко временам Античности. Именно в Древнем Риме, в результате исследования взаимосвязей между элементами юридического языка, были созданы ранние правовые словники. Первый юридический словарь *legal lexicon* появился в I в. до н. э. (Gaius Aelius Gallus. *De verborum quae ad jus pertinent significatione*). Далее практика создания словарей юридической лексики нашла свое продолжение в Византии. В эпоху Средневековья возросла необходимость в систематизации правовых терминов, поскольку в Европе активно развивались национальные языки и в результате возникла необходимость переводить латинские юридические тексты римского права. Это привело к появлению первых глоссариев (толкований и переводов латинских юридических текстов на европейские языки).

Юридическая терминология относится к сфере общественно-политической жизни и имеет двойственный характер. Выделяют терминологию права (правоприменительной практики, закона) и терминологию правоведения (теории права, юриспруденции, правовой доктрины). Тем не менее основной лексический корпус остается общим. Юридическая терминология и терминология международного морского права в частности находят применение далеко за рамками профессионального употребления. Терминосистема выбранной области тесно переплетается с терминосистемами международных отношений, океанографии, судоходства, гидрографии, экологии. Юристы в рамках данной терминологии считают терминами любые слова, которые встречаются в текстах законодательных актов, и выделяют три уровня лингвоправовой картины мира:

- уровень пользователей-непрофессионалов;
- уровень работников юридической профессии;
- уровень законодателей — теоретиков права, дающих его доктринальное толкование.

К юридическому термину предъявляются практически те же самые требования, что и к термину из любой другой области деятельности: однозначность, общепризнанность, постоянство, полнота, системность.

Одной из важнейших особенностей терминологической системы международного морского права является ее положение на стыке двух

основных терминосистем — семантическое ядро рассматриваемой терминосистемы включает в себя два основных лексических пласта. Первый включает в себя понятия морского права. Как правило, это термины, обозначающие:

- 1) лиц-участников морских правовых отношений;
- 2) действия и процедуры, регулируемые морским законодательством.

Второй пласт состоит из понятий, обозначающих явления из области судоходства и гидрографии:

- 1) географические объекты, являющиеся предметом интереса морского права;
- 2) юридические категории, регулируемые данной отраслью права.

В совокупности эти пласты создают семантическое ядро терминологической системы международного права.

На следующем уровне находится общая правовая лексика, без которой невозможно функционирование ни одной отраслевой терминологической системы. Сюда можно отнести:

- 1) обозначения нормативных документов;
- 2) обозначения процедур и действий, общих для всех отраслей права;
- 3) обозначения общеправовых понятий.

Важной частью терминосистемы морского права являются отраслевые терминосистемы, которые включают в себя терминологию всех отраслей, попадающих под юрисдикцию международного морского права. Среди них — экология, рыболовный промысел, авиация, экономика, добыча полезных ископаемых. Наиболее многочисленной из рассмотренных второстепенных терминосистем является терминология, относящаяся к международным отношениям, чей корпус, однако, тесно переплетается с гражданским и международным правом, а также экономика и экология.

Большая часть терминов, относящихся к юриспруденции, имеет латинское или древнегреческое происхождение, поскольку долгое время именно латынь и древнегреческий были языками науки и просвещения. Именно законы римского права легли в основу многих законодательных систем, существующих в наши дни. В то же время основные термины, относящиеся к судоходству и гидрографии, имеют древнескандинавские корни и пришли из общеупотребительной лексики. В основном это слова, обозначающие географические понятия, связанные с морем, и базовые понятия из судоходства. Для более сложной технической терминологии, как правило, существует лексика, имеющая голландское происхождение.

В датской терминосистеме морского права подавляющее большинство понятий являются существительными или словосочетаниями на основе существительных. Это объясняется не только особыми признаками и свойствами термина, но также присущей датскому языку способности образовывать отглагольные и отвлеченные существительные.

Помимо образования отглагольных существительных для датского языка характерна развитая система словосложения. Во многих случаях, когда в другом языке использовалось бы словосочетание, для датского языка естественней образовать композит. Этим свойством обусловлен тот факт, что в датском варианте терминологии морского права значительно больше однокомпонентных терминов, по сравнению с русским языком. Часто двух- или трехкомпонентному русскому термину соответствует датский термин, состоящий из меньшего числа элементов, например:

- учения с применением оружия — våbenøvelser;
- план чрезвычайных мер — beredskabsplan;
- деятельность на морском дне — havbundsaktivitet.

В датской терминосистеме встречаются многокомпонентные термины разной степени развернутости. При этом терминологические элементы, входящие в состав многосоставного термина, могут иметь разную этимологию.

Можно выделить четыре типа терминологических словосочетаний:

- словосочетание с выделительным оборотом;
- существительное + существительное с предлогом — в этих случаях базовый компонент находится как правило в начале словосочетания;
- существительное с причастием, существительное + прилагательное — в этих случаях базовый компонент чаще находится в конце словосочетания.

На этимологическую картину терминологии морского права также огромное влияние оказало явление пуризма — целенаправленного очищения языка от избытка заимствованных слов. Примерно с середины XVI в. для замещения иноязычных лексических единиц стали создаваться датские. В результате многим специально созданным словам действительно удалось вытеснить заимствованные (например, *præjudicium* было вытеснено датским словом *fordom*). Но часто эти попытки заканчивались тем, что вновь изобретенные выражения просто начинали использоваться наравне с иноязычными, позволяя добавлять в речь определенные стилистические нюансы. Наиболее сильное влияние явление пуризма оказало на французские, латинские и греческие заимствова-

ния. Часто их замещали датские слова, появившиеся в результате калькирования из немецкого языка. Также в силу того, что английский язык является языком международного общения, многие термины начинают заменяться английскими заимствованиями.

Литература:

1. *Lund J.* Det danske sprog // En undervisningsavis fra Politiken og Gyldendal. 1 udgave. 1 oplag. København: Nordisk Forlag A.S., 2003. S. 10–11.
2. *Nielsen S.* Danske jurister og det engelske juridiske sprog. Århus: Handelshøjskolen, 2002.
3. *Гринев-Гриневиц С.В.* Терминоведение: учеб. пособие. М.: Академия, 2008.
4. *Иконникова В.А.* Отражение лингвоправовой картины мира в словаре англоязычных юридических терминосистем // Терминология и знание. Мат-лы 2-го Международн. симпозиума. М.: ИЦ «Азбуковник», 2010.
5. *Краснова Е.В.* Аналогия в словосложении на материале датского языка // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2008. №2 (10). С. 59–66.

УДК 372.881.1

Ю.М. Соколова

**Значение социокультурного аспекта иноязычного
образования при подготовке к работе
в интернациональной команде**

Y.M. Sokolova

**The socio-cultural aspect of foreign-language teaching
in preparation for work in an international team**

Аннотация. Статья посвящена лингвистической и социокультурной подготовке студентов к работе в интернациональной команде в поликультурной среде на занятиях английским языком, рассказывается о межкультурном обучении, медиаторе культур и об учебных планах.

Ключевые слова: лингводидактика, коммуникативный подход, межкультурное общение, межкультурная компетенция, межкультурное обучение, медиатор культур, работа в команде.

Abstract. The article is devoted to the linguistic and sociocultural preparation of university students for work in an international team in English classes, it also informs readers about intercultural learning, a mediator of cultures and the curriculum.

Key words: linguodidactics, communicative approach, intercultural communication, intercultural competence, intercultural learning, mediator of cultures, teamwork.

Способность работать в международной команде — умение, востребованное в современном экономическом пространстве, его можно формировать в процессе коллективной деятельности, например при обучении иностранному языку в вузе. В основе этого утверждения лежат определенные особенности обучения иностранному языку на современном этапе, о которых будет сказано ниже, а сейчас следует обосновать актуальность проблемы.

Выпускники вузов, обладающие способностью эффективно работать в интернациональной команде, открывают для себя дополнительные возможности при трудоустройстве, а также в социальной жизни, кроме того, отечественный рынок труда становится при этом более привлекательным. Однако таких молодых специалистов явно недостаточно. Так как существует противоречие между потребностью рынка труда в специалистах, умеющих работать в интернациональной команде в поликультурной среде, и отсутствием у молодежи таких качеств, то возникает необходимость выявить те аспекты обучения английскому языку, которые помогут их сформировать.

Известно, что в тех обществах, где преобладает коллективное мышление, многие хорошо умеют работать в команде. Наши соотечественники среднего и старшего возраста это качество имеют. Его обретению способствовала вся система образования и воспитания. Однако в связи с тем, что среди студенчества доминируют индивидуалистические установки, возникает необходимость изыскания таких возможностей учебного процесса в вузе, которые могли бы способствовать формированию данного свойства личности.

Несмотря на имеющиеся теоретические и практические изыскания в области подготовки к работе в команде вообще (Р.Д. Льюис, Х.К. Рам-

персад, Д. Торрингтон, Д. Мак-Карти, Т.П. Галкина, Г. Гертер, К. Оттл, А.В. Ивлев, Л.И. Савва и др.), а также в процессе овладения английским языком в частности [3] подготовка молодежи к работе в интернациональной команде в процессе овладения английским языком изучена недостаточно.

Изменения экономических и социальных реалий в мире, начавшиеся в 1945 г., повлекли за собой эволюционные сдвиги в системе языкового образования в отечественных и зарубежных методических школах. Так, в 1960-е гг. на смену лингвистическому подходу пришел интерес к условно-коммуникативной методике, которую в 1980-е гг. начал вытеснять коммуникативный подход. С этого времени владение иностранной речью больше не является самоцелью учебного процесса, ведь язык — это лишь орудие, инструмент совместной деятельности участников коммуникации [2].

С применением коммуникативного подхода усвоение языка происходит в общении. Проблема обретения коммуникативной компетенции как способности к речевому общению дополняется проблемой овладения межкультурной компетенцией как способностью успешно общаться с представителями других культур. При обучении иноязычному общению сопоставляются и учитываются географические, климатические особенности, история, религия, традиции, обычаи, этнопсихология как чужой, иноязычной страны, так и своей собственной. Именно социокультурная составляющая общения делает беглую, лексически и грамматически правильную речь на иностранном языке продуктивной.

Какие качества личности необходимо воспитывать у будущих членов интернациональной команды?

Специалисты, умеющие работать в поликультурной среде, должны обладать такими характеристиками, которые позволят им не только продуктивно общаться на иностранном языке, но и вести себя уважительно и толерантно с коллегами, умело используя сильные и нивелируя слабые качества участников международного коллектива. Им должна быть присуща слаженность в работе, чувство локтя, исполнительность и пунктуальность, доверие к коллегам, ответственность и надежность, а также многие другие. Именно с учетом необходимости формирования этих качеств должна быть составлена система упражнений, а также предоставлена необходимая информация о том, что такое работа в интернациональном коллективе.

Популярность такого направления как «межкультурное обучение» вызвано многочисленными факторами, среди которых следует, прежде всего, назвать необходимость лингвокультурной самоидентификации личности, потребность в международном сотрудничестве, постнациональная и поликультурная реальность, межкультурный обмен [2].

В связи с тем, что принципиальное значение для работы в интернациональной команде имеет адекватное и понятное представителям других культур поведение, языковая подготовка не может быть полноценной, если участник поликультурного общения не является медиатором культур. Медиатор культур знаком с чужим кодом поведения, умеет объяснить свое поведение и создает единое для всех значение происходящего [4].

Существует, как представляется, заблуждение в отношении того, что носитель языка, иностранец должен служить эталоном для обучающегося в плане социального поведения и возможного уровня овладения языком. Однако если изучение иностранного языка проходит в отрыве от естественной среды, овладеть им на уровне носителя нельзя. Кроме того, именно осознание себя как участника общения, обладающего отличиями от собеседника качествами, позволяет вести общение продуктивно [1].

Важно отметить, что при условии определенного целеполагания языковая учебная программа дисциплины позволяет заниматься формированием готовности работать в команде в отведенные для предмета часы при изучении *My Future Profession*, *Teambuilding*, *Time Management* и других тем, связанных с организацией рабочего процесса и общения.

Таким образом, очевидно, что при подготовке личности к работе в интернациональной команде имеет значение не только сильная лингвистическая, но и социокультурная подготовка. Современная лингводидактика включает в себя помимо требуемой в процессе международной деятельности лингвистической составляющей (обучение лексике, грамматике, произношению) столь же необходимую в межкультурном общении социокультурную компоненту, что позволяет использовать предмет «иностраный язык» в качестве площадки, на которой формирование необходимого качества личности происходит эффективно в отведенные программой часы.

Литература:

1. *Byram M. Teaching and assessing intercultural communicative competence. Clevedon: Multilingual Matters LTD., 1997.*

2. Гальскова Н.Д., Гез Н.И. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика: учеб. пособие для студ. М.: ИЦ «Академия», 2007.

3. Гитман Е.К., Михайлова Ю.В. Работа в команде при обучении иностранному языку в вузе: опыт применения // Фундаментальные исследования. 2014. № 8–2. С. 449–453.

4. Елизарова Г.В. Культура и обучение иностранным языкам. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2004.

УДК 37.02

О.М. Федорова

Образовательное целеполагание в продуктивной лингводидактической технологии

О.М. Fedorova

Educational goal-setting in productive lingvodidactical technology

Аннотация. В статье дается описание продуктивной лингводидактической технологии. Главное внимание обращается на ее характеристики. Раскрывается эффективность продуктивной лингводидактической технологии при развитии образовательного целеполагания.

Ключевые слова: продуктивный подход, продуктивная лингводидактическая технология, диалоговая компетенция, образовательное целеполагание.

Abstract. The description of productive lingvodidactical technology is given in the article. The main attention is paid to its characteristics. It reveals its effectiveness in the development of educational goal-setting.

Key words: the productive approach, productive lingvodidactical technology, dialogic professionally-oriented communication, educational goal-setting.

В настоящее время в области профессионально ориентированного иноязычного образования все настойчивее делается упор на самостоятельное целеполагание обучаемого как условие его становления и раз-

вития. В этой связи «продуктивный подход» в достаточной мере отвечает современным тенденциям развития иноязычного образования.

Продуктивный подход в области профессионально ориентированного иноязычного образования — лингводидактическая система, являющаяся полноценной основой построения современной модели обучения иностранному языку при помощи эффективных приемов обучения, встроенных в систему инновационных лингводидактических технологий, обращенных как на реализацию узко-прагматических целей обучения ИЯ, так и на реализацию целей, формирующих гармоничную полноценную личность обучаемого, ориентированную на освоение и развитие будущей профессиональной деятельности [4].

В контексте продуктивного подхода определим содержание диалоговой компетенции как способности изучающего иностранный язык самостоятельно осуществлять полноценную профессионально ориентированную иноязычную коммуникацию и эффективно решать различные коммуникативные задачи, решение которых способствует интенсивному развитию иноязычной речи в диалоговом режиме с соблюдением всех норм, критериев и особенностей диалогического общения [2].

Концептуальной основой методики формирования диалоговой компетенции являются основные принципиальные положения продуктивной лингводидактики, которые определяют системную организацию учебно-воспитательного процесса инновационного характера в высшей школе, являясь одновременно и моделью воспитывающего иноязычного образования.

При разработке методики формирования диалоговой компетенции студентов технических вузов мы опираемся на продуктивную лингводидактическую технологию, которая в рамках концепции продуктивного подхода представляет собой системную организацию учебно-воспитательного процесса, форму воспитывающего профессионально ориентированного иноязычного образования, осуществляемого студентом в режиме самоуправления [1].

В рамках продуктивного подхода продуктивная лингводидактическая технология имеет следующие характеристики:

- обеспечение многообразием вариантов формирования диалоговой компетенции студентов;
- адаптация учебно-воспитательного процесса к возможностям и требованиям каждого студента;

- создание четкой структуры формирования диалоговой компетенции;
- обеспечение учебно-воспитательного процесса рефлексивно-аналитическим самооценочным компонентом, исполняющим функции контроля и коррекции;
- обязательное освоение всех компонентов продуктивной лингводидактической технологии и их отражение в модульной программе;
- обеспечение развития продуктивной учебной деятельности;
- моделирование собственной образовательной траектории формирования диалоговой компетенции в информационно-образовательной среде;
- развитие профессионально ориентированного иноязычного образования.

Вышеизложенные свойства продуктивной лингводидактической технологии позволяют отметить ее основную системно-технологическую характеристику, которая определяется:

- четкой последовательностью всех элементов лингводидактической системы;
- многообразием структурных организационно-методических единиц;
- четкой структурой формирования диалоговой компетенции.

Продуктивная лингводидактическая технология развивает следующие умения у студентов бакалавриата:

- использовать ранее полученный опыт диалогической и монологической речи в новых учебных и профессиональных ситуациях;
- ответственно и продуманно использовать технологии интернет-общения при самостоятельном формировании умений диалогической профессионально-ориентированной коммуникации;
- владеть стратегией, приемами, методами продуктивного изучения иностранного языка;
- принимать самостоятельное решение в ситуациях свободного выбора на всех этапах владения иностранным языком;
- опираться на рефлекссию и самооценку в процессе овладения умениями диалогической профессионально-ориентированной коммуникации;
- самостоятельно управлять процессом изучения иностранного языка.

С позиции студента освоение иностранного языка на основе продуктивной лингводидактической технологии имеет следующую структуру:

- определение вместе с преподавателем целей, задач освоения иностранного языка;

- обозначение с помощью преподавателя средств и способов продуктивного изучения иностранного языка;
- создание личностного иноязычного речевого продукта;
- рефлексивно-аналитическая самооценка получившегося продукта речевой деятельности;
- коррекция при необходимости получившегося продукта речевой деятельности.

Целеполагание в рамках продуктивной лингводидактической технологии обозначает осознание студентом перспективы изучения иностранного языка в конкретных речевых ситуациях и моделирование личностного речевого продукта на иностранном языке.

Мы согласны с А. В. Хуторским, который под целеполаганием подразумевает установление студентами и преподавателем целей и задач обучения на определенных этапах обучения [5].

Целеполагание необходимо для моделирования образовательных действий студентов и имеет непосредственное отношение к социальным заказам, стандартам высшего профессионального образования, продиктованных вступлением России в Болонский процесс, а также уровнем развития студентов, мотивами их учения, особенностями изучаемого модуля, информационно-образовательной средой.

Целеполагание опирается на:

- предвидимый результат продуктивной учебной деятельности, отражаемый в определенном образовательном продукте;
- предметное моделирование будущего;
- субъективный образ желаемого, который опережает отражение событий в сознании личности.

Из вышесказанного следует, что критерии оценивания цели соответствуют следующим качествам:

- новизна;
- точность постановки;
- иерархичность, которая предусматривает планомерный переход на более высокие уровни;
- независимость от внешних условий;
- перспективность, т. е. последующие применение полученных знаний диалогической иноязычной речи на практике.

В таблице 1 представлена процедура развития образовательного целеполагания [3].

Таблица 1. Процедура развития образовательного целеполагания.

Деятельность студента	Деятельность преподавателя	Совместная деятельность студента и преподавателя
Отбор лингводидактических целей обучения диалогической иноязычной речи из предложенных преподавателем и их дополнение с опорой на предполагаемый образовательный продукт	Составление предварительного списка лингводидактических целей для выбора студентам	Корректировка, уточнения по основным лингводидактическим целям
Представление своих лингводидактических целей, ознакомление с целями других студентов	Обработка полученного списка целей, определение основных мотивов студента	Демонстрация целей каждым студентом их оценка и корректировка
Самоопределение студентом в общей вариативности целей, уточнение собственных целей	Выявление основных целей изучения каждого модуля	Соотнесение индивидуальной образовательной траектории каждого студента и образовательной программы университета
Моделирование индивидуальной образовательной траектории	Разработка модульной программы изучения ИЯ, в частности диалогической иноязычной речи	Составление модульной программы с общим и индивидуальным компонентом обучения ИЯ, в частности диалогической иноязычной речи

Из представленной таблицы видно, что студент при помощи преподавателя или самостоятельно определяет собственные цели изучения иностранного языка и устанавливает конкретные учебные задачи.

Таким образом, в связи с модернизацией системы высшего профессионального образования мы считаем актуальным развитие образовательного целеполагания в рамках продуктивной лингводидактической технологии при формировании диалоговой компетенции.

Литература:

1. *Буртасенкова О.М.* Компетентностная составляющая методики обучения диалогической иноязычной речи студентов технических вузов // Казанская наука. 2014. № 4. С. 222–224.
2. *Буртасенкова О.М.* Формирование диалоговой компетенции студентов бакалавриата технического вуза на основе продуктивного подхода (на материале английского языка): автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2014. 21 с.
3. *Буртасенкова О.М.* Формирование диалоговой компетенции студентов бакалавриата технического вуза на основе продуктивного подхода (на материале английского языка): дисс. ... канд. пед. наук: 13.00.02. СПб., 2014. 263 с.
4. *Рубцова А.В.* Продуктивный подход в профессиональном иноязычном образовании как концептуальная основа развития продуктивно-ценностной иноязычной образовательной среды // Актуальные задачи педагогики: материалы междунар. науч. конф. (Чита, декабрь 2011). Чита: Молодой ученый, 2011. С. 233–235.
5. *Хуторской А.В.* Методика обучения школьников постановке цели // Вестник ННГУ: серия инновации в образовании. 2005. Вып. 1(6) // URL: http://www.unn.ru/pages/vestniki_journals/99990199_West_innov_2005_1%286%29/27.pdf (дата обращения: 18.10.2017).

УДК 821.111-1

М.В. Яценко

Концепт греха в древнеанглийской поэме «Даниил»¹

M. V. Yatsenko

The Concept of sin in Old English poem “Daniel”

Аннотация. В статье рассматриваются основные лексемы, используемые для обозначения концепта «грех» в древнеанглийской поэме «Даниил». Анализ разных уровней контекста поэмы позволяет выявить специфи-

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФИ. Проект № 16-04-50082 а(ф).

ку значения каждой лексемы и представить их значения как составляющие единого целого — концепта.

Ключевые слова: концепт, древнеанглийская поэма «Даниил», грех, рецепция христианства.

Abstract. The article deals with the basic words used to denote the concept of 'sin' in Old English poem "Daniel". The analyses of different levels of the context allows to reveal the specificity of the use of each word and see them as constituent parts of the whole concept.

Key words: concept, Old English poem Daniel, sin, reception of Christianity.

Концепт как важнейший элемент языковой картины мира позволяет осмыслить ряд языковых явлений из области семантики, фразеологии и прагматики как составляющие единого целого. Вслед за Ф.Ф. Фархутдиновой мы понимаем концепт как «структурно и образно организованное инвариантно-вариативное знание определенного социума о каком-либо явлении материальной или духовной культуры, реализующееся через пространство разноуровневых и разнопорядковых языковых знаков, связанных между собой парадигматически, синтагматически и/ или ассоциативно» [1].

Изучение концептосферы древнеанглийского языка имеет ряд особенностей, определяющихся такими факторами, как ограниченность языкового материала кругом дошедших до нас рукописей и своеобразие семантики древнего слова. Изучение последнего может быть продуктивным при условии тщательного и последовательного анализа разного уровня контекстов его употребления, среди которых выделяют четыре основных: контекст краткой строки (минимального синтаксического целого, состоящего обычно из двух слов или сложного слова), контекст долгой строки (состоящей из двух кратких строк), контекст структурно-смыслового блока (расширенного варианта предложения в поэтическом тексте) и контекст памятника, его жанрово-композиционной организации текста [2]. Учитывая разные уровни контекста, удалось описать значительное количество культурных концептов древнеанглийской языковой картины мира (пространственные концепты, концепт битвы, славы и пр.). При этом внимание исследователей сосредоточивалось на материале наиболее древних слоев исконной лексики, которая употреблялась в героическом эпосе, главным образом, в поэме «Беовульф». Христианский же эпос рассматривался чаще всего как материал для сравнения с текстом «Беовульфа» и как пример преломления исконного

взгляда на мир под влиянием христианства. Однако своеобразие культуры определяется в том числе и способностью рецепции в ней образов и ценностей иной культуры.

Представления о грехе составляют одну из важнейших сторон отношений человека с Богом. В большинстве традиционных религий грех рассматривается как нарушение закона. Христианство не только является сводом законов-правил поведения, но и дает человеку возможность покаяния, представляет путь и средства к исправлению собственной жизни. По определению отцов Церкви, грех есть болезнь души (Шестой Вселенский / Третий Константинопольский собор), от которой исцелить человека может участие в церковных таинствах и через них соединение со Христом, добровольно принявшим смерть во искупление грехов всего человечества.

Покаяние, плач о своих грехах — важная составляющая ряда текстов Ветхого Завета. Наиболее яркий пример индивидуального покаяния представляют собой псалмы царя Давида (прежде всего, 50-й псалом). Покаяние от лица всего израильского народа содержится в Песни или Молитве Азарии, пропетой как благодарение за чудесное спасение трех отроков, брошенных в огненную печь языческим царем Навуходоносором. Эта история, как и песнопения, воспетые отроками, изложены англосаксонским аллитерационным стихом в поэме «Даниил». Многие покаянные мотивы из Песни Азарии возникают и в основном повествовании, где грех оказывается одной из центральных тем. Грех совершают израильтяне, отпадая от веры в истинного Бога (глава 1), грешит царь Навуходоносор, узнавший о величии единого Бога, но создавший себе вместо Него статую, а также преследовавший верных закону израильских отроков (глава 2). За отступление от Бога и превознесение он наказывается сумасшествием, пережив которое, обращается к вере в истинного Бога (глава 5). Но от греховных наклонностей не свободен его потомок — Валтасар (глава 6). Предаваясь пьянству и разгулу, он оскверняет священные сосуды, за что должен быть предан вместе со всем своими подданными в руки захватчиков (мидян и персов). Древнеанглийский поэт осмысливает большую часть событий, изложенных в поэме, с точки зрения греха, указывая на его причины и как бы анализируя поведение и психологию грешников.

В поэме «Даниил» использованы шесть основных лексем, трактуемых в глоссарии как обозначения греха: 1) **fyren** (a sin, crime¹) (166,

¹ Здесь и далее значения лексем на английском языке даются по словарю [3].

591¹) — «грех», «преступление» и его производное *fyrendæd*; 2) **man** (a bad shameful action, a crime, crime, guilt, wickedness) (184) — «грех», «злое дело» — и его производное *manbealu* (45) — «вред», «рана», «убийство»; 3) **scyld** (I. guilt, sin, crime, fault; II. a debt, due) (266) — «грех», «преступление» — и прилагательное от него *scyldig* (449, 548) — «виновный»; 4) **womm/wamm** (I. in a physical sense (a) a spot, mark, blot, stain, (b) filth, impurity corruption; II. fig. (a) a blot, disgrace, damage, hurt, (b) moral stain, impurity, uncleanness, defilement, (c) evil, sin, shameful word or deed) (24, 282, 296) — «пятно», «грех», «преступление». 5) **unriht** (I. wrong, evil, iniquity, injustice; II. defect) (23, 187, 684) — «зло», «несправедливость», «обман», «преступление» и его производное — *unrihtdom* (183). Также для обозначения греха употребляется слово 6) **nīð** (I. envy, hatred, enmity, rancor, spite, ill-will, jealousy; I. action which arises from hatred, strife, war, hostility; III. the effect of hatred, persecution, trouble, vexation, annoyance, affliction, tribulation, grief; IV. evil, wickedness, malice) (464, 618, 632, 696) — «жестокость», «грех», «вражда», «антагонизм», «враждебность», «неприятель» и производные от него слова — *nīðete* (48, 278) — «ненависть» и *nīðwacu* (663) — «изгнание», «ссылка».

Лексема *scyld* родственна как современному английскому глаголу *should*, обозначающему долженствование, так и имени одной из трех норн германо-скандинавской мифологии (др.-исл. *Skuld*), предсказывающей будущее. *Scyld* творят преданные Навуходоносору слуги халдеи, которые за это оказываются сожженными огнем вместо отроков (266). В данном случае значение *scyld* — «грех» далеко не единственное. Вполне возможно, что речь здесь лишь о соблюдении слугами своего долга, обязанностей перед правителем. Но покорное соблюдение приказа не избавляет от наказания халдеев, поскольку и они, и их правитель — язычники. Производное от *scyld* прилагательное *scyldig* (449, 548) — «виновный» употребляется для обозначения способа расплаты за грех, провинность. Уверовав в истинного Бога, Навуходоносор приказывает всем своим подданным чтить его: “*þæt se wære his aldre scyldig, // se ðæs onsoce / þætte soð wære // mære mihta waldend, / se hie of þam morðre alysde*” — «тот будет своей жизнью виновен, // который отрицает, / что истинно является // более великим мощи Властитель, / Который их от той смерти спас» (449–451). Выражение *aldre scyldig* — досл. «жизнью виновен» значит,

¹ Здесь и далее текст поэмы «Даниил» приводится по изданию [4] с опущением долгот и переводом автора статьи. В круглых скобках указывается номер строки.

собственно, «повинен смерти», оно соотносится со словами Евангелия от Матфея: «Иисус молчал. И первосвященник сказал Ему: заклинаю Тебя Богом живым, скажи нам, Ты ли Христос, Сын Божий? Иисус говорит ему: ты сказал; даже сказываю вам: отныне узрите Сына Человеческого, сидящего одесную силы и грядущего на облаках небесных. Тогда первосвященник разодрал одежды свои и сказал: Он богохульствует! на что еще нам свидетелей? вот, теперь вы слышали богохульство Его! как вам кажется? Они же сказали в ответ: повинен смерти» (Мф. 26:63–66). Выражение «повинен смерти» в древнеанглийском переводе Евангелия звучит как “*He ys deades scyldig*”. За счет этой аллюзии в древнеанглийской поэме царь не только дает грозное обещание своим подданным, но и как бы высказывает мысль, противоположную словам обвинителей Христа. Позже царь отпадает от веры в истинного Бога, а потому оказывается “*wid god scyldig*” — «виновен пред Богом» (548). Причем его виновность осознается пророком Даниилом, проникший в смысл сна Навуходоносора.

Обозначение вражды *nīd* в ряде случаев употребляется для указания на грех. Вражда была важной частью жизни германцев, не случайно именно о вражде чаще всего повествуется в сагах, она является сюжетообразующим элементом во многих их них. Вражда возникала в результате нанесения обиды: убийства, обмана, насилия и пр. Обиженная сторона считала делом чести отомстить обидчику, в случае отмщения члены семьи обидчика начинали, в свою очередь, мстить за своего родственника. Институт кровной мести очень медленно вытеснялся у германцев системой выкупов и штрафов. Вражда затрагивала как эмоциональное состояние человека («ненависть»), так и социальное противостояние между людьми (что отражено и в семантике слова *nīd*). В начале поэмы «Даниил» говорится о смертельной вражде (*wælnīd* 46) и ненависти (*nīdhete* 48), которые порождает в своем народе Навуходоносор. При этом излагаются мысли царя, породившего ненависть: “*þæt he secan ongan / sefan gehygdum // hu he Israelum / eadost meahthe // þurh gromra gang/ guman oðþringan*” — «так что он искать принялся / мыслью разума, // как он израильтян / проще бы смог // в сраженье жестоком / притеснять мужей (Вар.: «брат в плен»)» (49–51). В данном случае описание размышлений царя (*sefan gehygdum*) отсылает нас к обозначению одного из главных грехов — гордыни (*oferhygd*), о котором много говорится в поэме. Гордыня оказывается основой для всех поступков Навуходоносора. В начале поэмы говорится: “*No he æ fremede, // ac in oferhygde / æghwæs lifde*” — «Он по

закону не поступал, // но по гордости / только жил//» (106–107). Гордыня разрушает жизнь царя (489), поскольку Господь наказывает тех, кто превозносится из-за гордости (494), и царя не минует эта участь. Высокомерие и гордость заставляют его уйти в вынужденное изгнание, удалиться от общества (614), также оказывается оторванным от людей и Бога царь Валтасар (678), охваченный гордыней. Сумасшествие царя Навуходоносора описано как следствие его гордыни. Состояние царя описано при помощи слова *niðwrasum* — досл. «изгнание от вражды» или «враждебное/тяжкое изгнание», т. е. он претерпевает тяжчайшее для германского воина наказание. Изгнание могло быть следствием либо величайшего несчастья — гибели всех членов общины, единственный уцелевший из которой становился изгнанником, либо тяжелейшего преступления. В качестве причины изгнания Навуходоносора указывается только гордыня, превознесение его перед Богом и людьми, а не конкретные поступки царя: “*siððan him nið godes, // hred of heofonum, / hete gesceode*” — «так как ему вражда с Богом // немедленно с небес (вар. «с небесами») / ненавистная случилась» (618–619). Здесь *nið* относится не к провинности царя, но к наказанию, которое он за него получает от Бога. Во время изгнания царь должен “*nið gefaþian*” — «изжить/пережить/перетерпеть вражду/грех/наказание» (632). Лексема *nið* в начале поэмы описывает вражду, злобу самого царя по отношению к израильским отрокам, которых он приказал сжечь в горячей печи (278 и 464). Возможно, что, переживая изгнание в конце поэмы, царь вынужден избавиться именно от того греха злости и жестокости, которые были свойственны ему в начале поэмы.

Гордыня как источник всех грехов осмысливается в поэме и в связи с обозначением греха как зла — *man*: “*swa hyra aldor dyde, // mane gemenged, / mode gefreƿnod*” — «как творил их старейшина, // с грехом смешавшись, / душой превознесшись» (183–184). Результатом порабощения царя греху является отступление от Божьего завета и его подданных, которые служили идолу (182), вершили неправое *unrihtdom* (183), так как не знали истинного закона (182).

Представление о грехе как пятне, повреждении природы особенно ярко осмысливается при описании спасения отроков в огненной печи. Обозначение Азарии как *womma leas* (282) воспринимается сразу в двух смыслах: он и цел, не поврежден телесно, и сохраняет целостность душевную, так как за счет своего покаяния оказывается лишенным греха. В начале же поэмы израильтяне напротив творят грех (*wommas wurseap*

24). Если в начале поэмы рассказ о грехах — лишь констатация факта, часть исторического повествования, то в Песни Азарии упоминание о грехах сопряжено с покаянием, принесенным отроками от лица своих прародителей: “We ðæs lifgende // worhton on worulde, / eac ðon wom dyde // user yldran” — «Мы то живущие // сделали в мире, / и тот грех совершили // прародители наши» (295–297).

Лексема, обозначающая грех как преступление, **fyren** употребляется дважды в моменты истолкования снов Навуходоносора Даниилом. Царь не может понять смысла собственного первого сна из-за грехов (166), выше указывается, какие это грехи: винопитие и гордыня. Последний из описанных в поэме пророческий сон царя о его будущем сумасшествии Даниил не просто истолковывает. Пророк указывает, что грехи можно искупить постом (fyrene fæstan 591), милостыней и добрыми делами (585–592). Лексема *fyren* также используется при рассказе о наказании за грехи, которое получают язычники-халдеи, предавшие огню израильских отроков. За счет созвучия слов *fyren* — «грех» и *fyr* — «огонь» «огненные дела» (fyrendædum 344) халдеев оказываются и их грехами.

В контексте Кодекса Юниуса концепт греха раскрывается поразному. Первая поэма «Бытие» повествует о грехопадении ангелов во главе с Сатаной и соблазнении им на грех Евы и Адама, и раскрывает природу первородного греха. В «Исходе» аллегорически изображается гибель воплощения греха (фараона и египтян), а в поэме «Христос и Сатана» описывается противостояние Христа и Сатаны. «Даниил» же рассказывает о грехе как части повседневной жизни целого народа и отдельного человека, царя. При этом дается наглядная картина действия греха на душу человека и сообщается о путях избавления от него.

Литература:

1. *Фархутдинова Ф.Ф.* Взглянуть на мир сквозь призму слова... Опыт лингвокультурологического анализа русскости. Иваново, 2000.
2. *Гвоздецкая Н.Ю.* Проблемы семантического описания древнеанглийского поэтического слова (опыт текстоцентрического анализа): дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2000.
3. *Bosworth J., Toller T.N.* An Anglo-Saxon Dictionary based on the Manuscript Collection of J. Bosworth / Ed. and enlarged by T.N. Toller. London: Oxford University Press, 1973.
4. *Farrell R.T.* Old English Daniel and Azarias. London.: Methuen, 1974.

Раздел III. Социогуманитарные науки в современном обществе

УДК 378.147

А.Б. Булатова

К вопросу о мотивации бакалавров регионоведения

А.В. Bulatova

Motivation of region studies experts revisited

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы мотивации применительно к бакалаврам регионоведения. Доказывается важность мотивации в процессе профессиональной подготовки. Описываются виды мотивации, анализируются данные эмпирического исследования и даются рекомендации по повышению уровня внутренней мотивации.

Ключевые слова: Мотивация, регионоведение, профессиональная подготовка.

Abstract. The article is devoted to the issues of region studies experts motivation. It highlights the importance of motivation in professional education, describes types of motivation and analyses empirical data. Finally, the article advises on ways of enhancing the level of intrinsic motivation.

Key words: motivation, region studies experts, professional development.

Согласно недавнему исследованию «Россия 2025: от кадров к талантам», проведенному совместно The Boston Consulting Group, World Skills Russia и Global Education Futures, в ближайшие 10 лет будет особенно высоким спрос на специалистов, способных выполнять аналитическую и творческую работу. Именно к данному типу профессий относится ква-

лификация регионоведа, в сферу обязанностей которого входит информационно-аналитическая деятельность. В связи с этим особо остро стоит вопрос о готовности регионоведов к выполнению профессиональной деятельности.

Несмотря на большой интерес в современных работах к формированию «готовности», единой точки зрения на данное понятие среди исследователей не существует. «Готовность» рассматривается и как установка, и как качество или свойство личности, и как психологическое состояние, и даже уровень профессионального мастерства. Часто в исследованиях «готовность» отождествляется с профессиональной «пригодностью» и профессиональным «соответствием», что не совсем верно, так как «пригодность» является более широким понятием, по отношению к «готовности». Согласно психологическому словарю профессиональная «пригодность» — это соответствие природных психологических, психофизиологических и медицинских данных человека и его профессиональной подготовки требованиям, предъявляемым определенной профессией. [1] В то же время, готовность является результатом процесса профессиональной подготовки. Однако, говоря как о готовности, так и профессиональной пригодности, исследователи отмечают, что ни та, ни другая не являются врожденными, наоборот, подчеркивают они, и готовность, и пригодность формируются. При этом, как заметил К.М. Гуревич: «Каждый человек, в принципе, может овладеть любой профессией (или почти любой), но все дело в том, сколько на это понадобится сил и времени». [2]

И хотя авторы не могут прийти к единому определению понятия готовности, тем не менее, практически все единогласны в том, что мотивация играет в формировании готовности одну из самых главных ролей, и выделяют мотивационный компонент в структуре готовности. Из психологии известно, что мотивация бывает внутренней и внешней, положительной и отрицательной.

Внутренняя мотивация выражается во внутри-личностной заинтересованности в деятельности. Она зависит от таких факторов как значимость деятельности, любопытство, стремление к творчеству, самореализация, соперничество, уровень притязаний и т.п. Сознательность учения предполагает внутреннее принятие учебных задач, их субъективную значимость для учащегося. Степень внутренней мотивации зависит от знания результатов своей деятельности, т.е. от эффективности обратной связи в процессе обучения. Другие способы повысить мотивацию, по дан-

ным психологических исследований, в целом оказались безуспешными.

Внешняя мотивация основана на внешних факторах: уровне оплаты, боязни наказания, приобретении каких-то льгот и т.п. Внешняя мотивация бывает положительной и отрицательной, что оказывает влияние на поведение личности. Положительно мотивированный студент проявляет высокую активность на занятиях, стремится как можно лучше выполнить учебную деятельность, демонстрирует интерес к учебе. Отрицательная мотивация проявляется в пассивности поведения, внешне выраженной скуке, стремлении остаться в стороне от общей учебной деятельности. Внешняя отрицательная мотивация мало продуктивна и, как правило, кратковременна, так как осуществляя учебу на ее основе, студент часто испытывает внутренний дискомфорт несогласованности требований деятельности с глубинными потребностями и мотивами. А снижение интенсивности внешнего фактора (например, уменьшение угрозы наказания) или возникновение дополнительных трудностей приводят к прекращению учебной деятельности.

Психологические исследования выявляют отличия между сильными и слабыми студентами. Но отличие это выражено не в уровне интеллекта, а в мотивации учебной деятельности. Для сильных студентов характерна внутренняя мотивация: у них преобладают познавательные и профессиональные мотивы, они имеют потребность в освоении профессии на высоком уровне, ориентированы на получение прочных профессиональных знаний и практических умений. У слабых студентов мотивы в основном внешние, ситуативные: избежать осуждения и наказания за плохую учебу, не лишиться стипендии, получить отсрочку от армии. [3] Несомненно, мотивационная структура личности включает в себя различные мотивы, но считается, что для успешного обучения показатели внутренней мотивации должны быть выше показателей внешней положительной мотивации, а последняя выше внешней отрицательной мотивации.

Эмпирическое исследование проводилось среди студентов 1–3 курса гуманитарного факультета, обучающихся по направлению «Зарубежное регионоведение». В ходе опроса использовалась методика Р.В. Овчаровой «Мотивы выбора профессии», позволяющая определить преобладающий тип мотивации при выборе профессии и методика А.П. Чернявской «Профессиональная готовность». Результаты анкетирования приведены в таблице 1.

Анализ результатов позволяет заключить, что у основного количества студентов внутренняя мотивация доминирует над всеми други-

Таблица 1. Оценка мотивации студентов-регионоведов.

Вид мотивации	1 курс			2 курс			3 курс		
	среднее	выше среднего	ниже среднего	среднее	выше среднего	ниже среднего	среднее	выше среднего	ниже среднего
ВМ	4,2	50%	50%	4,11	36%	64%	3,77	53%	47%
ВМ (соц)	3,39	60%	40%	3,54	64%	36%	3,00	53%	47%
ВПМ	3,73	65%	35%	3,54	43%	57%	3,28	57%	43%
ВОМ	2,08	30%	70%	2,50	43%	57%	2,27	47%	53%

ми видами мотивации, наиболее низкие показатели у внешней отрицательной мотивации, а цифры внешней положительной мотивации выше, чем внутренней социальной мотивации. Среди студентов 2 и 3 курса есть представители, у которых показатели внешней отрицательной мотивации выше показателей внутренней. Но при этом показатели внутренней мотивации заметно выше у студентов первого курса, чем у студентов 3 курса.

Данный факт может быть обусловлен индивидуально-психологическими особенностями студентов, однако необходимо учитывать, что большая доля студентов, согласно анкетированию, выбирает не конкретную профессию, а уровень образования — 45% среди студентов 1 курса, 50% студентов 2 курса, 58% студентов 3 курса. При этом только 15% студентов 1 курса, 44% студентов 2 курса и 8% студентов 3 курса представляют условия, в которых будут работать, а 30% студентов 1 курса и 33% 2 и 3 курса знают обязанности, которые будут выполнять на работе. Таким образом, не происходит необходимой трансформации внутренних познавательных мотивов в профессиональные, что необходимо для поддержания мотивации на высоком уровне. Данные показатели не являются уникальными, похожие выводы были получены Т.Л. Бедаревой при изучении профессиональной направленности регионоведов-востоковедов, что обусловлено отсутствием профессионального отбора по данному направлению подготовки и отсутствием целенаправленной системы по формированию профессиональной направленности студентов. Обнадёживающим, однако, является тот факт, что 90% респондентов 1 курса, 89% 2 курса и 92% 3 курса готовы приложить все усилия, чтобы иметь знания, навыки и умения хотя бы в одной области (теоретической и практической), при этом

только 21% ответивших первого курса, 37,5% второго и 42% третьего курса предпочитают малоответственную работу, а 79% первокурсников, 78% второкурсников и 75% третьекурсников осознают, что своим поведением в настоящем они строят фундамент для будущего.

Учитывая данные эмпирического исследования и то, что наибольшее влияние на внутреннюю мотивацию оказывает обратная связь, рекомендуется при обучении иностранным языкам создавать такие условия, при которых студенты сами могут отслеживать результаты своей деятельности. Наиболее удачным вариантом при этом может выступать организация обучения с применением комбинированной модели, в которой некоторые элементы (например, грамматические темы) дифференцированы и вынесены для самостоятельной работы в электронном виде. Различные системы дистанционного обучения, такие как, например, Moodle, Edmodo, наглядно демонстрируют прогресс студента и позволяют за счет автоматизации контроля добиваться наивысшего уровня при формировании соответствующих навыков.

Среди средств, влияющих на актуализацию мотивов учения, А.А. Вербицкий выделяет последовательную перестройку форм учебного взаимодействия и сотрудничества преподавателя и студентов и введение в учебные ситуации творческих и продуктивных задач, имеющих профессиональную значимость. [4] Т.Л. Бедарева, изучая вопросы профессиональной направленности регионоведов-востоковедов, пришла к выводу, что для успешного формирования профессиональной направленности, которая выступает основой профессиональной готовности, необходимо выполнить следующие условия:

- 1) профессиональная направленность учебной деятельности;
- 2) реализация межпредметных связей;
- 3) профессиональная направленность воспитательной работы;
- 4) воспроизводяще-творческая деятельность студентов. [5]

Одной из проблем при обучении профессионально-ориентированному иностранному языку является тот факт, что студенты не ощущают прогресса, так как изучение, как правило, осуществляется на том же уровне общеевропейских компетенций владения иностранным языком (CEFR), что и при поступлении (при ранней профессионализации). Это оказывает отрицательное влияние на мотивацию студентов, так как их основной целью является достижение такого уровня владения иностранным языком, который бы обеспечивал желаемое трудоустройство.

И хотя на самом деле движение вперед, несомненно, присутствует: увеличивается активный лексический словарь, осваиваются более сложные грамматические конструкции, студенты ощущают, что они стоят на месте. Кроме того, 65% дескрипторов общеевропейских компетенций владения иностранным языком посвящены говорению, а фокусом является не иностранный язык для специальных целей, а курс общего иностранного языка. В связи с критикой как со стороны студентов, так и преподавателей (после тщательного изучения мнения более 6000 преподавателей из 50 стран мира) Pearson создали в дополнение к существующей классификации уровней владения инструментом для более точного определения целей обучения. GSE Teacher Toolkit разработан для четырех целевых аудиторий — детей, изучающих иностранный язык, взрослых, изучающих общий курс иностранного языка, студентов, изучающих академический язык и тех, кто изучает язык для специальных целей. В нем содержатся задачи в контексте изучения языка для специальных целей (написание писем, проведение презентаций и переговоров), а уровень владения иностранным языком измеряется по шкале от 10 до 90.

Таким образом можно заключить, что мотивация выступает фактором, определяющим деятельность, наличие внутренней мотивации оказывает наибольшее влияние на процесс обучения, а внешняя отрицательная мотивация наиболее непродуктивна. При этом мотивационная структура личности не является фиксированной, на нее оказывают влияние различные факторы. В связи с этим необходима целенаправленная разработка мероприятий, направленных на повышение уровня внутренней мотивации.

Литература:

1. *Кондаков И.М.* Психология-2000: Иллюстрированный справочник. М.: Столичн. гуманитарн. ин-т, 2000. [1 электрон. опт. диск (CD ROM)].
2. *Гуревич К.М., Матвеев В.Ф.* О профессиональной пригодности операторов и способах ее определения // Вопросы пригодности оперативного персонала энергосистем. М.: Просвещение, 1966. С. 3–18.
3. *Ильин Е.П.* Мотивация и мотивы. СПб.: Питер, 2002.
4. *Вербицкий А.А.* Психология мотивации студентов : учеб. пособие для вузов. М., 2006.
5. *Бедарева Т.П.* Организационно-педагогические условия формирования профессиональной направленности будущих регионоведов-востоковедов: монография. Чита: Забайкальский печатный дом; ЧитГТУ, 2003.

Аландский вопрос в предвоенное время и в годы Первой мировой войны

A. V. Vostrov

Aland question in the pre-war period and during the First World War

Аннотация. В статье рассматривается трансформация Аландского вопроса в предвоенные годы (1907–1914) и в годы Первой мировой войны. Анализируются внешнеполитические отношения между Российской империей и Швецией, но также рассматривается влияние на позицию по Аландскому вопросу указанных стран со стороны Германии и Великобритании.

Ключевые слова: Аландский вопрос, Первая мировая война, Российская империя, Швеция, Германия, Великобритания.

Abstract. The article reviews the transformation of the Aland question in the pre-war period (1907–1914) and during the First World War. It analyses foreign relations between the Russian Empire and Sweden and studies the influence of Germany and Great Britain to their position on the Aland question.

Key words: Aland question, First World War, Russian Empire, Sweden, Germany, Great Britain.

Распад шведско-норвежской унии в 1905 г., совпавший по времени с русско-японской войной, привел к образованию суверенной Норвегии, сразу же поддержанной российским правительством. В ходе общеевропейских переговоров о гарантии суверенитета и государственной целостности нового государства в первой половине 1907 г. российская сторона в лице министра иностранных дел А.П. Извольского попыталась обсудить и Аландский вопрос, пытаясь добиться отмены демилитаризованного статуса архипелага. В качестве аргумента рассматривалось противоречие статей Парижского трактата новому международному положению, а также необходимость размещения воинских подразделений на Аландах для предотвращения контрабанды оружия в Финляндию для местных сепаратистов [1].

Ситуация на первый взгляд выглядела благоприятной: гаранты Аландского сервитута — Великобритания и Франция — являлись в этот раз союзниками, и лишь Швеция, задетая за живое утратой Норвегии, могла помешать осуществлению задуманного.

Германская сторона в целом не возражала против предложения, однако министр иностранных дел Великобритании Эдвард Грей ушел от прямого ответа, сославшись на необходимость решать комплексные проблемы в регионе Балтийского моря: в Англии не желали негативной реакции Швеции и, как следствие, сближения последней с Германией. Контрпредложение Грея о проведении специальной конференции четырех великих держав по балтийскому вопросу было отклонено российской стороной, так как тогда откладывалось бы подписание гарантийного норвежского договора, выгодного Петербургу [1].

Улучшившиеся взаимоотношения между Германией и Россией в годы русско-японской войны привели к подписанию секретного соглашения 1907 г. о поддержании статус-кво на Балтике, которое включало согласие Берлина на возможную отмену Аландского сервитута 1856 г. [2] Швеции также было предложено примкнуть к соглашению, но Стокгольм не желал закрывать Балтийское море для военных сил неприбрежных государств — в первую очередь, британских. Поэтому год спустя была подписана лишь Балтийская декларация о территориальной целостности каждого из государств региона (совместно с Северной декларацией). Условием присоединения Швеции к договору стало сохранение демилитаризованного статуса Аландов.

Несмотря на жесткую позицию России (статус-кво на Балтике не зависит от статуса Аландов), Швеция добилась своего — в том числе, благодаря личному обращению короля Густава V к императору Николаю II о переносе решения вопроса на два года. В том же 1908 г. Великобритания рассматривала Аландский вопрос как «утомительный роман» ввиду необходимости защищать интересы Швеции от посягательств России, при этом сохраняя целостность Антанты [3].

Раскол великих держав на два блока фактически лишал балтийские договоренности их значения. Гибель русского флота в Японском море значительно снизила боеспособность Балтийского флота и, как минимум, выровняла соотношение сил в регионе, ослабила шведский страх перед Россией. Аландский вопрос оставался открытым, однако предпосылок к его развитию в ближайшее время не предвиделось. Швеция от-

казалась от предложенной Германией в 1910 г. секретной оборонительной конвенции, а в 1912 г. были озвучены декларации о нейтралитете каждого из трех скандинавских государств (идентичные) в условиях балканских и средиземноморских конфликтов.

Шведский нейтралитет в военных конфликтах полностью не зависел от статуса Аландского архипелага, но его демилитаризация оставалась важной его частью. И когда российское министерство иностранных дел в 1913 г. задалось вопросом о размещении на Аландах базы для аэропланов с целью наблюдения за приграничной территорией, оно быстро поняло тщетность своих попыток решить вопрос путем переговоров.

Роковой сараевский выстрел 28 (15) июня 1914 г. значительно приблизил начало мировой войны, а месяц спустя Россия вступила в войну официально. Поначалу основные сражения развернулись вдали от Балтийского моря, поэтому в осенний период военных действий рядом с Аландским архипелагом не происходило. Тем не менее напряженность между Швецией и Россией сохранялась: военные обеих стран выжидательно всматривались в действия друг друга. Швеция несколько дней медлила с провозглашением нейтралитета в надежде удержать от вступления в войну Великобританию. Германию вполне устраивал благожелательный нейтралитет Стокгольма, а в Петербурге всерьез опасались их совместного десанта на финском побережье.

Открытый фарватер между Аландами и шведским побережьем доставлял особенное беспокойство российскому командованию ввиду возможного проникновения в эти воды германских военных кораблей и их беспрепятственного прохода в Ботнический залив. Попытки заминировать Аландское море целиком (на рубеже 1914–1915 гг.) натолкнулись на противодействие шведского правительства, которое отказалось минировать свои территориальные воды. Но даже согласившись позднее на данное мероприятие, шведская сторона оставила в минных полях проходы для германских транспортных и военных кораблей [4].

Вскоре Балтийское море почти полностью подчинилось германским интересам: российский военно-морской флот большую часть времени оставался на своих базах в Финском заливе; основной британский флот находился вне Балтики, и лишь несколько подводных лодок курсировало здесь во время войны. Тем не менее сам регион и одна из его ключевых точек, Аланды, вызывали непосредственный интерес в Лондоне. Важным его аспектом являлась охрана грузов, пересылаемых западны-

ми союзниками для поддержки российского участия в войне через территории нейтральных Норвегии и Швеции вокруг Ботнического залива. При незащищенных Аландах эти пути также оставались незащищенными.

Аландский вопрос был снова поднят в 1915 г. ввиду опасений высадки немецкого десанта на финском побережье — необходимость укреплений на ключевом посту Ботнического и Финского заливов уже назрела, а военные действия позволяли не оглядываться на сервитут. Как только Швеция согласилась с доводами об оборонительном характере укреплений на период военных действий, работы по фортификации архипелага начались. Протестов со стороны гарантов сервитута, Великобритании и Франции, не последовало.

Однако сомнения в будущей судьбе архипелага среди российских дипломатов оставались: они небезосновательно считали, что Швеция захочет получить Аланды после войны либо с помощью Германии, либо как компенсацию за проявленное дружелюбие к России (разрешения на фортификацию). Поэтому официальный Петербург сознательно избегал прямого ответа на вопрос о судьбе укреплений в послевоенное время.

Летом и осенью 1915 г. Германия, убедившись в затяжном характере войны и получив новых противников, попыталась втянуть Швецию в военные действия, предлагая в качестве компенсации Аландские острова и даже союзную, зависимую от Швеции, самостоятельную Финляндию. Несмотря на то, что большинство шведов предпочитали оставаться нейтральными, шведские «активисты» при негласной немецкой поддержке заявляли о желании участвовать в войне. С началом фортификации Аландов «активисты» стали использовать страх сограждан перед вооруженным архипелагом и воздействовали на общественное мнение, агитируя напасть на «наследственного врага». Ключевым моментом можно назвать май 1916 г., когда Аландский вопрос был вынесен на заседание риксдага, а «активисты» требовали всеобщей мобилизации.

К этому времени «Аландский страх» распространился среди многих шведов, и министр иностранных дел К. Валленберг потребовал от посла России в Стокгольме Неклюдова четкого ответа о послевоенной судьбе архипелага. Николай II вынес вопрос на заседание Главного штаба, где и было принято решение об отсутствии необходимости в укреплениях в мирное время, о чем незамедлительно проинформировали официальный Стокгольм. Аргументация оказалась очень простой: если Россия

проиграет войну, то Германия все равно добьется демилитаризации архипелага, если выиграет — укрепления более не потребуются. По мнению российского военного руководства того времени при любом исходе войны Аландский вопрос должен был стать второстепенным [3].

Получив российские гарантии, Швеция дала однозначный отрицательный ответ на немецкие военные предложения, подтвердила свой «строгий нейтралитет», и с конца 1915 г. Германия всерьез не рассматривала вступление Швеции в войну. Аландский вопрос был временно снят с политической повестки, а движение «активистов» быстро пошло на убыль: все последующие инициативы «активистов» больше базировались на собственных идеях, чем на немецком желании.

Вопреки военной незаинтересованности, экономическая составляющая доминировала: для рейха оставался важным экспорт и реэкспорт товаров из Швеции ввиду развернувшейся торговой блокады Германии. Поэтому нейтралитет Стокгольма продолжал иметь немецкую ориентацию: с 1915 г. были запрещены перевозки военных грузов через шведскую территорию в Россию, предпринимателям требовалось специальное разрешение на вывоз в Россию стратегических товаров, в 1916 г. по настоянию Германии Швеция заминировала свою часть пролива Эресунд. И, наконец, Густав V несколько раз предлагал Николаю II заключить сепаратный мир с Германией... [2]

Западные союзники, номинально поддерживая Россию во время пика политической напряженности отношений со Швецией (готовность отправить в Стокгольм официальные ноты протеста в случае вступления последней в войну), тем не менее поддерживали вопрос о демилитаризации архипелага после окончания военных действий. И обещали Стокгольму санкции в отношении к России в противном случае. Неудивительно, что Аландский вопрос еще несколько раз поднимался на протяжении войны, а шведский король Густав V в мае 1916 г. написал личное письмо Николаю II с просьбой дать ответ о послевоенной судьбе архипелага — в ответном письме русского императора ничего определенного сказано не было. Позже ответ на большой вопрос колебался от статуса русской военной базы до передачи Аландов Швеции, но ничего конкретного не высказывалось обеими заинтересованными странами. Пока Временное правительство в июне 1917 г. с подачи Стокгольма не заявило о готовности обсуждать вопрос ближайшей осенью, но Октябрьская революция полностью изменила ситуацию.

Литература:

1. *Мусаев В.И.* Аландский вопрос как военно-политическая и национальная проблема // Скандинавские чтения 2010 года: этнографические и культурно-исторические аспекты. 2012. С. 144–154.
2. *Кан А.С.* Швеция и Россия в прошлом и настоящем. М.: РГГУ, 1999.
3. *Luntinen P.* The Åland Question during the Last Years of the Russian Empire // The Slavonic and East European Review. 1976. 4(54). P. 557–571.
4. *Тиркельтауб С.В.* Аланды в войнах и мире. СПб.: ОРЕОС, 2008.

УДК 378.316

М.Р. Зобова, А.Ф. Родюков

**Дальнейшая разработка акмеологии в свете
достижений современных социогуманитарных наук
(синергетический подход)**

М.Р. Зобова, А.Ф. Родюков

**The further development of akmeology in the light
of achievements of modern socio-humanitarian sciences
(synergetic approach)**

Аннотация. Теория акмеологии прошла путь развития от первоначального осмысления своего предметного поля в качестве психологической дисциплины до ее становления в качестве философской дисциплины. Под влиянием диалектики и синергетики ее центральное понятие «акме» было дополнено полярным понятием «кате». Акмеология расширилась за счет нового направления исследования — катабологии, обретя преимущества диалектической и синергетической полноты. В ходе продолжающейся дискуссии обнаружена существенная недоработка теории, которая напоминает «игру в бисер», череду бесплодных чередований процессов вершинности и низинности структур. По мнению авторов, преодоление такого теоретического «крута» требует дальнейшего использования идей социальной синергетики.

Ключевые слова: акмеология, акме, кате, межполюсное пространство дуальных оппозиций, инверсия, выбор, отбор, суперотбор, аттрактор, суператтрактор.

Abstract. Key words: The theory of acmeology has passed the way from the original comprehension of its subject field as a psychological discipline till its emergence as a philosophical discipline. Under the influence of dialectics and synergetics its central notion “acme” was supplemented by the polar notion “kate”. Acmeology was expanded by the new direction of research — catabology. It gained the advantages of dialectical and synergetic completeness. In the course of the discussion in the theory was discovered an essential defect such one that the theory itself bring to mind the “bead game” that means the series of sterile rotations of the processes of apexes and low-points of structures. The overcoming of such a theoretical “circle” requires the further usage of the ideas of social synergetics.

Key words: acmeology, acme, kate, interpolar space of dual oppositions, inversion, choice, selection, superselection, attractor, superattractor.

В настоящее время акмеология как дисциплина о вершинности развития объективной и субъективной реальности заняла достойное место во всем комплексе философских и социогуманитарных наук. Отталкиваясь от античной традиции, Санкт-Петербургская школа акмеологии прошла путь плодотворного развития от первоначального осмысления своего предметного поля в качестве психологической дисциплины до ее становления как философской дисциплины. На базе диалектико-синергетического восполнения ее центрального понятия «акме» (вершина) полярным понятием «кате» (низина) она не только расширилась за счет нового направления исследования — катабологии, но и обрела преимущества диалектической полноты [1]. Произошла дальнейшая разработка акмеологии как одной из составляющих наук о предельно общих законах и закономерностях достижения результата в развитии систем и структур различной природы. Основным результатом явилось глубокое осмысление диалектики межполюсного пространства исходных понятий теории и его заполнение рядом модификаций, а также обращение к более широкому кругу объектов теории. На место временному чередованию анаболических и катаболических полюсов пришло понимание их взаимопроникновения друг в друга, подобно любым другим «парным» диалектическим противоположностям. Согласно синергетической теории процесс саморазвития состоит в чередовании хаоса и порядка, в терминах акмеологии — это чередование акме и кате.

В результате такого развития происходит становление сложноорганизованных диссипативных структур, осуществляющих с окружающей средой обмен веществом, энергией и информацией. В результате этого структура начинает оперативно реагировать на изменения окружающей среды и приобретает максимальную устойчивость.

Согласно С.Д. Пожарскому, акмеология описывает развитие как чередование подъемов и спадов, восходящей и нисходящей линий, прогресса и регресса. Взаимосвязь акме и кате стало мыслиться как их одновременное сосуществование и нераздельность во времени и пространстве [2]. Межполюсное пространство оппозиции вершинности и низинности было заполнено рядом дополнительных терминов («апротазис», «протазис», «эпитазис», «катастазис», «катастрофе», «катаболе», «неоапротазис»). На данном этапе развития теории были задействованы, по сути, все базовые понятия «ядра диалектики» (противоречие, противоположность, взаимопроникновение противоположностей, их единство и борьба и др.). Вместе с тем в ходе продолжающейся дискуссии стали очевидны и недостатки теории, причем сущностного порядка.

Это, прежде всего, невозможность адекватного описания развития только лишь чередованием высших этапов зрелости (акме) и его низинных этапов (кате). По меткому замечанию В.П. Бранского, необходимо преодолеть такую «игру в бисер» подобных бесплодных чередований [3].

По нашему мнению, преодоление теоретического «круга» требует рассмотрения проблемы в контексте методологической парадигмы структурного подхода. Для этого необходимо выработать сам критерий значения «точки» акме по отношению к собственным основаниям ее расцвета.

Тогда появится возможность представить асимптотический процесс движения к точке акме как своего рода «подтягивание» к высшему, более совершенному состоянию системы за счет ее самоорганизации. Такое «подтягивание» можно фигурально сопоставить с синергетическим понятием «аттрактор», т. е. со способностью перестраивать систему оптимальным образом, так что она приобретает максимальную устойчивость (жизнеспособность) по отношению к изменившейся окружающей среде (катаболическое окружение). Чем совершеннее, сложнее диссипативная система, тем больше она потребляет для своего развития и

совершенствования энергии, вещества и информации и тем больше выводит в окружающую среду энтропии, хаотизируя последнюю, тем самым создавая катаболическое окружение («яйцо Фаберже в море хаоса» — В.Н. Сагатовский).

В этом и состоит подлинный смысл акме, а вовсе не в том, что расцвет чего-либо сменяется его закатом.

В этой связи используем классический принцип инверсии диалектических противоположностей. Диалектически понятая инверсия не сводится к идее возвращения в исходную точку, а, наоборот, утверждает идею необратимых качественных изменений в системе. Так, в соответствии с этим акме выдающейся личности связано не только с прохождением ею ряда «ступеней» саморазвития или воздействием на ее формирование соответствующего акмеологического (конструктивного, творческого) или же катаболического (деструктивного, преступного) окружения. Путь личностного интимного самосовершенствования может носить неявный, замкнутый на себя характер и до поры никак не влиять на других людей, их группы, организации и пр. Результат объективируется лишь при условии сопоставления проявленного результата саморазвития данного индивида по отношению достигнутой человечеством «вершины» или к тому или иному социальному падению — «низу». Локальные акме соответствуют синергетическому понятию простого аттрактора как высшей на данном этапе точке порядка, а локальные кате — понятию странного аттрактора, как предельной точке хаотизации на определенном этапе развития. Тенденция «подтягивания» локальных акме к высшему акме есть движение к суператтрактору. «Аргументация существования суператтрактора идентична аргументации существования глобального акме человечества (суперакме), т. е. возможности материального воплощения абсолютного идеала человека в виде сверхчеловека» [4].

Суператтрактор есть стохастический, нелинейный результат взаимодействия множества индивидуальных «свобод» и без них не мог бы сформироваться. Свободные действия людей могут ускорять или замедлять движение к суператтрактору, но они не могут предотвратить это движение, поскольку «действия в краткосрочной перспективе компенсируются действиями в долгосрочной перспективе» [5].

Оценка по оси «снизу вверх» сменяется оценкой «сверху вниз». Происходит своего рода переворот, инверсия всего отношения: «верх» (акме) определяет «низ» как «подножие», от которого начинается сам подъем.

Пройденные при этом в процессе подъема ступени роста, становятся «подсистемой» по отношению к новому достигнутому статусу «вершины».

С вершины достигнутого великой личности становится легче управлять, руководить теми или иными сферами жизни, причем достигнутый авторитет продолжает свое действие и после кончины гения эпохи. Такой гений сам становится высшим «акме» того целого, из которого он сам произрастал. Из части он становится целым, началом преобразования и самосовершенствования «других». Так, акме А.С. Пушкина возросло до уровня «духовно национального проекта», определяющего до сих пор многие подструктуры культурного горизонта России и как бы руководя ими. Его гений поднялся до масштабов целостной сферы и трансформировался в «эстетосферу», подчиня самой себе все собственные подсистемы и становясь их «руководящим принципом».

В таких «подтягиваниях» обратная связь с акме оборачивается качественным влиянием на любые системы, классы и индивиды, будь то стиль жизни людей, их ментальность, искусство, наука и т. д. Таким образом, речь уже идет не о простом воспроизводстве системы самой себя, но и ее качественном изменении. Так, монах-отшельник, проходя сложный путь самосовершенствования, становится в его результате святым, точкой притяжения для множества других людей и необязательно лишь для подвижников веры.

Обобщение подобных процессов позволяет сформулировать нетривиальный вывод, согласно которому степень влияния точки акме на свои подсистемы является мерилем (критерием) уровня самого акме как такового, будь это отдельный индивид, группа, институт, организация, общество или человечество в целом.

При этом становление гения не обходится без отбора, способствуя появлению высшего (акмеологического) лидера. А стремление «подтянуться» до него ведет к появлению в социокультурной среде все большего многообразия творческих инновационных идей, подходов, проектов и решений (расширение тезауруса, а тем самым возможностей выбора).

Существование суператтрактора придает объективный смысл социокультурной эволюции, заключающийся в формировании сверхчеловечества. Локальные акме и кате не имеют смысла, если не подчиняются движению к суператтрактору. Последний формируется в результате отбора и суперотбора (отбора самих факторов отбора) как ме-

ханизмов самоорганизации. Суперотбор предполагает совершенствование механизма самоорганизации и его факторов. Частным случаем суперотбора является отбор ценностей и идеалов. Это означает, что из множества относительных, частных человеческих идеалов постепенно формируется общечеловеческий идеал. Суператтрактор в этом аспекте может рассматриваться как результат реализации общечеловеческого идеала.

Литература:

1. *Пожарский С.Д.* Акмеология и катабология: теория совершенствования человека. СПб.: ЛЕМА, 2013.
2. Становление фундаментальной акмеологии / под ред. С.Д. Пожарского. СПб.: ЛЕМА, 2015.
3. Синергетическая философия истории / под ред. В.П. Бранского и С.Д. Пожарского. Рязань: Копи-Принт, 2009.
4. *Бусов С.В.* О некоторых проблемах синергетической акмеологии и путях их решения // Новые идеи в философии. 2016. Вып. 3 (24). С. 224–230.
5. *Бранский В.П., Пожарский С.Д.* Социальная синергетика и акмеология. СПб.: Политехника, 2001.

УДК 159.9

В.В. Корнев

**Влюбленность во власть
как когнитивная проблема**

V.V. Kornev

Love the power as a cognitive problem

Аннотация. Новая идеология переходит от языка угроз к языку соблазна. Субъект новой идеологии принимает господствующие ценности с необычайным энтузиазмом и самоотдачей. Сегодня слово «самореализация» — типичный идеологический эвфемизм, результат уничтожения

альтернативной и личной фантазии в угоду групповым и поточным фантазмам. Захватченность мышления чужой фантазией — главный механизм идеологического диктата.

Ключевые слова: власть, идеология, фантазия, цинизм, самореализация, насилие, желание, политика.

Abstract. The new ideology shifts from a language of threats to the language of temptation. The subject of a new ideology takes the dominant values with extraordinary enthusiasm and dedication. Today, the word “self-realization” is a typical ideological euphemism, the result is the destruction of alternative and personal imagination. Absorption thinking someone else’s fantasy — the main mechanism of ideological diktat.

Key words: power, ideology, imagination, cynicism, self realization, violence, desire, politics.

Сегодня проблема критического анализа господствующей идеологии приобретает значение личного вызова. Можно сказать даже, что у этого вызова есть моральное и когнитивное содержание.

Во-первых, утвердившийся окончательно, по выражению Питера Слотердайка «универсальный диффузный цинизм» [6] больше не считает необходимым как-то скрывать аморальную сторону власти. После «Уотергейта», «Ирангейта» и «Моникагейта», в итоге бесконечных (само)разоблачений — коррупционных скандалов, субподрядов на пытки, похищения и убийства, альянса с мафией и корпорациями, наглых откровений политиков (дескать, «такова природа любой власти», «коррупция — это вид социальных отношений») — словом, после полного морального стриптиза господствующей идеологии, само ее существование становится вызовом обществу. Трудно считать такое положение вещей нормальным, глупо объяснять его извращенным псевдогегелевским принципом реальности: мол, если это существует, значит в силу какой-то необходимости. Нет, правильное диалектическое понимание гегелевской максимы «всё действительное — разумно», состоит в том, чтобы преобразовать по уму недолжное и тупое наличное бытие.

По-прежнему актуальным моральным правилом в отношении к институту господства можно считать принцип Мишеля Фуко (в предисловии к «Анти-Эдипу» Ж. Делёза и Ф. Гваттари) «Не влюбляйтесь во власть!». С точки зрения Фуко, фашизм — это и есть влюбленность во власть, зачарованность ее фантазмами, потребность «желать именно то, что господствует над нами и эксплуатирует нас» [2].

Во-вторых, стремительно мутирующая идеология обесценивает наш интеллектуальный багаж. Новейшие мозговые паразиты плохо отслеживаются и обезвреживаются в аналитических лабораториях. Обыкновенно критики идеологии отстреливаются по совершенно неактуальным мишеням, используя вдобавок морально устаревшее оружие. Придворные «эксперты», «независимые критики» и обычные любители поспорить дружно используют самые архаичные приемы политического мышления. Отсюда и происходят казусы, как в нашумевшей интернет-дискуссии Навального и Стрелкова: правый воцерковленный монархист оперирует марксистскими «базисом» и «надстройкой», в то время как либерал-западник называет себя истинным националистом.

Шизофренический круговорот «свободной» информации в замкнутых политических сообществах — эдакий Диснейленд за колючей проволокой — это метафора современной жизни, где технологии стремительно развиваются (и ускоряют процессы социально-символического обмена), тогда как осознание происходящего пробуксовывает или деградирует. Между тем динамика разгоняющихся информационных потоков требует корректного считывания и раскодирования усилиями множества гуманитарных операторов, объясняющих смыслы и функции вещей и знаков.

Это напоминает гонку потребительских товаров и услуг, обгоняющую умственные способности обывателя и делающую обязательной фигуру посредника-консультанта — без него разобраться в качествах и количестве продуктов просто невозможно. В итоге потребитель становится легкой жертвой менеджера или продавца, объектом манипуляции. Сегодня предложение полностью определяет спрос. Наши «потребности» производятся машиной социальной инженерии. Фабрика желаний, конвейер грез, комбинат потребностей эксплуатируют наше коллективное воображение. В «универсуме воспроизводящих желаний машин» [2] все мы к чему-то подключены, куда-то вечно опаздываем, чего-то нам хронически не хватает. Но конкретизировать это «что-то» самостоятельно мы не в состоянии — только с помощью благожелательных консультантов и всезнающих блоггеров.

В противовес циничному использованию нашего мышления втемную, в качестве приёмника внешней закодированной информации, работа критической теории должна заключаться в дезавуировании, декодировании символических потоков. Критик доминирующей идеологии — это анти-продавец и анти-консультант, демотирующий нас

в отношении запрограммированной покупки, особенно, если это покупка с политической нагрузкой.

Частным выражением такой критической позиции будет расколдовывающий анализ отдельных явлений — как в «Мифологиях» Ролана Барта, с его произвольным выбором буржуазных фетишей (от пеномоющих средств до детских игрушек) [1]. В идеале же это приведет к полному «когнитивному картографированию» социальной реальности, имеющему своей задачей не просто альтернативное описание вещей, но и детальную архитектуру будущего — репрезентацию и картирование «глобальной социальной тотальности», [3] по выражению Фредрика Джеймисона.

Еще одна проблема состоит в том, что сегодня мы имеем дело с мутацией идеологии, с извращением, против которого бессилён рекомендованный антидот — красные таблетки истины от Маркса, Бодрийера или Альтюссера. Гибриднему вирусу в идеале должна противостоять гибридная критическая теория (как это уже было с удачным синтезом фрейдизма и марксизма). Но пока, преодолев склоки и взаимные подозрения, гуманитарии хотя бы двух соседних направлений объединят усилия, система произведет новые ментальные инфекции. И в амальгаме модных идеологических извращений найдется место даже «критическим» элементам: антибуржуазному пафосу, контркультурному протесту, безвредным карикатурам на отдельных представителей власти — словом, «бунту без причины», без цели и мотива.

Вспомним, как часто в киномейнстриме мы встречаем негативные персонификации властной иерархии (обычно это «плохой» вице-президент при «хорошем» президенте), корпоративного капитала или бюрократии. Понятно, что идеологическим довеском к «критике» выступает торжествующий в финале «позитив» — в лице неподкупного чиновника, честного копа, социально ответственного капиталиста и т. п. Ясно также, что «самокритика» власти производит обезоруживающий эффект на ее оппонентов. Как в гоголевском «Ревизоре», система «сама себя высекает», раньше критиков в пух и прах раскритиковала.

В книге «Чума фантазий» Славой Жижек называет такое ироническое дистанцирование (например, в ритуалах высмеивания начальства или корпоративных правил подчиненными) и «критическое отношение» условием особенно прочной связи субъекта с кормящей идеологией. Ведь если отождествление с функцией социального винтика губительно

для сознания, то возможность выходить из роли, смеяться над своим положением сохраняет рассудок и закрепляет статус-кво.

Идеологическая идентификация оказывает наибольшее влияние на нас, именно когда мы полностью осознаем, что мы не идентичны с ней, что «под маской» скрывается человеческая сущность с богатым внутренним миром: «не всё есть идеология, под этой идеологической маской я — тоже живой человек»; это именно та самая форма идеологии, которая наиболее «эффективна на практике».

Так разыгрывается тотальный спектакль политической симуляции: жертвы эксплуатации выступают за привилегии власти, бюрократы борются с коррупцией, чиновники изобличают несправедливость общественного устройства... Всё это уже не удивляет в театре идеологических метаморфоз, в мизансцене саморазоблачений власти. Иницилирующая скандалы и удары по собственной репутации, система лишь усиливает эффект морального превосходства над политическими противниками — не такими «свободными», недостаточно ироничными, «косными», «реакционными», «тоталитарными».

Однако тоталитарной следует считать именно эту претензию на статус наиболее вменяемой и самокритичной организации власти — т. е. «лучшей из худших» идеологий. В карнавале взаимной обструкции, царящей на подмостках политического театра, так и хочется солидаризироваться с мнением записного циника, последовательного критика не отдельного социального порядка, а власти вообще — но это и означает влюбиться во власть. Именно в жесте постмодернистского иронического отстранения от всегда дурно пахнущей политической кухни и проявляется близость к правящей идеологии.

Тоталитаризм самоиронии разъедает не предмет критики, а сам институт независимой экспертизы. В современных киносюжетах враг системы — это обычно маргинальный параноик, автор бредовых фантазий о всемирном заговоре или вторжении инопланетян. В социальных сетях теории заговора (популярно объясняющие как тайну убийства Кеннеди, так и основные законы «геополитики») активно вытесняют и профанируют теории здорового человека. Как выразился Джеймисон, заговор — это критическая теория для бедных.

Заговор — когнитивное картографирование бедного человека в эпоху постмодерна, вырожденный формообраз тотальной логики позднего капитала, отчаянная попытка репрезентировать систему последнего,

неудача которой засвидетельствована ее соскальзыванием исключительно к теме и содержанию [3].

Впрочем, не бывает дыма без огня — власть безнадзорных монополий, существование секретных пенитенциарных учреждений, экологический кризис и другие любимые темы теорий заговора — маркируют настоящие социальные проблемы. Фигура Хозяина всех секретных ключей или образ анонимного Теневого кабинета — это, без сомнения, продукты компенсирующей коллективной фантазии.

Итак, если принцип морального отношения к идеологии — «не влюбляйтесь во власть!», то принцип интеллектуальной независимости от власти можно сформулировать так: «не мыслите, как власть!». Не формулируйте важную проблему в категориях господствующего дискурса, не принимайте правил ведения дискуссии (особенно в формате забалтывающих любой серьезный вопрос ток-шоу)! «Не мыслить, как власть» означает не только не занимать места на любой из сторон телевизионной баррикады, но отвергать саму разметку социального пространства, структуру социальных ролей, господствующие слова-вирусы и понятия-паразиты.

На этом этапе проблему расколдовывания господствующей идеологии можно понимать как проблему создания гибридной технологии, эффективно выявляющей и препарирующей молекулярные частицы общественного сознания. В духе известного докинзовского описания биологических процессов, можно представить себе «социальный бульон», в котором плавают микроскопические ментальные единицы. Главная функция элементарных частиц — генов или мемов — бесконечное репродуцирование. Зачем, например, болтливые подружки постоянно употребляют слова: «короче», «я такая», «типа», «как бы», «блин» и другие речевые паразиты? В данном случае не субъект держит речь, а речь держит субъекта. Зараженный чужой лексикой человек просто становится формой жизни для частицы-паразита. Субъект — машина для репликации культурного гена. Таким же точно образом умножаются в сети целые фразы, фото и видеоматериалы, анекдоты, демотиваторы и т. п. Часто, механически выставляя «лайк» и делая репост, мы даже не удосуживаемся прочитать и осмыслить материал.

Из слов-паразитов, модных выражений, фиксированных значений и других структурных элементов собираются целые «машины выживания» — в нашем случае идеологические фенотипы. Идеологические

образования программируют поведение переносящих эти частицы субъектов — понятно, что «африканская грамматика» [1] политического официоза (тарабарщины и оксюморонов во фразеологии СМИ, где война становится «замирением», «зачисткой», «гуманитарной интервенцией» или «освобождением») управляет когнитивными процессами и эмоциональными реакциями. Ген идеологии стопроцентно эгоистичен — он безразличен к носителю, среде или виду дискурса. В научном или повседневном употреблении он работает только на самое себя, на бесконечное усиление и рост идеологической парадигмы. Парадокс с «научным марксизмом» времен позднего брежневского социализма был как раз в том, что найти публикацию (по любой области знания, даже по животноводству) без ссылок на Ленина, Маркса, Энгельса было нельзя, в то время как отыскать настоящего убежденного марксиста не представлялось возможным.

Таким же точно образом сегодня идеология рынка и свободной конкуренции бесконечно реплицируется всеми формами информационных носителей (включая, кстати, и книгу «Эгоистичный ген» Докинза, в которой аналогии между законами биологии и социальными процессами слишком очевидны: мир генов — это, разумеется, «мир жестокой конкуренции, безжалостной эксплуатации и обмана» [4]). Но самый лучший переносчик идеологических частиц — это, конечно же, сам человек.

Как говорил Маркс, власть над нами мы носим в наших собственных карманах. И это не только деньги, которые диалектически имеют и используют нас. Это, например, мобильный телефон — лучшее средство контроля со стороны работодателя, банка, фискальных и полицейских служб, навязчивых родственников и т.п. Это электронные карты магазинов и клубов — документы нашего потребительского гражданства и знаки лояльности в отношении конкретных брендов и всей политэкономической Матрицы. Это брелок с сигнализацией от личного автомобиля — по Бодрийяру «верховного означающего» товарно-символического обмена, предмета прибавочной гордости и престижного потребления, сигнализирующий о нашем месте в социальной иерархии. Это ключи от дома, которые нередко оказываются еще и ключами от многолетних ипотечных обязательств или других форм современного финансового рабства.

Конечно, сегодня мы тоже можем найти какие-то места особой идеологической силы, центростремительные движения политэкономиче-

ских частиц, объединяемых глобальными брендами, рекламными императивами, глянцевыми обложками, престижными модельными подиумами. Но главный вопрос в том, являемся ли мы получателями или производителями желания «похудеть к лету», «купить новый айфон» или, что важнее, «самореализоваться», «сделать себя», «построить карьеру»? Какова доля самообмана в системе тотального обмана граждан со стороны любой власти? Насколько глубок и искренен конформизм человека, подсевшего на кредиты и рекламные стимуляторы, почтывающего в метро вредную макулатуру, вроде Карнеги или Айн Рэнд, снимающего плохое настроение шоппингом, голосующего за «стабильность» и «прогресс»? Каков на поверку энтузиазм рядовых проводников доминирующей идеологии? Не является ли его обратной стороной беспричинная депрессия, синдром потери жизненной цели, ощущение фундаментальной бесполезности стратегии «умей вертеться»?

Литература:

1. *Барт Р.* Мифологии. М.: Изд-во имени Сабашниковых, 2004.
2. *Делёз Ж., Гваттари Ф.* Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория, 2007.
3. *Джеймисон Ф.* Марксизм и интерпретации культуры. Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2014.
4. *Докинз Р.* Эгоистичный ген. М.: АСТ; CORPUS, 2015.
5. *Жижек С.* Чума фантазий. Харьков: Гуманитарный центр, 2014.
6. *Слотердаик П.* Критика цинического разума. Екатеринбург: У-Фактория, М.: АСТ, 2009.

**Правонарушения и преступления
несовершеннолетних учащихся образовательных
учреждений в контексте стиля жизни**

A. Malchenkova

**Offenses and crimes of educational institutions' minor
students in the life style context**

Аннотация. Статья посвящена проблеме правонарушений и преступлений несовершеннолетних учащихся образовательных учреждений в контексте стиля жизни. Используются данные социологического исследования сознания и поведения школьников образовательных учреждений, которое было проведено в ноябре 2016 г.

Ключевые слова: преступление, правонарушение, социализация, стиль жизни, интересы.

Abstract. The article is devoted to the problem of learning the values of life and culture among underage students. It's based on sociological research of consciousness and behavior of educational institutions' students, which was held in November, 2016.

Key words: crime, offense, socialization, lifestyle, interests.

Изменение ценностных ориентаций, происходящих в обществе, и, как следствие, психологическая дезадаптация, которая проявляется в широком спектре отклоняющегося поведения подрастающего поколения (бродяжничество, детский алкоголизм и наркомания, нарушения норм морали, неправомерные действия), негативно сказывается на процессе обучения и социализации школьников.

Подрастающее поколение в настоящее время является одной из наиболее социально и психологически незащищенных категорий населения. Многие школьники находятся в стрессовом, раздражительном и апатичном состоянии. Они практически не ограждены от пагубного влияния криминогенной среды, а нередко вынуждены проживать в семьях, ведущих аморальный образ жизни.

Ослабление роли семьи, ухудшение социально-психологической атмосферы в школе приводят к утрате общественных ценностей, интереса к знаниям и к созидательному производительному труду. Большинство школьников, не имея четких нравственных ориентиров, все чаще отдают предпочтение легким заработкам, бездуховному времяпрепровождению, погоне за удовольствиями, исповедуют культ «успеха» в ложном его понимании. Деформируется их духовное развитие, они испытывают значительные физические и нервные перегрузки, легко поддаются влиянию криминальной среды. Причиной многих преступлений является материальный фактор. В школах отсутствуют условия приобщения учащихся к оплачиваемому производительному труду. Поэтому рынок, торговая точка, автозаправочная станция, сомнительные учреждения и т. д. — реальный спасательный круг в море материальных проблем школьников. Наряду с нормальными, позитивными обстоятельствами они сталкиваются с унижительной деятельностью, с криминальными структурами, вследствие чего подростковая среда становится опасной криминогенной зоной.

Мониторинговое исследование по выявлению причин и условий совершения учащимися преступлений и правонарушений проводилось кафедрой социально-педагогического образования СПб АППО, совместно с городским методическим объединением социальных педагогов в ноябре 2016 г. В качестве консультанта по методологическим вопросам выступил автор статьи.

В рамках исследования были выявлены социальные проблемы, которые являются наиболее актуальными для обследуемых групп подростков, и которые, по их мнению, могут способствовать возникновению преступлений и правонарушений среди несовершеннолетних.

В результате исследования 2016 г. к наиболее актуальным социальным проблемам на личностном уровне в группе подростков приоритетными оказались: экономическая нестабильность, война и угроза войны (34–42% опрошенных), что отражает современную ситуацию на фоне углубляющегося экономического кризиса и конфликтной политической обстановки на мировом уровне. На втором месте в этой группе оказались: бедность, алкоголизм, упадок культуры, безработица, агрессивность и насилие (30–32% опрошенных). По сравнению с 2012 годом наиболее актуальные проблемы на личностном уровне, указываемые несовершеннолетними, изменили вектор. В 2012 г. наиболее актуаль-

ные проблемы на личностном уровне несовершеннолетние подростки связывали в основном с притоком иностранцев, беженцев; агрессивностью и насилием; наркоманией и алкоголизмом (35–40% опрошенных). Согласно опросу 2016 г. проблемы притока иностранцев и беженцев, а также наркомании снизили свою актуальность (28/25% опрошенных). Между тем, проблемы агрессивности и насилия всё еще занимают высокие позиции в рейтинге актуальных проблем для несовершеннолетних подростков с тенденцией к снижению (30% опрошенных).

Следует отметить некоторую динамику во мнении несовершеннолетних подростков образовательных учреждений относительно причин, приводящих к нарушению закона несовершеннолетними. Если в 2012 г. основные факторы, по мнению подростков, лежали в поле конфликтности семьи и экономических проблем, то в 2016 г. акцент делается на конфликтность семьи, психопатологические состояния и личностные расстройства несовершеннолетнего. Очевидно, что в качестве ряда мер, предупреждающих противоправные действия со стороны образовательных учреждений, следует усилить систему психодиагностики учащихся, направленную на выявление ранних признаков патологий.

Особо следует отметить мнение подростков, которые уже совершили преступление или правонарушение в 2016 г.: 2/3 опрошенных несовершеннолетних указывают на отсутствие какой-либо причины либо затрудняются с ответом на этот вопрос (сохраняющаяся тенденция по сравнению с 2012 годом). Осмысление причин правонарушений вызывает несомненные трудности у несовершеннолетних, совершивших незаконное деяние, в аспекте указания непосредственной причины. Между тем, выявляя социальные факторы, определяющие «группы риска», мы, несомненно, опираемся на понятие «стиль жизни», которое разработано в социологии и содержательно обозначает совокупность устойчиво воспроизводимых образцов поведения. В более общей форме аспект стиля жизни становится важной частью теорий индивидуализированного общества, исходящих из утверждения, что в современных условиях развитых стран поведение людей в большей мере определяется их склонностями, а не фактором социального неравенства. Придается в частности значение влиянию на индивида его потребительских стандартов, отношения к религии, политике, здоровью, его ценностных ориентаций. И именно концептуализация стилей жизни позволяет не ограничивать

ся макросоциальными факторами и более основательно связывать действия и мышление людей с многообразием факторов, характерных для индивидуализированного общества. Учитывая радикальные изменения в социальной среде, утверждение самореференции личности в ситуации неопределенности, распространение экспертного знания в сфере повседневности и ряд других факторов, американский социолог Гидденс утверждает о переходе от «политики эмансипации» к «жизненной политике», иначе говоря, от борьбы за воплощение в жизнь идеалов свободы, равенства, справедливости к выбору жизненного стиля на основе ответа на вопрос о том, как следует жить. В целом важно, что «жизненная политика», по Гидденсу, выводит в центр проблематики жизненного стиля нравственную доминанту [1]. Под нравственностью и моралью понимают принципы, ценности, нормы, определяющие человеческое поведение. Этикой же называют как сами эти принципы (например, «педагогическая этика»), так и науку о них, т. е. науку о морали (нравственности). Дифференциация в обществе строится на различии социальных практик. Социальные практики образуют непрерывное воспроизводство социального действия, итогом чего становится производство структур, правил, ресурсов (стили жизни).

Итак, выявляя социальные факторы, определяющие «группы риска», мы, несомненно, опираемся на понятие «стиль жизни». Исследование 2016 г. в значительной степени позволило определить стиль жизни подростков, совершивших правонарушение/преступление. Согласно опросу несовершеннолетних правонарушителей 2016 г., их стиль жизни обуславливается рядом факторов. Большинство подростков, совершивших правонарушение, имеют достаточно свободного времени для разнообразных дел, при этом наличие свободного времени свидетельствует о возможности вовлечения подростков в различные системы взаимодействия, диктующие различные способы социализации, как в рамках девиантного поведения, так и конформного — систему дополнительного образования и пр. Согласно результатам исследования, можно сделать вывод, что в группе правонарушителей фиксируется ряд факторов, отличающих их от подростков с социально одобряемым поведением, а именно: на 10% меньшее количество опрошенных указали на добропорядочность и законопослушность родителей, на 13% меньшее опрошенных указали на наличие отдельного жилья, в два раза большее количество опрошенных указали на наличие более, чем одного ребенка в се-

мье, значение авторитета со стороны окружения для правонарушителей меньше на 20%. Вызывает интерес тот факт, что в группе опрошенных нарушителей фиксируется значительно больший процент несовершеннолетних, указывающих на приобщение к труду со стороны родителей; если в обычной группе несовершеннолетних это каждый третий опрошенный, то в группе правонарушителей — более половины. Этот факт требует дополнительных исследований, но можно предположить, что факторы мотивации несовершеннолетних к домашнему труду имеют значение с точки зрения внутриличностной оценки; воспринимается ли домашний труд конформно или связан с комплексом психотравмирующих обстоятельств. Имеет ли место «страх», как мотив к домашнему труду. Какие формы мотивации являются наиболее предпочтительными со стороны родителей. Существуют ли формы поощрения домашнего труда несовершеннолетнего, какие?

Девяносто процентов подростков (в том числе подростков, совершивших правонарушение) посещали когда-либо занятия в объединениях дополнительного образования, до 20% детей, занимавшихся ранее, отказываются от занятий дополнительным образованием, лидирующие позиции отказа занимает потеря интереса — каждый третий опрошенный (в том числе подростки, совершивших правонарушение). Определяя интерес, как окрашенное положительной эмоцией внимание к предмету или явлению, который(-ое) служит средством реализации потребностей человека, следует отметить, что интересы несовершеннолетних уже не лежат в поле арт-педагогики, оздоровительной физкультуры, что в большей степени работает в группе младших школьников и дошкольников. Время молодежных субкультур и направлений музыки далеко ушло от культуры походов и песен под гитару. Информационное общество формирует свой спектр ценностей и средств в целом. Техническая оснащенность образовательных учреждений при реализации дополнительного образования не соответствует запросам современных старшеклассников. Конечно, можно говорить об интеллектуальной возможности создания новых проектов модернизации системы дополнительного образования, но открытым остается вопрос материального ресурса. Между тем отсутствие ресурсов является одной из причин дисфункции социальных институтов. И вопрос стоит уже по-другому: оставлять систему дополнительного образования в том виде, в котором она существует, а значит не отвечающей запросам современного молодого человека, и в этом случае

она может носить только принудительный характер, или приводить ее в состояние соответствия современным тенденциям. И если вообще возможно говорить о принудительном характере привлечения несовершеннолетних, то на каких основаниях?

В этих условиях совершенно по-новому перед обществом и государственными органами предстают проблемы преступности несовершеннолетних, важнейшей из которых является профилактика правонарушений и преступлений среди школьников.

Примечание:

1. *Giddens A. Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age.* Stanford, CA.: Stanford Univ. Press, 1991. P. 186.

УДК 327.8

М.А. Решетникова

Особенности цифровой дипломатии России и Финляндии: сравнительный анализ

М.А. Reshetnikova

Features of Digital Diplomacy of Russia and Finland: comparative analysis

Аннотация. В статье производится сравнение ведения интернет-деятельности посольств, консульств и культурных центров России в Финляндии и Финляндии в России, анализируется наполнение официальных сайтов и страниц в социальных сетях. Автор приходит к выводу, что в своей цифровой дипломатии и Россия, и Финляндия делают ставку именно на продвижение информации в социальных сетях, нежели на качественное развитие официальных сайтов. Россия делает основной упор на освещение внутренней и внешней политики страны, в то время как деятельность Финляндии в данной сфере нацелена на создание образа привлекательного государства с точки зрения экономического, экологического, культурного и туристического развития.

Ключевые слова: Российская Федерация, Финляндия, внешняя политика, публичная дипломатия, цифровая дипломатия.

Abstract. The article compares the Internet activity of diplomatic and cultural missions of Russia in Finland and Finland in Russia. The author analyzes contents of their official web-sites and communities in social networks and comes to conclusions that both Russia and Finland stake on promotion of information about the states in the social networks rather through their web-sites. While Russia focuses on covering of its domestic and foreign policies, Finland's activities in this field are aimed at creation of the image of an attractive state succeeded in economic, environmental, cultural and touristic development.

Key words: Russia, Finland, public diplomacy, digital diplomacy, foreign policy.

Российская Федерация и Финляндия в своей внешнеполитической цифровой деятельности используют два основных канала распространения информации: сайты дипломатических представительств и их сообщества социальных сетях. Официальные веб-сайты Посольства России в Финляндии [1] и представительств Финляндии в России [2] имеют довольно много общих черт. В частности этим сайтам присуща схожая структура, оба сайта переведены на язык страны, в которой они расположены, но в тоже время несколько больше информации представлено на государственном языке страны. В то же время шведская версия финского сайта значительным образом отличается в худшую сторону как по количеству, так и по качеству информации, а российские сайты представительств полностью игнорируют второй государственный язык Финляндии. Здесь можно также отметить общий недостаток сайтов, выраженный в наличии пустующих или устаревших разделов. Плюсом российского сайта, по сравнению с финским, является более широкое и актуальное освещение общей информации о стране, истории и актуальных направлениях двухсторонних отношениях между Россией и Финляндией, а также наличие информации для соотечественников. В качестве преимущества финского сайта по сравнению с российским можно отметить более доступную информацию о таких консульских вопросах на русском языке, как получение гражданства и паспорта, разрешения на работу и т. д., что отсутствует на сайте посольства России на финском языке, а также размещение календаря мероприятий, где можно найти ближайшие события по всей России, организуемые или поддерживаемые финскими представительствами. На сайте российского Посольства

не размещена информация о возможностях изучения русского языка в Финляндии, отсутствует или не актуализирована информация о туризме и получении образования в России. В то же время информация имиджевого характера о стране представлена несколько лучше на финском сайте на русском языке, где с главной страницы можно получить доступ на информационный портал о стране «Это Финляндия» и скачать брошюру «Моя Финляндия». Ссылки на главный туристический сайт, а также сайты отдельных финских городов также можно найти на сайте, однако они расположены довольно незаметно в рамках некоторых разделов.

Что касается новостного освещения, и российский, и финский сайт размещают информацию довольно выборочно, о чем свидетельствует небольшое количество новостей за последние два года. Посольство России публикует исключительно новости политического характера, в то время как на сайте Посольства и Генерального консульства Финляндии можно также встретить новости общества и культуры со ссылкой на уже упоминаемый сайт «Это Финляндия». Другие сайты российских представительств в гораздо меньшей степени ориентированы на получение информации о стране, ввиду их ведения на государственном языке России и отсутствия или наличия ограниченного количества информации, представленной на финском языке.

Преимущество русскому языку при размещении информации на сайте отдается также и Российским центром науки и культуры в Хельсинки [3], о чем свидетельствует как количество опубликованных новостей и анонсов, так и более подробное описание деятельности и других разделов на русском языке по отношению к финскому. Противоположностью российскому РЦНК в плане освещения деятельности является Институт Финляндии в Санкт-Петербурге [4], не только дублирующий все содержание сайта на два языка — от содержания разделов до анонсов событий, но и даже отдавая в некоторых случаях приоритет русскому языку.

Значительным образом отличается также информационная деятельность представительств России и Финляндии в социальных сетях. Как и в случае с официальным сайтом, консульство России в Турку не проявляет значительной активности на своей странице на “Facebook” и в “Twitter”, выкладывая информацию в основном на русском языке. Российское Посольство в большей степени вовлечено в современный формат публикации информации, о чем свидетельствует как количество публикаций за последнее два года, так и количество подписчиков.

Несмотря на недостаток баланса в публикациях на русском и финском языках (отсутствует перевод отдельных новостей на финский, или же нет пояснения к новости на финском языке для русскоязычной аудитории), в целом российское дипломатическое представительство стремится осуществлять свою деятельность на обоих языках. Подавляющее большинство новостей посвящено актуальным новостям о двухсторонних отношениях между Россией и Финляндией, где значительная часть публикаций отведена политическим вопросам и контактам. Ряд публикаций направлен исключительно на соотечественников и туристов, приезжающих из России в Финляндию. Разделение информации, освещающей национальные особенности страны, а, следовательно, влияющей на ее восприятие иностранной общественностью, показало значительное превалирование группы правительственного измерения, а следующая по числу группа, куда вошли публикации о российской культуре, имеет в четыре раза меньше новостей. В еще меньшей степени освещается информация о туризме и людях, а наименьшее внимание уделяется новостям о науке, экспорте, общем развитии страны и возможностях для жизни в ней.

Финские представительства также на своих страницах в социальных сетях отдают первостепенный приоритет двухсторонним отношениям, однако здесь превалирует информация именно о культурных связях между Россией и Финляндией, включая размещение анонсов о финских событиях в России, и иногда российских в Финляндии. В информировании о других сторонах жизни Финляндии Представительства значительно отличаются от своих российских коллег. Русский язык является основным языком всех публикаций, отдельные новости встречаются на английском языке, а на финский дублируются новости, имеющие важное значение для двухсторонних отношений (как, например, встреча глав государства). Публикации на двух языках осуществляются только Генеральным консульством на странице в “Facebook”, а исключительно финноязычный аккаунт находится в ведении отделения Консульства в Петрозаводске. Количество публикаций на “Facebook” и в “Twitter” Посольства и Консульства превалирует над аналогичными постами Посольства России в Хельсинки и Генерального консульства в Турку, как и общее число подписчиков, суммарное количество которых во всех социальных сетях превышает 12 тыс. человек. Основной акцент при публикации новостей о Финляндии делается на продвижении представления

о высокоразвитой стране, где представляются широкие возможности для жизни, учебы и работы, туризма, которая активно продвигает товары на экспорт и уделяет значительное внимание своей культуре и экологической политике. В целом информационному аспекту публичной дипломатии присуще довольно равномерное распределение информации по направлениям освещения особенностей Финляндии. Публикации, направленные на соотечественников, отсутствуют, однако довольно широко размещаются новости о включении Финляндии в число лучших стран мира по версии рейтингов различной направленности в качестве объективного признания успехов страны в той или иной сфере.

Страницы культурных представительств России и Финляндии с трудом могут соревноваться друг с другом, где по всем показателям — от числа публикаций на языке страны, в которой осуществляется деятельность, до количества подписчиков — лидирует именно Институт Финляндии. Дополнительным преимуществом Финляндии, которое обеспечивает как лучшее представительство в информационном пространстве, так и служит основным источником информации для дипломатических представительств в освещении информации о стране, можно назвать наличие главного портала страноведческого характера «Это Финляндия» и туристического сайта «Visit Finland». Хотя наибольшее наполнение сайтов осуществляется на английском языке, анализ продемонстрировал, что русский язык занимает первое место по числу переводов на другие иностранные языки. Отдельно на русскоязычной версии сайта «Это Финляндии» имеется раздел, целенаправленно предназначенный для русских туристов. Страницы данных порталов на русском языке в социальных сетях являются самыми популярными официальными финскими страницами для российских подписчиков, общее число которых превысило 90 тыс. человек.

Финские представительства выступают в качестве сторонников неформального подхода к цифровой дипломатии, что отображается не только в использовании разговорного языка и смайлов, но и публикации забавных новостей из жизни консульства. В ряде публикаций четко просматривается посыл обращения дипломатических представителей именно к простым жителям страны, нежели ее официальным представителям. Особое внимание уделяется хорошим, позитивно окрашенным новостям — как следствие этого был создан даже отдельный сайт «Хорошие новости из Финляндии». Финские представительства в своей

деятельности стремятся обращать внимание не только на события общегосударственного масштаба, но и на случаи из жизни простых людей или даже животных. Российские дипломаты практически не отходят от формального строгого подхода в своей информационной деятельности, и здесь можно упомянуть лишь публикации неофициальных фотографий посольства, сделанных самими сотрудниками.

Помимо указанных выше сайтов, в своей информационной деятельности Финляндия опирается преимущественно на русскоязычную версию сайта “Yle”, а также российские сайты, разделяющие позитивное отношение к стране, как «Фонтанка.fi», в то время как у российских дипломатических представительств после закрытия финской версии сайта “Sputnik” не имеется источника новостей о России на финском языке, подача которых соответствовала бы российскому подходу к вопросам внешней политики.

Подводя итог информационной деятельности российских и финских дипломатических и культурных представительств, можно сделать вывод, что в целом официальные страницы в социальных сетях и российских, и финских посольств и консульств имеют более информативный характер, нежели их сайты, и направлены на более широкую аудиторию заинтересованных сторон, в то время как информация на сайтах носит более узкий и конкретный характер. В то же время информационная деятельность финских представительств в большей степени ориентирована на продвижение всестороннего имиджа государства. Анализ информации, размещенной на страницах Посольства и консульств Финляндии в России, показывает, что финскими представительствами продемонстрировано стремление привлечь внимание российских читателей к Финляндии как к разноплановой стране с широкими возможностями для реализации в разных сферах — от туризма до жизни и ведения бизнеса, уделяющей внимание экологии, культуре и социальному развитию общества. В отношениях с Россией для Финляндии важную роль играет именно практический культурно-экономический обмен, нежели политические контакты. Российские Посольство и консульства, напротив, формируют у читателей представление о России как о стране с богатой внешней политикой и осуществляющей активное взаимодействие с Финляндией именно по политической линии, в то время как российская культура, экономика, туризм, общество и другие стороны жизни государства освещаются гораздо реже. Однако наиболее популярными

для российской аудитории являются не сайты и страницы представительств, а информационно-туристические порталы о Финляндии, которые, в свою очередь, также предоставляют информацию для посольства и консульства.

Примечания:

1. Посольство Российской Федерации в Финляндии. Официальный сайт // URL: <http://helsinki.mid.ru> (дата обращения: 25.10.2017)
2. Представительства Финляндии в России. Официальный сайт // URL: www.finland.org.ru (дата обращения: 25.10.2017).
3. Российский центр науки и культуру в Хельсинки. Официальный сайт // URL: <http://fin.rs.gov.ru/ru> (дата обращения: 25.10.2017).
4. Институт Финляндии. Официальный сайт // URL: <http://instfin.ru/ru/> (дата обращения: 25.10.2017).

УДК 7.011

В.Л. Селивёрстов

**(Не)возможность (не)видеть.
Заметки профессионального дилетанта 2.0**

V.L. Seliverstov

**The (No)opportunity to (no)see.
Remarks professional dilettante 2.0**

Аннотация. Этой статьей автор продолжает знакомить заинтересованного читателя с деятельностью киноклуба в СПбГУТ под руководством преподавателя философии.

Ключевые слова: философия, кинематограф, современное российское кино, символизм языка кино.

Abstract. This article the author continues to introduce interested readers to get acquainted with the activities the film club of SUT the under the guidance of a teacher of philosophy.

Key words: philosophia, cinema, contemporary Russian cinema, the symbolism of the language of cinema.

В прошлом выпуске Вестника (см. № 8. 2016 г.) автор этого текста задавался риторическим вопросом о проблеме поиска нашими отечественными творцами кино общего языка с аудиторией. Очевидно, что массовый зритель всегда ориентируется на нечто беспронигрышное (имя режиссера, тема, описываемое событие и т. п.) и на то, что не будет вызывать трудностей восприятия. Творческая задача авторского кино — диаметрально противоположная. Показать общество и мир, в котором живет человек, с новой точки обозрения, выхватить из потока времени то, что безвозвратно ускользает от невнимательного взгляда.

В рамках проводимого в СПбГУТ киносеминара среди прочего была продолжена традиция просмотра и обсуждения фильмов А. Тарковско-го, П. Лунгина, А. Звягинцева, Э. Кустурицы относительно новыми работами: «Елена» А. Звягинцева (2011), «Монах и бес» (2016) Н. Достаяля, «По млечному пути» (2016) Э. Кустурицы, «Иерей-сан. Исповедь самурая» (2015) Е. Баранова.

Труднее всего обсуждению поддались работы А. Звягинцева (смотрели и обсуждали «Елену»), поскольку никто из участников не желал «входить» в ситуацию главных героев и попробовать найти себя и свое место в их мире. Главная линия этого сюжета была продолжена в фильме «Не-любовь» (2017), который отдельно смотреть и обсуждать не решились. Нет ничего удивительного, что фильмы, «обласканные» жюри европейских кинофестивалей, практически проваливаются в отечественном прокате (как это было с последней работой А. Германа-старшего «Трудно быть богом» (2013)). Причина банальна — никто ничего «нового» для себя в них не увидел и вряд ли получил удовольствие в отвлечении от «пошлой и грубой» действительности повседневного быта.

Напротив, хорошо и активно прошло обсуждение названных выше фильмов Н. Достаяля, Э. Кустурицы и Е. Баранова. Причины, правда, думается, различны, но общая черта та же — именно «такого» поворота жизни человека каждый день не происходит.

Однако это только поверхность, а подлинные причины того, почему фильм может быть назван «удачным» или, наоборот, «слабым», глубже. В нескольких строках обстоятельно их обсудить не получится, поэтому ограничимся небольшим положением касательно выбранного режиссерами киноязыка в разговоре со зрителем и того, что их всех объединяет — религиозный подтекст, легко прочитываемый в каждом сюжете.

Начнем с фильмов Андрея Звягинцева. Сам режиссер неоднократно говорил о том, что несколько утрирует картину повседневной жизни, оставляя ее узнаваемой для каждого зрителя. Цель — вывести зрителя из «зоны комфорта» и показать человека с той стороны, которую каждый «прячет», прежде всего, от себя самого. Елена, главная героиня одноименного фильма, желая поначалу здоровья мужу (который по сюжету оказывается с инфарктом в больнице), по зову памяти (м.б. сердца) приходит в церковь, чтобы помолиться о помощи свыше. Но сцена построена так, что мы видим не сам образ иконы, к которой подходит Елена (в кадре икона праздника Введения во Храм прсв. Богородицы — что уже символично), а ее отражение в стекле, которым икона покрыта. Формально человек приблизился к лику святых, но душа его так и осталась во внешнем мире «по ту сторону» стекла. Далее события развиваются трагически и вполне обыденно. Елена решается на преступление ради своих бестолковых родственников (они показаны самым неприглядным образом: ее сын — великовозрастный бездельник и иждивенец). Никакого раскаяния или осуждения в сюжетной линии не предполагается и о страшном поступке знает только сама Елена. Поначалу она оглядывается по сторонам, нервно прижимая к себе сумку с неправомерно добытыми деньгами покойного мужа, но совесть ее окончательно «замолкает», когда она видит в окно электрички, что непредвиденная остановка поезда связана со сбитой лошастью (на переезде лежит белая лошадь и вокруг суется люди). Еще один религиозный символ — всадник Апокалипсиса, который не в состоянии остановить поезд, а значит, и дальнейшую цепочку, вероятно, негативных событий. Чуда не происходит и все продолжается, как было прежде, только Елена уже может быть той прежней медсестрой, которая девять лет назад выходила своего покойного мужа.

Работы Н. Досталы и Е. Баранова вызвали самый живой интерес и об этом следует сказать подробнее. В обоих сюжетах представлен необычный, несколько гипертрофированный взгляд на действительность российской жизни. В фильме Егора Баранова показана современная провинциальная Россия (где-то под Ярославлем), а работа Николая Досталы отправляет зрителя в недалекое прошлое — российскую глубинку начала XIX в. Оба фильма не столько о российской жизни и «наших» людях, сколько о том, чем на самом деле жив человек вопреки обстоятельствам и тяготам жизни. В первом и втором случаях авторы избрали притчевый язык и фантазмагорию с элементами озорного фарса.

В фильме «Монах и бес» необычность происходящего связана с иноком Иоанном, которого не отпускает от себя сидящий в нем бес. С самого начала зритель настроен видеть происходящее сквозь призму религиозно-го чуда. Напротив, в фильме Баранова «Иерей-сан. Исповедь самурая» на первый план выведена необычность ситуации: в российскую глубинку приезжает поднимать религиозную жизнь не кто-нибудь, а японский священник Русской Православной Церкви, да еще и бывший якудза. Общими стараниями восстановленной им общины деревня отбивается от нападения местных бандитов (в роли главного негодяя — Иван Ох-лобыстин). В кульминационной сцене, когда, казалось бы, спасения от гибели нет, колокол падает на головы захватчиков и добро торжествует.

Совместная работа режиссера Николая Достала и сценариста Юрия Арабова, пожалуй, более замысловатая и потому интересна деталями. Главный герой фильма инок Иоанн — собирательный образ русского монаха прошлых веков. Но что мы в действительности знаем об их жизни, кроме того, что некоторые из них прославились чудотворением? Чем и как они жили на самом деле? Можно ли вполне доверять тому скудному житийному материалу, который до нас дошел? Несомненно, в фильме представлена гротескная версия прочтения таких житий святых, воспринимать которую простодушно «в лоб», пожалуй, не стоит. Примечательно другое: в связи с такой попыткой прочтения религиозного исторического материала вполне закономерен вопрос о том, а как вообще такую литературу воспринимать и что же такое чудо в подлинном смысле?

Почему, вроде бы, относительно свежая работа, прямо адресующая нас к специфике религиозного сознания и чуда, — фильм Андрея Прошкина «Чудо» (2009) — ничего позитивного и светлого нам не дает. Фильм основан на реальных событиях 1955 г., которые спустя десятилетия стали известны не только верующим. Некая девица Зоя, не дождавшись ухажера на вечеринке, схватила с полки икону св. Николая-угодника и стала с ней танцевать. На замечание подруг, что, мол, Бог накарает, она надменно ответила, что никакого Бога нет, а если и есть, то пусть прямо сейчас и накажет. Очевидцев того, как это случилось, история не знает, известно только, что неожиданно Зоя застыла посреди комнаты и никто не мог сдвинуть ее с места 128 дней, до наступления пасхальных праздников. Фильм не прямо следует скудным историческим сведениям — в нем дана некоторая свобода сценария и проч. Однако в итоге показана

какая-то скабрёзная суета, глупость людская и итоговая расплата главной героини за святотатство — ее фактическое безумие. Может ли это быть итоговой целью чудесного вмешательства? Так ли надо воспринимать действие божественных сил в человеческой природе?

В связи с этим заметим, что и в более удачном, на наш взгляд, фильме «Монах и бес» настоятель и окружающие испытывали странное чувство присутствия чего-то потустороннего. На вопрос внезапно посетившего скромную обитель императора Николая Павловича, есть ли в монастыре святые угодники и чудеса какие, настоятель упрямо твердит, что никаких чудес в монастыре нет, а наваждение «бесовское», связанное с новым послушником Иоанном, в его глазах никак не чудо, а соблазн.

По названным сюжетам оказывается, что проявление чего-то сверхъестественного не всегда безобидно, а иногда и просто опасно для человеческого рассудка. Вероятно, у чуда есть две стороны проявления: одна праведникам — к прославлению (материал житий святых), другая — наказание грешникам. Одна сторона — личного непосредственного обращения, не требующая дополнительных подсказок, другая — внешнему миру, а потому иносказательная, скрытая и трудно поддающаяся объяснению.

Человек действительно сложен и никогда не однозначен, как писал Ф.М. Достоевский, но Бог прост, абсолютно и невыразимо прост, как утверждают писатели древней и современной христианской Церкви от св. Василия Великого до св. Николая Сербского. Чудо в подлинно религиозном смысле, как можно предположить, — это немыслимая простота естества, которая человеку кажется сверхъестественной. Возможно ли такое показать в кадре человеку, далекому от нравственных вопросов и необходимости делать выбор между добром и злом? Возможен ли в этом случае универсальный художественный язык в современном кинематографе?

Своего рода иносказательный ответ можно прочесть в самом названии фильма Эмира Кустурицы «Живот је чудо» (2004) (перевели не вполне удачно — «Жизнь как чудо»). Сам Эмир, отвечая на вопросы Захара Прилепина, как-то сказал, что хотел бы добиться от зрителя непосредственности восприятия того, что он делает в кино. Эта «непосредственность», как нам представляется, и есть та «простота сердца», которое способно «Бога узреть», согласно евангельской заповеди. Именно так можно понять эпилог последней работы балканского мастера «По млечному пути» (2016). Главный герой после гибели своей возлюбленной спустя годы становится монахом. В кадре он занимается, вроде бы,

безумным делом — выкладывает то минное поле, на котором она погибла, белыми камнями. Это буквальная цитата из кн. пророка Иезекииля о воскресении мертвых, которые до времени как камни мертвы, а кости их сухи и белы. Так, Э. Кустурица продолжает тему надежды на чудо воскресения всех невинно погибших в безумных балканских войнах.

УДК. 316.354

Т.В. Стрельникова

Самоуправляемая рабочая команда как форма организационного самоуправления

T. Strelnikova

Self-managed working team as a form of organizational self-regulation

Аннотация. В статье рассматривается эволюция и развитие различных форм участия работников в управлении. Автором проводится социологический анализ различных исследовательских позиций. Специфика исследования заключается в использовании междисциплинарного подхода. Организационное самоуправление рассматривается как форма организации социальных отношений, где сотрудники получают право участвовать в процессах принятия решений, а самоуправляемая рабочая команда — как особая форма организации социальных отношений малой группы людей, отличительной характеристикой которой является перемена управленческих и исполнительских функций работниками организации.

Ключевые слова: самоуправляемая рабочая команда, организационное самоуправление, кружки качества, бригада.

Abstract. The article reviews evolution and development of different forms of employees' participation in management. The author makes sociological analysis of various research positions. The use of interdisciplinary approach makes the research specific. Organizational self-regulation is considered as a form of organization of social relations when employees get the right to take part in the process of decision making, and self-regulated work group is a specific form of organization of social relations in a small group of people, particular characteristic of which is changing of management and executive functions by the employees of the organization.

Key words: self-managed working team, organizational self-management, quality circles, brigade.

Развитие концепции организационного самоуправления, в частности новой современной концепции самоуправляемых рабочих команд, имеет под собой причинно-следственные и исторические корни. А само понятие самоуправления связано с понятием самоорганизации и автономии касательно внутренних дел, а также с тем, что подобная структура обладает потенциалом для оперативного и самостоятельного принятия совместных решений, относительно выбора способа решения возникающих проблем. Соответственно, «управление» и «самоуправление» интегрируются в одно единое целое. Организационное самоуправление изучается в экономической, управленческой, социологической и психологической науках. Интерес ученых к проблеме самоуправления в организации обусловлен тем, что система организационного самоуправления требует научного понимания и объяснения, с одной стороны, и существующими особенностями внедрения и становления современных форм организационного самоуправления, с другой. Что же понимается под термином «самоуправление»?

Экономический взгляд предусматривает некий способ управления, при котором функции управления осуществляет само предприятие, социологический взгляд предусматривает самоуправление как участие всех в процессе выработки общих решений, такую форму управления, когда тот, кто разрабатывает программу, и тот, кто ее реализует, совпадают. Для чего затрачивать старания и время на то, чтобы управлять тем, что самостоятельно имеет возможность преобразовывать себя? Н. Винер создал подход, получивший название «кибернетический», и объяснил самоуправляемые системы с позиции понятия «информации», Г. Хакен подчеркнул изюминку понятийного аппарата синергетики — это изучение происходящего «сверху вниз» — от целого к деталям. Неопределенная и постоянно изменяющаяся внутренняя и внешняя среда оказывает огромное влияние на сочетание управления и самоуправления, что в свою очередь способствует появлению различных форм самоуправления. В связи с этим научный интерес состоит в социологическом анализе причин формирования сетевых организационно-управленческих форм и является неким ориентиром для понимания современных тенденций организационного развития. В концепции самонастраиваю-

щихся систем (Р. Акофф, Ф. Каст, Н. Моисеев) эффективность организации определяется степенью децентрализации структуры, ослабленной жесткой иерархией, и умением найти соответствующие механизмы для того, чтобы всячески развивать процессы самоорганизации. Информационные управленческие концепции (Д. Белл, А. Тоффлер, Зб. Бжежинский, А. Турен) способны объяснить современные тенденции социального развития, сопровождающиеся развитием информационных технологий. Горизонтальные связи создают информационные сети. Новые идеи способствовали изменению положений классической школы управления и положили основание концепции самоуправляемых рабочих команд: 1) идея «соучастия» работников в принятии управленческих решений (школа «человеческих отношений», гуманистическое направление в социологии, психологии, менеджменте); 2) идея о том, что организационная структура совершенствуется в зависимости от того, какие требования выдвигает внешняя организационная среда. Новое понимание роли работника в производственной организации укреплялось благодаря развитию идеи «соучастия» работника. Развитие концепции организационного самоуправления продолжилось появлением такой формы, как «малые группы участия работников» или «кружки качества» [1]. Идея о создании кружков контроля качества пришла с Запада вместе с американскими специалистами по прикладной статистике У. Демингом и Дж. Джураном, которые затем были приглашены в Японию и реализовали данный метод работы с учетом менталитета страны, а уже впоследствии они стали известными и распространились по земному шару. Кружки качества представляли собой небольшие группы рабочих — «добровольцев», регулярно проводящих собрания, на которых обсуждались различные предложения по повышению качества продукции и услуг, производительности труда и улучшению его условий, но при этом окончательное решение оставалось за руководством. Участие в кружках качества способствовало появлению у сотрудников чувства влияния на деятельность организации. Среди доказательств эффективности управления с точки зрения японского подхода — результаты в области «гибких производственных систем».

Западная модель управления оформилась в то же время, что и «классическая», с системой массового производства и распределения. В результате этого был создан механизм некоего классового компромисса, работающий в результате строго оформления юридических отноше-

ний среди субъектов рынка труда. Эта модель предусматривает организацию труда, основанную на методах Ф. Тэйлора. Одновременно эта модель предусматривала модель производства «по Форду». А с другой стороны, предусматривалось получение работниками вознаграждения в соответствии с реальной производительностью труда.

Иной пример — это Япония. Здесь долгое время применение производственной потребительской модели сдерживалось рядом факторов. Во-первых, это недостаточность средств, необходимых для серьезных капитальных вложений, и во-вторых, недостаточность объема внутреннего рынка. Тем не менее, под действием этих же факторов главной движущей силой этого развития стало использование человеческих ресурсов. Жесткость и быстрая переменчивость «ситуации» способствовали тому, что современные руководители организаций начали искать пути рационального использования человеческих ресурсов, что в результате привело к становлению патерналистской модели, так называемой «кооперативной» системы трудовых отношений, которые базировались на долговременной основе. В эту систему входили такие известные «японские» признаки: долговременный наем персонала (устранял проблему текучести кадров, снижал уровень напряженности); создание пофирменных профсоюзов; система старшинства; ориентация на потребителя. В основе развития японской системы управления — синтез патерналистской модели отношений и современных инновационных методов. Кружки качества в современной литературе относят к такому типу команд, как команды по решению проблем. Концепция легла в основу следующей формы организационного самоуправления — «бригада результативности», разработчик — Д.С. Синк. В данной форме могли реализовываться управленческие функции, такие как планирование, мотивация, контроль. Производственное самоуправление — это ровесник цивилизации. Известные виды: ремесленные гильдии; университетские сообщества; русские артели. Крестьянские общины характеризовались разделом основного средства производства — земли «по едокам» и солидарной ответственностью. Артели — это «родители» современной формы — самоуправляемых рабочих команд, основными характеристиками которых являются: добровольность участия в общих доходах, общая ответственность, круговая порука. Такие рыбопромышленные «ватаги» существовали в России начиная с XIII в., а в Германии — сельскохозяйственные «банды», состоящие из женщин, во главе с руководителем-мужчиной.

1917 год определяют как год «революции самоуправления». В это время возникало разнообразное количество форм самоуправления. Между этими формами часто возникало соперничество и конфликты. Существовали на предприятии основные две формы: производственное самоуправление — фабрично-заводские комитеты; профессиональное самоуправление — профсоюзы. В экономической литературе особое место отводится производственному самоуправлению. Соперничество являлось следствием пропасти, существовавшей в России между рабочими и образованными классами, интеллигенцией. Доверия у рабочих к людям в профсоюзах не было, а со своей стороны профсоюзные «интеллигентные» лидеры преследовали свои интересы и считали, что рабочие нуждаются в руководстве. В дальнейшем профсоюзы были предназначены для того, чтобы защищать работников, это «форма защиты интересов рабочих» [2]. Что касается концепции производственных бригад, то в современном словаре иностранных слов даются следующие определения производственной бригады: «соединение однотипных военных кораблей под командованием одного флагмана; группа лиц, выполняющая единое производственное задание и несущая общую ответственность за результаты работы» [3]. Характер взаимодействия в ней обусловлен характеристиками технологического процесса и административно-правовыми предписаниями, что отражено в нормативных актах. Все функциональные взаимосвязи регламентированы. Рабочие не имеют возможности внести изменения в структуру этих связей без согласования с руководством. Но члены команды самостоятельно распоряжаются собственным перемещением внутри организации» [4]. Кому с кем разговаривать, решают неформальные социальные сети, а не организационный устав. Поэтому структура такой группы отличается большой гибкостью. Концепция «партиципативного управления» близка к концепции «organization development» — организационного развития. Представляет собой еще одну форму организационного самоуправления, так называемые «партиципаторные организации» [5], основанные на партиципативном управлении (от англ. participation — участие), целью которого является совершенствование использования всего человеческого потенциала организации. Предполагает расширение привлечения работников к управлению по следующим направлениям: право самостоятельного принятия решений; право контроля за качеством и количеством выполненной ими работы; право участия в совместном решении проблем; пра-

во формирования структурных новообразований. В данную оригинальную модель управления заложена идея, что человек имеет некоторую заинтересованность в том, как организована работа, а не просто изолированно выполняет свои функции. Эффективность управления с позиций представителей «школы человеческих отношений» увеличивается за счет того, что управление наполняется демократичными инструментами, что помогает привлечь сотрудников к совместному обсуждению возникающих проблем в организации, при этом они полностью не исключали принцип единоначалия, ставили во главу угла проблему некоего оптимального соотношения того, какова должна быть степень управленческой централизации и децентрализации, а также признавали проблему делегирования управленческих функций в организации. Идея активного участия работников в управлении не принималась всеми.

Дальнейшее становление получили мотивационные методы, основанные на привлечении сотрудников к управлению организацией посредством реализации планов ИСОП (от англ.: ESOP — Employee Stock Ownership Plans: программа передачи акционерной собственности служащим). Подход заключал в себе увеличение числа акционеров организации за счет собственных сотрудников. В США в числе таких компаний «Фастенер Индастриз» в г. Бера (шт. Огайо), где все акции находятся в собственности занятых, имеющих полное право голосовать акциями. Данное право является ключом ко всем дверям. Концепция стимулирования, участия в прибыли может быть применена в обеспечении производительности самоуправляемых рабочих команд. Примером экономической структуры, которая основывается на участии работников в собственности, управлении и доходах, служит система рабочих кооперативов Мондрагона — Испанская федерация кооперативных предприятий «Мондрагон». Возникновение самоуправляемой рабочей команды, которое называют революционным переворотом в менеджменте или «революцией менеджеров», привело к формированию новой организационной парадигмы, связанной с саморазвитием и самообучением, — концепции «самообучающихся организаций». Отличительным признаком такой формы организационного самоуправления, как рабочая команда, является то, что она способна самостоятельно совместно вырабатывать и принимать решения, несет ответственность за принятые решения и самостоятельно их исполняет, а также имеет потенциально высокую способность к саморазвитию, т. е. формируется особая форма организации

социальных отношений. При этом данная модель содержит большие потенциальные возможности для развития, но при этом такое управление имеет свои недостатки, например оно предъявляет высокие требования к работникам, их всесторонней квалификации, в приоритете — социальные навыки, умение людей достигать взаимопонимания. Модель предусматривает большее количество конфликтов, акценты смещаются к выработке общих социальных механизмов координации и эффективных стратегий разрешения конфликтов.

Примечания:

1. Япония 2000: консерватизм и традиционализм. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. С. 158.
2. Семлер Р. Маверик. М.: Добрая книга, 2007. С. 350.
3. Современный словарь иностранных слов: 20 000 слов. 3-е изд., стер. М.: 2000.
4. Томпсон Л. Создание команды. М.: Вершина, 2006.
5. Артемов О.Ю., Овчинников С.А., Овчинникова Н.В. Партиципативная модель менеджмента как эффективная форма привлечения работников к управлению современными организациями // Вестник РГГУ. 2014. № 3 (125). С. 36–46.

УДК 332.1

И.А. Цвериянашвили

К вопросу о реализации Шведской политики устойчивого развития на современном этапе

I.A. Tverianashvili

To the matter on the implementation of the Swedish sustainable development policy at the present stage

Аннотация. В работе рассматриваются различные аспекты реализации Шведской национальной политики устойчивого развития в настоящий момент. На сегодняшний момент Швецию можно назвать одним из самых передовых государств в деле реализации основных принципов устойчиво-

го развития в Европе и мире. Исходя из трехчастной модели устойчивого развития, Швеция добилась больших успехов в социально-экономическом развитии и особенно экологической политике, однако некоторые проблемы остаются нерешенными. Опыт страны в проведении эффективной политики устойчивого развития может быть успешно применен в других государствах, в том числе в России.

Ключевые слова: устойчивое развитие; Швеция; экологическая политика, социально-экономическое развитие, «Доклад Брунтланд».

Abstract. The paper examines various aspects of Sweden's implementation of the national sustainable development policy at the present stage. Now, Sweden is one of the most progressive states in implementing the basic principles of sustainable development in Europe and the world. Based on the three-part model of sustainable development, Sweden has made great strides in socio-economic development and especially environmental policy; however, some problems remain unresolved. The country's experience in implementing an effective sustainable development policy can be successfully applied in other states, including Russia.

Key words: sustainable development; Sweden; environmental policy; socio-economic development, «Brundtland Report».

Концепция устойчивого развития в настоящее время становится важной частью в политике многих стран. Под данным типом развития можно понимать такое, при котором не допускается «...истощения природных ресурсов и, как следствие, уничтожения естественной среды обитания». Андрей Бертонцель также справедливо добавляет, что «устойчивость означает больше чем естественно-природную гармонизацию, ведь это не только охрана окружающей среды... но и более широкое экономическое, общественно-политическое, культурное и экологическое видение [1]. В общепринятом понимании, устойчивое развитие подразумевает рациональное и бережное отношение к окружающей среде и природным ресурсам, хотя и сегодня дебаты вокруг термина продолжаются, пусть и не так активно, как в 1980–90-е гг. [2]. К смыслу понятия за последнее время добавились необходимость борьбы с перепроизводством товаров и ростом масштабов потребления, а также интерес к экологически чистым товарам. Исходя из стратегии устойчивого развития, задача текущего поколения — передать планету будущим жителям Земли не в худшем, а если возможно, то в лучшем состоянии, чем она была. Подобная точка зрения принята в том числе и в современной Швеции.

Начало внедрения политики устойчивого развития традиционно связывают с публикацией доклада ООН «Наше общее будущее» 1987 г.,

который также известен как «доклад Брунтланн». Международная группа экспертов под руководством норвежского политика и общественного деятеля Гру Харлем Брунтланн в своей работе выдвинула ряд принципов, необходимых для дальнейшего стабильного развития человечества: справедливое разделение благ, максимальное использование экологически чистых технологий, следование правилам устойчивого развития территорий и т. д. Эти принципы остаются актуальными спустя 30 лет после публикации. Не все страны, особенно в силу экономической нестабильности, готовы следовать принципам устойчивого развития. Шведский ученый Ларс Лундгрэн замечает, что только с ростом материальной обеспеченности у людей появился интерес к окружающей среде, а пока человек беден, он совершает безответственные, по отношению к окружающей среде, поступки [3]. Португальская исследовательница Оливия Бина добавляет, что «...на фоне неуверенного восстановления мировой экономики, правительства экономически развитых стран, многие международные организации, включая ООН и участников из гражданского сообщества и академических кругов вносят свой вклад в создание “зеленого роста” как способа решения текущего кризиса» [4]. Справедливы эти слова и по отношению к Швеции и ее вкладу в дело устойчивого развития. Еще в середине 1970-х гг., после проведения в Стокгольме конференции по вопросам окружающей человека среды, в стране задумались о проблеме истощения природных ресурсов и не-правильной эксплуатации природной среды.

Основными факторами устойчивого развития являются экономический, социальный и экологический, которые образуют общепринятую триединую (трехчастную) концепцию устойчивого развития. Экономическая составляющая подразумевает оптимальное использование природных ресурсов и использование экологически чистых технологий включая добычу и переработку сырья, создание экологически приемлемой продукции, минимизацию и переработку отходов. Социальная составляющая ориентирована на человека и направлена на сохранение стабильности социальных и культурных систем, в том числе на сокращение числа конфликтов между людьми. Важным аспектом этого подхода является справедливое разделение благ. Также важно сохранение культурного многообразия. Для достижения устойчивости развития современному обществу придется создать более эффективную систему принятия решений, учитывающую исторический опыт и поощряющую

плюрализм. Экологическая составляющая должна обеспечивать целостность биологических и физических природных систем. Особое значение имеет жизнеспособность экосистем, от которых зависит глобальная стабильность всей биосферы. Более того, понятие «природных» систем и ареалов обитания можно понимать широко, включая в них созданную человеком среду, такую как, например, города. Деградация природных ресурсов, загрязнение окружающей среды и утрата биологического разнообразия сокращают способность экологических систем к самовосстановлению. Исходя из традиционного трехчастного понимания устойчивого развития, стоит кратко затронуть социально-экономическую сферу и успехи страны в построении так наз. общества всеобщего благосостояния, впоследствии перейдя к экологической составляющей. Начиная с 1930-х гг. в Швеции выстраивалось общество с высокой занятостью, стабильным доходом населения и равноправием на всех уровнях. Развитый экономический сектор и высокий уровень налогообложения позволяли стране щедро финансировать социальную сферу. На протяжении десятилетий правящая партия социал-демократов претворяла в жизнь политику «народного дома» — общества с взвешенной и спланированной поддержкой всех без исключения граждан. Долгое время в глазах остальной Европы Швеция оставалась примером для подражания, пока в 1990-е гг. стабильная система не дала сбой — государственный сектор начал испытывать проблемы, выросла безработица, стал увеличиваться национальный долг. Ситуация с тех пор выровнялась, о чем, к примеру, может свидетельствовать Индекс человеческого развития за 2016 г. [5], однако устойчивость социальной сферы и экономики в настоящий момент в силу комплекса причин можно подвергнуть сомнению и отметить две главных проблемы.

Во-первых, все более сложными становятся рост и поддержание национального благосостояния. Нестабильная финансово-экономическая ситуация в мире, частичная зависимость от экономики ЕС и сокращение числа работающих граждан вносят элемент нестабильности в планирование шведской экономики. Высокий уровень качества жизни и национальная система здравоохранения повысили среднюю продолжительность жизни граждан, но стране становится тяжелее справляться с возрастающим количеством неработающих граждан пенсионного возраста. Несмотря на реформу пенсионной системы, призывающей трудиться как можно дольше, не все трудоспособное население занято на постоян-

ной работе. Этот тезис подводит нас к другой проблеме — социальной. Часть неработающего населения составляют иммигранты, не интегрированные в шведское общество и экономические взаимоотношения. Проблема адаптации мигрантов и их полноценного участия в жизни страны насчитывает десятки лет, однако нельзя говорить об улучшении ситуации, даже несмотря на созданные условия для адаптации приезжих. Более того, события зимы 2017 г. в Мальмё иллюстрируют, что едва ли ситуация вокруг мигрантов стала лучше и требует проработки и исправления. Затронутые проблемы достойны отдельной дискуссии, однако стоит оставить в стороне вопрос устойчивости социально-экономической сферы и обратиться к экологической составляющей устойчивого развития Швеции на современном этапе.

Будучи инициатором проведения конференции ООН в Стокгольме по проблемам окружающей среды в 1972 г., Швеция до сих пор является локомотивом европейской и мировой экологической политики, чей опыт может быть востребован во многих странах, в том числе и в Российской Федерации. Помимо участия в разработке и выполнении предписаний документов ЕС в области экологической политики, страна обладает самым развитым экологическим законодательством в Европе, объединенным в единый кодекс (швед. Miljöbalk), с четко прописанными санкциями за нарушение законов в области охраны природы. Достигнуты огромные успехи в сокращении выбросов парниковых газов, утилизации и переработке отходов, качестве воды, широко используется биотопливо и введен налог на углеводороды, существует система экологического налогообложения. Более ста лет в стране действует развитая система национальных парков и природоохранных территорий. Повышенное внимание уделяется международному сотрудничеству, особенно в части сохранения экосистемы Балтийского моря. Наконец, правящей коалицией в шведском парламенте является союз социал-демократов и «зеленых», что является уникальным примером для европейской политической истории настоящего времени.

Показателем успешности шведской политики в области устойчивого развития можно считать и выполнение страной целей ООН в области устойчивого развития до 2030 г. Все глобальные цели (такие, как «качественное образование», «чистая вода и санитария») в стране уже достигнуты, и своей задачей Швеция видит поддержку статуса ведущей гуманитарной державы мира, выделяя значительную часть бюджета на

гуманитарную помощь, работу экспертов и поддержку местных проектов в странах третьего или четвертого мира. Интересной особенностью имплементации шведской политики устойчивого развития является и наличие 16 целевых показателей качества окружающей среды. Из отчетов шведских государственных органов следует, что власти страны не удовлетворены темпами выполнения показателей, однако объективная картина состоит в том, что многие европейские страны далеки даже от обсуждения введения подобной системы.

В контексте вышесказанного нельзя не отметить, что уходящий 2017 год был объявлен в России годом экологии. Возможность заимствования зарубежного опыта обсуждалась и ранее, но вопрос получил новый импульс в связи с упомянутым статусом календарного года. Обращая внимание на Швецию, важно помнить, что дело не в только количестве заявленных мероприятий, громких словах и обещаниях, но в образе жизни, мышлении и подходе к той или иной проблеме. В России безусловно наличествует большое количество социально-экономических проблем, и общество не всегда готово обращать внимание на те или иные проблемы экологии или сложности реализации политики устойчивого развития. Шведский опыт не может быть внедрен одномоментно, прежде всего, необходима перестройка общества, в котором должно найтись место общественной экологической дискуссии, заинтересованности местных, региональных и центральных властей, экологическом воспитанию молодого поколения.

Примечания:

1. Устойчивое развитие: экономические, социальные и экологические аспекты / отв. ред. А. Бертонцель. М.: Центр книги Рудомино, 2014. С. 320.

2. *Jordan A.* The governance of sustainable development: taking stock and looking forwards // *Environment and Planning C: Government and Policy*. 2008. 26. P. 17–33.

3. *Wingquist G.* The role of governance for improved environmental outcomes. Perspectives for developing countries and countries in transition. Report 6514. Stockholm: CM Gruppen. 2012. P. 60.

4. *Bina O.* The green economy and sustainable development: an uneasy balance? // *Environment and Planning C: Government and Policy*. 2013. 31. P. 1023–1047.

5. Доклад о человеческом развитии 2016 г. (Резюме) // URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/HDR2016_RU_Overview_Web.pdf (дата обращения: 22.10.2017).

Раздел IV.
К 100-летию событий 1917 г.
в России — революции в мировой истории

УДК 94(485)

А.Б. Гехт

**Революция 1917 года в России в воспоминаниях
Улофа Ашберга «Странствующий еврей
с Гласбрюкsgатан»**

А.В. Gekht

**The Russian Revolution of 1917 in Olof Aschberg's memoirs
“En vandrande jude från Glasbruksgatan”**

Аннотация. Статья посвящена краткому описанию воспоминаний шведского банкира Улофа Ашберга, представленных в его мемуарах «Странствующий еврей с Гласбрюкsgатан», а также рассмотрению его биографии. У. Ашбергу, обладавшему обширными возможностями в мире финансовых операций, довелось принять активное участие в организации первых внешнеэкономических связей большевиков, оказавшихся в фактической международной изоляции на протяжении ряда лет. Ценность данной книги, ранее не переведившейся на русский язык, заключается в описании У. Ашбергом своих связей с руководством партии большевиков (Л.Б. Красин, А.В. Луначарский и др.) накануне и во время Гражданской войны в России, а также в период первых лет НЭП, до 1924 г. Несмотря на ряд недостатков, присущих материалам личного происхождения, книга У. Ашберга является интересным и важным источником по рассматриваемому в ней периоду.

Ключевые слова: Улоф Ашберг, революция 1917 года в России, большевики, Новая Экономическая Политика (НЭП).

Abstract. The paper deals with a brief description of a Sweden's banker Olof Aschberg's memoirs «En vandrande jude från Glasbruksgatan» and his biography. O. Aschberg, who had great relationships, connections and contacts in the financial world, played an important role in organization of the first external economic contacts between the isolated Bolsheviks and the other countries. This book had never been translated into Russian completely though it contains a lot of essential materials. First of all, in his book O. Aschberg described his communication with the Bolsheviks' leaders (like L.B. Krasin and A.V. Lunacharsky) before and during the Civil war in Russia. Also the memoir's author paid his attention to the first years of the New Economic Policy (NEP) till the 1924. Despite the fact of some common for all memoirs disadvantages, O. Aschberg's book is an interesting and important source, touching the considered period.

Key words: Olof Aschberg, the Russian Revolution of 1917, the Bolsheviks, the New Economic Policy (NEP).

Вот уже целое столетие события революции 1917 г. в России вызывают неподдельный интерес у отечественных и зарубежных историков. Бесконечно обширная историография, представленная на самых различных языках, позволяет познакомиться не только с самими событиями, изменившими ход истории как в России, так и во всем мире, но и с эволюцией взглядов исследователей на метаморфозы 1917 г. Естественно, личная вовлеченность огромного числа людей в масштабные исторические процессы того времени привела к появлению массива мемуарной литературы, вполне сопоставимого по масштабу с трудами различных историков. Однако среди воспоминаний современников, принявших непосредственное участие в различных событиях, последовавших за захватом большевиками власти в Петрограде осенью 1917 г., есть книги, в силу разных причин не приобретшие широкую известность в исследовательских кругах. Одной из таких работ является книга шведского банкира Улофа Ашберга «Странствующий еврей с Гласбрюкsgатан», представляющая собой несомненный интерес в связи со столетней годовщиной изложенных в ней событий.

Настоящая статья — один из первых шагов ее автора в работе над изучением биографии «красного банкира» Улофа Ашберга, в какой-то мере вписавшего свое имя в анналы истории активным сотрудничеством с большевиками в самый трудный для них период после провозглашения своего правительства осенью 1917 г. В этой статье не ставится цели подвергнуть воспоминания шведского финансиста ис-

следовательскому анализу, сопоставить приводимые в книге факты и суждения с другими источниками, попытаться определить степень достоверности изложенного материала. Не делается попытка и дать полную исследовательскую оценку деятельности самого Улофа Ашберга, составив его научную биографию. На данном этапе автору этих строк видится более ценным максимально широко популяризировать не только личность этого шведского финансиста, в целом мало известного отечественным историкам, но и привлечь внимание профессиональных скандинавистов к книге воспоминаний Ашберга, попытаться ввести ее в научный оборот как источник, описав его основное содержание.

В первую очередь, мемуары У. Ашберга могут оказаться полезны исследователям, которые изучают события революции в России, периода первых лет нахождения большевиков во главе страны, а также вопросы внешних и, в первую очередь, внешнеэкономических связей большевиков в период с 1917 по 1924 гг. Ранее книга «Странствующий еврей с Гласбрюксгата» не выходила ни на русском, ни, насколько известно автору статьи, на английском языках. Собственно, малая популярность шведского языка среди исследователей — одна из основных причин того, что первая публикация научной работы на русском языке, опирающейся на использование воспоминаний У. Ашберга, относится лишь к началу 1990-х гг. и непосредственно связана с именем отечественного историка Александра Владимировича Островского, много лет проработавшего на кафедре истории и регионоведения СПбГУТ им. проф. М.А. Бонч-Бруевича.

Именно перу А.В. Островского принадлежит статья «Между Россией и Западом. 1914–1924. Из воспоминаний “Красного банкира”» [1], вышедшая в 1993 г. в давно ставшем настоящей библиографической редкостью альманахе «Из глубины времен». А.В. Островский выступил также одним из авторов научного комментария к переведенным фрагментам книги Улофа Ашберга, опубликованным в том же издании. На сегодняшний день это единственная научная работа, посвященная в целом и важнейшим вехам в биографии У. Ашберга, и его деятельности в России, и его взаимодействию как с дореволюционным политическим руководством государства, так и с лидерами большевиков уже после революции 1917 г. в частности.

Собственно, именно Александр Владимирович весной 2014 г. и привлек автора данной статьи (тогда аспиранта первого года обучения

и начинающего молодого преподавателя) к работе над переводом уже всей книги шведского финансиста; планировалось, что А.В. Островский подготовит комплексный научный комментарий к мемуарам банкира. К сожалению, тяжелая болезнь и преждевременный трагический уход ученого из жизни не дали этим планам реализоваться. Поэтому в какой-то мере второй целью данной статьи может служить желание ее автора хотя бы частично воплотить в жизнь планы своего старшего коллеги и донести заинтересованной аудитории информацию о воспоминаниях У. Ашберга как исторического источника.

Рассматриваемая в настоящей статье книга «Странствующий еврей с Гласбрюкsgатан» [2] — первая из трех работ в литературном наследии Улофа Ашберга. Повествование в ней автор начинает с рассказа о своей семье. Его отец, весьма успешный шведский коммерсант еврейского происхождения, был выходцем из Российской империи, также как мать и другие родственники будущего банкира. Получив хорошее домашнее и гимназическое образование (например, одноклассником юного Улофа был Карл Миллес, в будущем всемирно известный скульптор) и сформировавшись в буржуазной среде конца XIX столетия, молодой Ашберг был отправлен отцом в Европу постигать навыки успешной коммерческой деятельности под патронажем знакомых. Поработав на разных должностях в различных фирмах в Гамбурге и Лондоне, а также проведя немало времени в Париже, Ашберг не только свободно освоил основные европейские языки и приобрел необходимую для будущего предпринимателя сноровку, но также обзавелся рядом знакомств как в деловой, так и в артистической, богемной среде основных европейских столиц.

Вернувшись на родину и успешно занявшись коммерцией, У. Ашберг был вынужден с позиции Шведского союза работодателей взаимодействовать с представителями рабочего движения, на рубеже XIX–XX вв. стремительно набиравшего общественно-политический вес в Швеции. На страницах своих воспоминаний финансист писал, что он испытал симпатию к своим партнерам по переговорам со стороны наемных рабочих. Симпатия и переросла в интерес к марксизму, с которым Ашберг познакомился в тот же период и, несмотря на свое буржуазное происхождение, пришел к выводу о верности многих построений этого учения и необходимости развивать контакты с руководством рабочего движения в Швеции. Так на страницах мемуаров появляются

имена Яльмара Брантинга, лидера Социал-демократической партии Швеции, и Хермана Линдквиста, председателя Центральной организации профсоюзов Швеции. Сумев преодолеть первоначальное недоверие с их стороны, У. Ашберг описывает, как он в 1912 г. обратился к предводителям рабочего движения с инициативой создания «Нового банка». Деятельность этого банка должна была быть направлена в первую очередь на улучшение условий жизни рабочего класса. Отметим, что, рассказывая о перипетиях, связанных с основанием «Нового банка», и о своем сотрудничестве с организованным рабочим движением, У. Ашберг не упоминает о наличии у него каких-либо контактов и связей с представителями российских революционных организаций, многократно бывавших в тот период в скандинавских странах.

Примечательны впечатления Ашберга от посещения столицы Российской империи в разгар Первой мировой войны. При сохранении неизменно доброжелательного по отношению к России и русским настроения, шведский финансист как некоторый досадный курьез описывал расцвет бытовой коррупции среди государственных служащих на границе. Банкир не скрывал своего удивления от невиданно высокого уровня трат нажившихся на войне спекулянтов и их партнеров из бюрократической среды, открыто кутивших в дорогих ресторанах в моменты всенародных жертв и усилий, вызванных участием в мировой войне [1].

Интересно и описание взаимодействия Улофа Ашберга с Сергеем Дмитриевичем Сазоновым, занимавшим в то время пост министра иностранных дел: у скандинавского финансиста сложилось впечатление, что у министра совершенно не было предчувствия революции, назревавшей в России. Не замечал глава внешнеполитического ведомства и роста популярности среди населения левых взглядов, что сам Ашберг считал видным невооруженным взглядом даже для человека, не прожившего в Петрограде длительный срок.

В то же время на страницах своих мемуарах банкир рассказал читателям о своем первом содействии в предоставлении российскому правительству займа со стороны ведущих американских банков в 1915 г. Именно к этому периоду относится его первая (согласно самому Ашбергу) встреча с Л.Б. Красиным и установление между ними как деловых, так и дружеских отношений. Однако никаких других сведений о наличии каких-либо связей с революционными политиками радикального

толка, относящихся к этому периоду, Ашберг не приводит. Об установлении своих контактов с руководством партии большевиков он упоминает лишь применительно к весне 1917 г., когда он посетил Петроград и побывал в редакции «Правды».

Вскоре банкир выступил сторонником созыва международной социалистической конференции в Стокгольме и даже был приглашен на нее в качестве экономического консультанта. В своих воспоминаниях Ашберг помещает текст проекта резолюции, разработанной им совместно с Я. Брантингом. Вот ее ключевые тезисы: интернациональная социалистическая конференция обязана объявить себя временным мировым парламентом, возглавить единое мировое руководство; основные направления — самоуправление всех народов во внутренних делах, полная победа демократии, перемирие, всеобщее и полное разоружение, материальное возрождение, создание единой международной системы знаков, денег, мер и весов и т. д. [1] Не будет большим преувеличением заметить, что фактически Улоф Ашберг подготовил один из проектов мировой революции.

Кампания против большевиков летом 1917 г., публикация «документов Сиссона» в 1918 г. не прошли для банкира бесследно (как известно, представленные читателям как подлинные документы, выкраденные из секретных архивов, они рисовали картину тайного сотрудничества между Советским правительством и Германией, а в качестве одного из посредников между ними называли У. Ашберга). А после выступления его на митинге в Швеции (10 февраля 1918 г.) в поддержку Советов, возобновления торговых шведско-российских отношений Новый банк попал в «черные списки» Антанты, а затем и Центральных держав [1]. Самого же финансиста, заявившего на митинге, что «капиталистический строй экономически и морально потерпел крах», посчитали «предателем, утонченным честолюбцем, а то и просто ненормальным» [1]. Весной 1918 г. он продает акции Нового банка и вскоре, при участии Я. Брантинга, создает на свои личные средства новое кредитное учреждение — Шведское экономическое акционерное общество, которое играло в целом ту же роль, что и Новый банк.

Рассуждая об этом периоде, представленном на страницах мемуаров Ашберга, следует отметить, что он не упоминает ни о возможном предоставлении займов левым социал-демократам в Швеции и Финляндии, ни хотя бы о поддержании контактов между ними и руковод-

ством большевиков в России. Отметим, что их наличие предполагал и выдающийся отечественный скандинавист А.С. Кан в своем труде «Домашние большевики. Шведская социал-демократия, большевики и меньшевики в Первую мировую войну и революционные годы 1914–1920.» [3], и некоторые современники У. Ашберга, с которыми он позднее вступал в полемику на страницах своих воспоминаний.

В ноябре 1918 г. будущий «красный банкир» приехал в Советскую Россию для установления контактов с новой властью, позднее вспоминая, что его так вдохновил «энтузиазм и вера в будущее» россиян, что он «почувствовал себя обязанным помогать им», воспринял как «почетное поручение» возможность работать в первом государстве, объявившем о строительстве социализма [1]. На свои личные средства он создал еще три банковских учреждения для ведения дел с советской страной, некоторое время руководил одним из них (Русским коммерческим банком) и в целом принимал активное участие в становлении финансовой системы молодого социалистического государства в первые годы его существования, при этом описав свой опыт личного и профессионального взаимодействия с рядом представителей советского руководства того времени — А.В. Луначарским, Г.Л. Пятаковым и другими.

Весть о смерти В.И. Ленина застала Ашберга в Риме. Он «понял, что это повлечет за собой большие перемены», и поспешил в Москву [1]. 27 января 1924 г. У. Ашберг побывал на прощании с В.И. Лениным. Вскоре он отклонил предложение остаться в качестве консультанта на должности замдиректора Внешторгбанка, в который намеревались преобразовать Русский коммерческий банк, продал свои акции и в апреле того же года, по всей видимости, навсегда покинул Россию. Заметим, что тогда же Ашберг совершенно открыто вывез из СССР соборную им коллекцию православных икон, которые позднее были переданы им Национальному музею Швеции [4].

Как можно заключить из приведенных выше суждений, Улофу Ашбергу довелось стать очевидцем и непосредственным участником событий, имевших большое историческое значение. Безусловно, книга «Странствующий еврей с Гласбрюксгата» является характерным образцом мемуарной литературы. О многих событиях ее автор не упомянул, не коснулся иных своих знакомств, умалил или представил в нужном себе свете собственное участие в тех или иных финансовых операциях, об иных фактах предпочел и вовсе умолчать. Однако воспоми-

нения умного и энергичного человека, вовлеченного в значительные исторические события, несомненно могут помочь заинтересованным исследователям в их дальнейшей работе и после тщательного научно-ро рассмотрения содействовать лучшему и более глубокому пониманию событий революции 1917 г. и Гражданской войны в России.

Литература:

1. *Ашберг У.* Между Россией и Западом. 1914–1924 гг. Из воспоминаний «Красного банкира» // Из глубины времен. СПб.: Альманах, 1993. Вып. 2. С. 3–94.
2. *Aschberg O.* En vandrande jude från Glasbruksgatan. Stockholm: Bonnier, 1946. P. 356.
3. *Khan A.* Hemmabolsjevikerna: den svenska socialdemokratin, ryska bolsjeviker och mensjeviker under världskriget och revolutionsåren 1914–1920. Stockholm.: Carlsson, 2005. P. 394–401.
4. *Абель У.* Русская икона в Швеции. М.: Наука и жизнь, 1987. № 9. С. 10–15.

УДК 94(47).084.3

В.С. Измолик

**Герои и антигерои Великой Российской революции.
1917–1922 гг.**

V.S. Izmozik

**Heroes and Antiheroes of the Great Russian Revolution.
1917–1922)**

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о героях и антигероях Гражданской войны 1918–1922 гг. Вопреки устоявшейся многолетней традиции утверждается, что полководцы и предводители вооруженных армий и отрядов, принадлежавших к различным политическим лагерям, являются антигероями, ибо они все руководили насилием по отношению к своим

соотечественникам. Подлинными же героями Гражданской войны были созидатели: врачи, педагоги, ученые, инженеры, деятели культуры, которые в труднейших условиях продолжали лечить, учить, творить, спасать культурные ценности.

Ключевые слова: герои, антигерои, полководцы, предводители, созидатели, ученые, инженеры, врачи, педагоги, деятели культуры.

Abstract. The article concerns the topic of heroes and antiheroes of the Civil War of 1918-1922. In opposition to the long-standing traditional view of the events, it is stated that the commanders and leaders of armed forces of various political leanings had in fact been antiheroes, having acted in charge of violence towards their countrymen. The actual heroes of the Civil War were the creators: doctors, teachers, scientists, engineers, artists, who, in the worst conditions, continued to heal, teach, create and preserve cultural values.

Key words: heroes, antiheroes, commanders, leaders, creators, scientists, engineers, doctors, teachers, artists.

Сегодня достаточно набрать в Интернете фразу «Герои Гражданской войны» и появится ссылка на множество сайтов, содержащих сведения о белых, зеленых, красных и национальных генералах, командирах, атаманах и предводителях разнообразных вооруженных формирований. Но являются ли эти люди, которые с разной степенью успешности вели братоубийственную войну, подлинными героями, образы которых должны являться примером для последующих поколений? И кто тогда подлинные герои Гражданской войны в России?

В годы Великой Российской революции 1917–1922 гг. друг другу противостояли четыре основных политических лагеря: советский лагерь (большевики и их союзники), белое движение, сторонники «третьего пути» (анархисты, меньшевики, эсеры), национальные движения. Все эти политические силы в ходе ожесточенной Гражданской войны, стремясь одержать победу, прибегали к массовым репрессиям. Историк А.Л. Литвин отмечает: «Красные, белые, зеленые армии и карательные отряды, воюющие в 1918–1922 гг. со своим собственным народом, были одинаково преступны и ответственны за свои злодеяния» [1]. В ходе первого Кубанского («Ледового») похода 22 февраля – 13 мая 1918 г. только что созданной Добровольческой армии его участники знали приказ командующего генерала Л.Г. Корнилова: «... пленных не брать! Ответственность за этот приказ перед Богом и русским народом я беру на себя!». Колчаковский генерал С.Н. Розанов 27 марта 1919 г. отдал приказ: «Начальникам военных отрядов, действующих в районе восстания: 1. При

занятии селений, захваченных ранее разбойниками, требовать выдачи их главарей и вожаков; если этого не произойдет, расстреливать десято-го; 2. Селения, население которых встретит правительственные войска с оружием, сжигать; взрослое мужское население расстреливать поголовно; <...> 6. Среди населения брать заложников, в случае действия односельчан, направленного против правительственных войск, заложников расстреливать беспощадно». Генерал Е.И. Достовалов, начальник штаба генерала А.П. Кутепова, вспоминал впоследствии: «...многие из начальников Добровольческой армии за три года Гражданской войны потеряли всякое уважение к человеческой жизни и людским страданиям. Зверство, насилие и грабеж вошли в обиход жизни и никого не трогали. <...> Повесить, расстрелять, вывести в расход — все это считалось обычным, будничным делом». На Северо-Западе России отличался своей жестокостью полковник С.Н. Булак-Булахович, практиковавший еврейские погромы, массовые публичные казни, в которых лично принимал участие.

Государственный террор широко практиковали большевики. Деятельность ВЧК к концу 1918 г. вызвала жесткую критику со стороны целого ряда деятелей РКП(б) (М.С. Ольминского, Е.М. Ярославского и др.). Даже В.И. Ленин, отстаивавший в начале 1919 г. сохранение ВЧК с ее полномочиями, писал 4 июня 1919 г. председателю Всеукраинской ЧК М.Я. Лацису: «Каменев [Л.Б. Каменев, член Политбюро ЦК РКП (б)] говорит..., что на Украине Чека принесли тьму зла ... Надо подтянуть во что бы то ни стало чекистов и выгнать примазавшихся». Но на практике эти сентенции нередко игнорировались.

Подобным же образом вели себя предводители многочисленных отрядов, представителей так наз. «третьего пути», наиболее известными из которых были Н.И. Махно, А.И. Антонов и другие. Национальные государства, возникшие на обломках Российской империи, в эти годы нередко вступали между собой в межнациональные конфликты или прибегали к репрессиям в отношении национальных меньшинств. Правители Польши пытались реализовать идею «Великой Польши» в границах 1772 г. В Прибалтике происходили вооруженные конфликты Латвии и Польши. На Украине войска главы Директории С.В. Петлюры «прославились» еврейскими погромами, бессудными расправами с местным населением. В Закавказье меньшевистские правители Грузии вели военные действия против Абхазии, Южной Осетии и Армении. Армения конфликтовала с Азербайджаном. Не было спокойствия и в Туркестане.

Таким образом, ни одна из политических сил в ходе Гражданской войны не ставила своей реальной целью подлинную заботу о населении, не проявляла стремления наладить конструктивный диалог с представителями других политических, социальных, национальных и религиозных групп. Поэтому ни политических, ни военных руководителей этих сил недопустимо представлять в образе героев, ибо все эти люди в той или иной степени занимались преследованием, репрессиями, убийством соотечественников, виновных только в принадлежности к другой группе населения. Мысль В.Г. Короленко «нет, не восхвалять надо террор, а предостерегать против него, откуда бы он ни исходил. И благо той стороне, которая... сумеет отрешиться от кровавого тумана и... вспомнит, что мужество в открытом бою может идти рядом с человечностью и великодушием к побежденному» не была услышана политиками на территории бывшей Российской империи.

Вместе с тем в эти годы в стране было немало людей, продолжавших заниматься созиданием. На всей территории страны, контролируемой белыми и красными, шел процесс создания высших учебных заведений и научных институтов, несмотря на тяжелейшее положение ученых и профессуры. В советской России на базе политехнического института создали Нижегородский университет, на основе приехавших преподавателей и студентов из Юрьева — Воронежский, из пединститута «родился» Самарский и т. д. Последний основывался дважды — летом 1918 г. Комитетом Учредительного собрания, а через полгода — декретом Совнаркома. Были учреждены университеты в Костроме, Смоленске, Астрахани и Тамбове [2]. Северо-Кавказский политехнический институт был основан 16 июня 1918 г. решением съезда Совета народного образования Кубано-Черноморской Республики. Его создание поддержали и В.И. Ленин, и главнокомандующий Добровольческой армией А.И. Деникин.

Появились Таврический университет в Симферополе, Екатеринославский, Иркутский, Дальневосточный (во Владивостоке), Тифлисский, Бакинский, Астраханский, Украинский (в Киеве), Каменецкий (в Каменце-Подольском) университеты; политехнические институты в Одессе, Владикавказе, Екатеринодаре, Екатеринославе, Херсоне, Омске; сельскохозяйственные вузы в Одессе, Омске и Ставрополе, коммерческий институт в Ростове-на-Дону, археологические — в Киеве и Ростове-на-Дону; педагогические вузы в Томске, Новочеркасске, Академия ху-

дожеств в Киеве и т. д. В Ташкенте в 1918 г. был учрежден Народный университет и Туркестанский восточный институт, ставшие базой для университета в 1920 г. Открылись консерватории в Киеве, Екатеринода-ре, Тифлисе, Ростове-на-Дону, Харькове, Одессе, Томске [2].

В РСФСР возникли 33 научно-исследовательских института. В том числе будущий НИИ генетики и селекции плодовых растений им. И.В. Мичурина в г. Козлове (Мичуринске). В Петрограде по инициативе будущего академика А.Ф. Иоффе, 23 сентября 1918 г. родился Физико-технический институт. 15 декабря 1918 г. возник Государственный Оптический институт, основанный будущим академиком Д.С. Рождественским. В Москве по инициативе профессора Н.Е. Жуковского 1 декабря 1918 г. начал работу Центральный аэрогидродинамический институт (ЦАГИ). Совнарком поддержал деятельность созданной в 1915 г. Комиссии по изучению естественных производительных сил России (КЕПС). На основе КЕПС была создана Государственная комиссия по разработке плана электрификации России под руководством инженера-большевика Г.М. Кржижановского.

На территории, контролировавшейся белым движением, в годы Гражданской войны был также основан ряд высших учебных заведений. Немало профессоров и преподавателей вузов покинули Центральную Россию и в силу неприятия власти большевиков, и в стремлении спастись от нарастающего экономического кризиса. Эти люди стремились продолжать привычную им деятельность, которую они к тому же считали необходимой для возрождения страны. Многие преподаватели Пермского университета, Уральского горного института (Екатеринбург), Омских политехнического и сельскохозяйственного институтов, Томского университета и Томского технологического института оказались во Владивостоке [3]. 1 ноября 1918 г. во Владивостоке началась работа первого высшего технического учебного заведения — Высшего политехникума. В апреле 1920 г. постановлением Приморской областной земской управы, принявшей на себя функции центральной власти, Политехникум был преобразован в Государственный политехнический институт [3]. В апреле 1920 г. возникло единое учебное заведение – Государственный дальневосточный университет (ГДУ). В 1921 г. во Владивостоке был создан Дальневосточный педагогический институт им. Ушинского [3]. Большинство ученых видели свой профессиональный долг в том, чтобы «делать» науку независимо от характера существующей власти.

На юге России в 1918 г. популярными местами интеллектуального беженства были Киев, Одесса, Харьков, Екатеринослав. В последнем в 1918 г. к ранее существовавшему вузам добавился университет. В Киеве усилиями академика В.И. Вернадского была организована Украинская Академия наук (УАН). В Екатеринодар переехала группа профессоров Тифлисского политехникума во главе с ректором С.А. Захаровым [2]. Ученые, обосновавшиеся на Дону и Кубани, принимали активное участие в создании новых вузов Северного Кавказа — в Ставрополе и Владикавказе [2]. В Симферополе был создан Таврический университет. В 1920 г. там работали четыре академика и 107 профессора, представлявшие различные вузы и научные школы, главным образом, столичные [2]. В Закавказье, во всех трех столицах новых государств — Баку, Ереване, Тифлисе (Тбилиси) — при значительной роли российской интеллигенции были открыты университеты.

На этих территориях также шла напряженная научная работа. В январе 1919 г. в присутствии А.В. Колчака был создан Институт изучения Сибири. Институт занялся организацией Обь-Тазовской экспедиции. Уже летом 1919 г. на Оби работала ботаническая экспедиция В.В. Сапожникова и гидрологическая Д.Ф. Котельникова. Профессор В.В. Дорогостайский продолжил работы по изучению озера Байкал. Институт принимал участие в двух экспедициях, связанных с изучением Северного морского пути: в Обскую губу и в низовья Лены [2]. В декабре 1917 г. в Екатеринодаре возник Совет обследования и изучения Кубанского края. Были созданы аналогичные по задачам Центральному геологическому комитету геологические комитеты на Украине, в Сибири, на Дальнем Востоке [2]. Важной составляющей деятельности научных организаций и отдельных ученых стало сохранение культурного наследия. Продолжали работу музеи, сохраняя и пополняя свои фонды. При минимальной возможности возобновлялись археологические раскопки. Одной из важнейших задач являлось спасение архивов. Объединения интеллигенции были инициаторами празднований юбилеев наиболее важных событий в русской культуре. Отмечались столетие Петербургского университета, сто лет со дня рождения И.С. Тургенева, пятидесятилетие открытия Д.И. Менделеевым периодической системы. Яркими событиями в музыкальной жизни 1918 г. стали мероприятия в честь 25-летия со дня смерти П.И. Чайковского и десятой годовщины со дня смерти Н.А. Римского-Корсакова [2].

В годы Гражданской войны эпидемии не различали линий фронтов и широко распространялись в связи со всеобщим недоеданием и нехваткой врачебной помощи. Они повлекли за собой небывалое количество жертв. За пять лет (с 1918 по 1922 г.) сыпным тифом переболело примерно 20 млн человек. В 1919 г., выступая на VII Всероссийском съезде Советов, В.И. Ленин выделив три ключевые проблемы того времени — война, голод, эпидемии, произнес: «Товарищи, все внимание этому вопросу. Или вши победят социализм, или социализм победит вшей!». На севере России под властью белых, как только в конце 1918 г. отступила «испанка», область охватила эпидемия сыпного тифа. Смертность от тифа достигала 25% от числа заболевших вместо обычных по тем временам 12–15%. Северное правительство немедленно выделило на борьбу с эпидемией около полумиллиона рублей, занялось организацией эпидемических отрядов [4]. Борьба с тифом стала общим делом красных и белых в Сибири. Наступавшие красные привлекли к этому около 6 тыс. пленных. Всех их поставили на боевые пайки Красной армии. При этом основная масса медиков самоотверженно боролась за здоровье пациентов. В конце 1919 г. возник Уральский бактериологический институт, который наладил производство вакцин и сывороток. В 1920 г. в Златоусте начал работать первый рентгеновский кабинет, для лечения больных туберкулезом организуются Троицкий и Чебаркульский кумысолечебные санатории [5].

В тяжелейших условиях продолжалась работа учебных заведений; чернила изготовлялись из свеклы, сажи, клюквы. Дефицит бумаги вел к тому, что в среднем в год на 20 учащихся имелась одна тетрадь. Но одновременно в городах и селах возникали самодеятельные театры, открывались библиотеки. Издавались произведения классиков. Сочинения А.С. Пушкина вышли тиражом почти 1 млн экземпляров. В Петрограде А.М. Горький основал издательство «Всемирная литература».

Таким образом, как подчеркивает историк А.Н. Еремеева, невзирая на гражданскую катастрофу, формировалось будущее России [2]. Именно эти люди, независимо от их политических позиций, продолжали «сеять разумное, вечное», были подлинными героями Гражданской войны. И только по-настоящему поняв и оценив это, мы и наши потомки сможем «зарыть топор Гражданской войны», устанавливая памятники не убийцам, а созидателям.

Литература:

1. *Литвин А.Л.* Красный и белый террор в России. 1918–1922 гг. М.: Эксмо, 2004.
2. *Еремеева А.Н.* «Находясь по условиям времени в провинции...»: практики выживания российских ученых в годы Гражданской войны. Краснодар, 2017.
3. *Малявина Л.С.* Роль ученых Урала и «белой Сибири» в развитии высшей школы и науки Дальнего Востока России (1918–1922 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2010. № 3 (11).
4. *Новикова Л.Г.* Провинциальная «контрреволюция»: Белое движение и Гражданская война на русском Севере, 1917–1920. М.: НЛЮ, 2011 Гл. 5 // URL: <https://history.wikireading.ru/324417> (дата обращения 20.10.2017).
5. *Ерегина Н.* Высшая медицинская школа России в годы Гражданской войны // Высшее образование в России. 2008. № 8.

УДК 94(4)

В.О. Терентьев

1-й Кронштадский крепостной батальон в Первой Русской революции

V.O. Terentev

The 1st Kronstad fortress battalion in the First Russian Revolution

Аннотация. В статье представлена деятельность 1-го Кронштадтского крепостного батальона в ходе Революции 1905–1906 гг. Впервые события рассмотрены как противостояние революционных матросов и крепостной пехоты на фоне расширяющейся работы в войсках партийных групп и ячеек. Показана роль крепостных войск по подавлению восстания.

Ключевые слова: Кронштадт, Кронштадтское восстание, крепостной батальон, 1905, 1906.

Abstract. The article highlights the activities of the 1st Kronstadt fortress battalion during the Revolution of 1905-1906. The confrontation of the revolutionary soldiers and the fortress infantry is for the first time in the historical science analyzed in context of the rise of the revolutionary propaganda in the troops as well as of the expansion of the socialist groups and cells. The role of fortress troops in suppressing the uprising is shown.

Key words: Kronstadt, the Kronstadt Uprising, the fortress battalion, 1905, 1906.

Революция 1905–1907 гг. стала «генеральной репетицией» Революции 1917 г. и в определенной степени обусловила усиленное внимание разных политических партий к армии. После подавления военных восстаний в годы Первой Русской революции ошибки и недостатки работы в гарнизонах были учтены и тщательно проанализированы революционерами. Результаты анализа широко применялись при подготовке и проведении Революций 1917 г. Кронштадт представлял собой обособленный, труднодоступный район, крайне близкий к столице Империи, насыщенный революционными матросами, артиллеристами и достаточно слабо представленный пехотой, сохранявшей верность престолу. В 1905–1921 гг. этим неоднократно пыталась воспользоваться радикальная оппозиция. Одной из пехотных частей, дислоцированных в крепости накануне Первой Революции, являлся 1-й Кронштадтский крепостной батальон. В ходе Кронштадтских восстаний 1905 и 1906 гг. он стал основной силой, вставшей на защиту царского правительства и принявшей первый удар революционных отрядов.

17 октября 1905 г. был объявлен Высочайший Манифест, даровавший всем гражданам Российской империи пять политических свобод. В этот же день вышел первый номер «Известий Совета рабочих депутатов Санкт-Петербурга», публиковавший хронику революционных событий [1. С. 3–8].

События 1905 г., охватившие Россию, затронули и Кронштадтский гарнизон. Еще летом 1905 г. в Кронштадте возникали волнения и беспорядки. На Кронштадтский гарнизон обратили свое внимание социалисты. Известно, что представители РСДРП начали работу здесь летом, а эсеры – с осени 1905 г., т. е. непосредственно перед событиями [1. С. 37].

23 октября 1905 г. в Кронштадте около морского манежа прошел митинг, собравший около 3 тыс. солдат и матросов гарнизона [1. С. 37]. Требования в основном были экономического характера. Военный гу-

бернатор Кронштадта вице-адмирал К.П. Никонов лично пытался образумить солдат и матросов, взывая к воинскому долгу [2. С. 17]. После поездки по экипажам 24–25 октября Никонов ходатайствовал перед морским министром о высылке в Кронштадт дополнительных войск для контроля над волнениями гарнизона.

26 октября 1905 г. команда в 40 человек из чинов 11-й роты 2-го крепостного батальона, наряженная на крепостные работы, отказалась выйти из казарм [2. С. 17–18]. Командиру батальона нижние чины подали лист с перечнем различных их пожеланий. После настойчивого повторения приказа идти на работу команда приказание это исполнила. По пути они попытались безуспешно поднять на выступление учебно-минный отряд и 5-й флотский экипаж. По распоряжению начальника штаба Кронштадтской крепости полковника Свяцкого все манифестанты у манежа были арестованы учебной командой 1-го Кронштадского крепостного батальона под командованием подполковника Михайлова. Арестованные были посажены в поезд для следования к месту заключения [3. С. 87]. Во время маневров на железнодорожной станции поезд был окружен толпой из матросов примерно в 700 человек, которые забросали поезд камнями и вывели из строя машинную команду [1. С. 37]. Начальник караула штабс-капитан Шлехтер и нижние чины караула получили ушибы, причем двое весьма тяжкие. Учебные команды крепостных батальонов отказались стрелять и не могли сдержать сопротивления толпы, которая принялась громить вагоны. Двое арестованных бежали. При таких обстоятельствах начальник караула открыл по толпе огонь. После десятка выстрелов толпа атакующих рассеялась. При этом был застрелен матрос 4-го флотского экипажа Свиридов и двое матросов ранено. Арестованные были доставлены в вагоне на батарею «Константин» [4. С. 14–15]. Матросы и артиллеристы взялись за оружие, желая отомстить. Началось стихийное восстание, в котором участвовало семь из двенадцати флотских экипажей. В большинстве случаев матросы вооружались своим же оружием в экипажах, выдаваемым дежурным офицером под угрозой расправы [1. С. 37]. Плана восстания не было, и взбунтовавшиеся просто бродили по улицам города с оружием и боевыми патронами. В восстании, охватившем весь Кронштадт, приняли участие около 3 тыс. матросов и 1,5 тыс. солдат, однако отсутствие централизованного руководства и дисциплины привело к погромам винных складов, магазинов и жилых домов. Впоследствии большевики объяс-

няли эти факты мародерства и грабежа действиями «черной сотни» и переодетых «агентов охраны» [1 С. 37–38].

1-й Кронштадтский крепостной батальон был поднят по тревоге для наведения порядка в городе. Дозоры и караулы задержали несколько мятежников, грабителей и бандитов, воспользовавшихся восстанием для разбоя и грабежа. За ночь караулы, проводя облавы, арестовали несколько матросов с оружием. При этом большинство арестованных открывали огонь по солдатам и пытались скрыться. Первое вооруженное столкновение пришлось на полуроту поручика Юзикова. Около 8 часов вечера по приказу коменданта крепости полурота встала на углу Соборной и Кронштадтской улиц, фронтом к Андреевскому собору. Отряд моряков открыл по солдатам огонь. Поручик В. Юзиков приказал стрелять вверх голов мятежников. После четырех залпов толпа была рассеяна. В ходе последующего продвижения Соборная улица была очищена от восставших. В настоящий бой с восставшими вступила и учебная команда батальона. После возвращения со станции она приступила к охране 3-й северной казармы. Около 9 часов вечера вооруженная толпа мятежных матросов и хулиганов со стороны Народного дома атаковала казарму. 2-й учебный взвод занял оборону и четырьмя залпами рассеял восставших. Однако вскоре матросы в Безымянном переулке вновь собрали отряд для штурма. Группа музыкантов из 8 человек под командованием прапорщика Ф. Спиридонова, только что произведенного из вольноопределяющихся, заняла оборону на черном дворе казармы. К полуночи со стороны Павловской улицы начался штурм казармы. Пользуясь численным преимуществом и огневой поддержкой со стороны морских казарм, матросам удалось перебраться через забор черного двора, но вскоре они были рассеяны огнем команды музыкантов под управлением штабс-капитана И. Балинова. Патроны солдатам под огнем противника подносил заведующий оружием батальона подпоручик П. Новиков. В ходе боя были ранены рядовые Лукьянов и Иванов. Из-за неудачи штурма казармы матросы разгромили лавку на Высокой улице, но были оттуда изгнаны огнем музыкантов. Интересно, что в этом бою участвовал и капельмейстер батальона С.К. Снигирёв [3. С. 87–89].

27 октября из Санкт-Петербурга и Ораниенбаума на подавление восстания стали прибывать войска. Крепостные роты в городе были сменены подразделениями 93-го пехотного Иркутского полка и возвращены в казармы [3. С. 87]. Утром 28 октября к Кронштадту подошли военные кораб-

ли со специально подобранными командами. Кронштадт был объявлен на военном положении. Вскоре после прибытия войск из Петербурга восстание было подавлено. Матросы и мятежные солдаты были разоружены.

Отличившиеся офицеры за верность царю получили ордена Станислава 3-й степени. Капельмейстер и 14 нижних чинов батальона были награждены серебряными медалями 4-й степени с надписью «за храбрость» на Георгиевской ленте, а 50 солдат серебряными медалями с надписью «за усердие» на Станиславской ленте [3. С. 90].

После Первого Кронштадтского восстания враждующие стороны предприняли ряд шагов для укрепления своих позиций.

С 5 февраля 1906 г. с целью единого руководства крепостными пехотными войсками из 1-го и 2-го крепостных батальонов начато формирование 1-го Кронштадтского крепостного пехотного полка. 18 июня в Петергофе был произведен Высочайший смотр частям Кронштадтского гарнизона. Нижним чинам батальона Николай II пожаловал по 1 рублю.

В это время в Кронштадте революционерами готовится восстание. Для будущей консолидации восставших на основе беспартийного рабоче-студенческого комитета весной 1906 г. большевиками была создана Кронштадтская парторганизация РСДРП. Под непосредственным руководством Петербургского комитета большевики развернули подготовку к вооруженному восстанию. Через рабочие партийные ячейки началось регулярное воздействие на солдат и матросов гарнизона. Шла заготовка оружия и боеприпасов. Кронштадтский гарнизон был среди лидеров по количеству распространяемой нелегальной литературы [5. С. 18]. Денежные расходы по Кронштадтскому району перед восстанием превысили прочие районы на порядок [5. С. 19–20]. Проводились регулярные митинги в районе кладбища. Вскоре большевистские ячейки появились в каждой роте гарнизона, в том числе и в 1-м Кронштадтском батальоне [5. С. 23]. Постепенно лидерство в партийной работе среди солдат и матросов взяла на себя эстонская рабочая группа социал-демократов, возглавляемая большевичкой Идой Сырмус [2. С. 95]. Однако главную роль в подготовке Кронштадтского восстания взяли на себя эсеры, возглавившие объединенный военно-революционный комитет [4. С. 319; 5. С. 255].

18 июля 1906 г. из-за Свеаборгского восстания Кронштадт был переведен на военное положение. Само Кронштадтское восстание из-за партийных разногласий началось лишь 19 июля. В 23.00 матросы 1-й и 2-й флотских дивизий (около 6 тыс. человек) вооружились и арестовали офи-

церов. К восставшим присоединилось около 400 рабочих. Был захвачен арсенал, но оружия в нем оказалось мало. Развить успех восставшим не удалось. Попытка захватить почту и телеграф также окончилась неудачей. До прибытия в город карательных войск офицеры крепостной пехоты попытались организовать отпор мятежникам. 1-й Кронштадтский батальон под командованием полковника Гулина уже в 1.00 20 июля начал очистку Большой Екатерининской улицы от восставших. Было арестовано около 40 человек. К утру 3-я рота полностью заняла Большую Екатерининскую. Пулеметная команда поступила в распоряжение гвардейцев Финляндского полка, батальон которых прибыл еще ночью для обыска и арестов 11-го и 16-го флотских экипажей [2. С. 126–128]. Утром 20 июля восставшие матросы (до тысячи человек) с моря на лодках и со стороны тира попытались штурмом взять казарму 1-го крепостного батальона, где квартировал и батальон Финляндцев. Ведя огонь по окнам казармы, они атаковали ее с двух сторон. Учебная команда 1-го батальона и наряд гвардейцев залпами отражали нападение [4. С. 319]. Лишь прибытие подразделений 94-го Енисейского полка помогло не только отбить нападение, но и арестовать зачинщиков. Таким образом, восстание 1906 г. также было подавлено благодаря оперативному вмешательству крепостных войск.

16 августа 1-му Кронштадтскому крепостному пехотному полку было пожаловано знамя. Нижним чинам было выдано по 1 рублю. 17 августа в Петергофе состоялся парад по случаю 100-летия 1-го Кронштадтского крепостного батальона. Николай II поблагодарил батальон за верность и пожаловал нижним чинам еще до 5 рублей каждому. За успешные действия по подавлению восстаний ряд офицеров был награжден орденами.

В ходе восстаний 1905 и 1906 гг. несколько десятков человек были убиты, свыше 300 ранено. До 6 тыс. матросов и около тысячи солдат было арестовано. Из них 19 были расстреляны, 177 отправлены на каторгу, 330 оправданы, около тысячи подвергнуты тюремному заключению [2. С. 129–130].

На Первой конференции военных и боевых организаций РСДРП в ноябре 1906 г. роль Кронштадтской военной организации была оценена очень высоко. Она была выделена в отдельную самостоятельную с правом решающего голоса. Возглавила ее товарищ Аллина (Ида Сырмус) [5. С. 5–8]. Социалисты изначально уделяли мало внимания крепостной пехоте. Гораздо серьезнее были охвачены моряки и прибываю-

щие войска [5. С. 23]. Это было одной из ошибок, допущенных большевиками, поскольку именно крепостные батальоны сыграли решающую роль в начале восстания, обеспечив контроль над важными точками города до прибытия войск округа.

Литература:

1. 1905. Материалы и документы / под ред. М.Н. Покровского. М.: Госиздат, 1925.
2. Восстания в Балтийском флоте. 1905–1906 гг. Сб. статей, воспоминаний, материалов и документов / сост. И.В. Егоров. Л.: Прибой, 1926.
3. Краткая хроника 1-го Кронштадтского крепостного пехотного батальона / сост. штабс-кап. Н. Никитин. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1906.
4. Военные восстания в Балтике в 1905–06 гг. М.: Центархив, Партийное издательство, 1933.
5. Первая конференция военных и боевых организаций РСДРП. Ноябрь 1906 год / под ред. Ем. Ярославского // Протоколы съездов и конференций ВКП(б). М.: Партизат, 1932.

УДК 94(420)“1640–1660”

Е.А. Терентьева

**Эдвард Хайд, граф Кларендон,
и Английская революция**

Е.А. Terenteva

**Edward Hyde, Earl of Clarendon,
and the English Civil War**

Аннотация. В статье рассматривается специфика отражения событий Английской революции середины XVII в. в труде Эдварда Хайда, графа Кларендона, «История мятежа и гражданских войн в Англии». Хайд стал роялистом лишь накануне «великого мятежа», и даже тогда его позиция отличалась умеренностью. Политические взгляды Кларендона нашли отражение в его наиболее известном произведении, которое позволяет сделать

выводы и о точке зрения автора на определяющую роль личности в истории. Возможности использования «Истории мятежа» как источника далеко не исчерпаны, в статье предлагается один из путей дальнейших изысканий с применением просопографического метода.

Ключевые слова: Эдвард Хайд, первый граф Кларендон, «История мятежа и гражданских войн в Англии», Английская революция, английская гражданская война, XVII век.

Abstract. The article investigates the specific reflection of the English Civil War in “The History of the Rebellion and Civil Wars in England” by Edward Hyde, the first Earl of Clarendon. A prominent historian and politician of the epoch, Hyde became a royalist just before the “Rebellion”, and even then his position had stayed rather moderate. Hyde’s political views were reflected in his best known “royalist” work, which was also characteristic of his idea of the crucial role of the individual in history. Appealing to “The History of the Rebellion” as a historical source is still very promising. This paper proposes the use of the prosopographical method as an attractive way of analyzing Clarendon’s heritage.

Key words: Edward Hyde, 1st Earl of Clarendon, “The History of the Rebellion and Civil Wars in England”, the English Civil War, XVII century.

В год столетнего юбилея событий 1917 г. в России неизбежны новые обращения исследователей к общей проблеме революций в мировой истории, поиски генетической связи между событиями разных эпох, которые принято обозначать термином «революция», продолжение давних терминологических споров.

XVII век породил одно из первых событий такого рода в истории Запада — Английскую революцию, которая также известна как Английская буржуазная революция и Английская гражданская война и к которой восходит возникновение конституционной монархии в Британии. Интерес к этому периоду английской истории в исторической науке не ослабевает на протяжении нескольких столетий, и появление все новых работ, посвященных самым разным аспектам событий тех лет, свидетельствует о том, что дискуссия об Английской революции середины XVII в. далека от своего завершения.

Взгляд исследователей обращался — и обращается — как к социально-политическим проблемам английского общества и вопросам становления конституционной монархии в Англии, так и к особенностям политической полемики эпохи; традиционной популярностью пользуется историографическая проблематика [1]. Вновь и вновь возвращаются ученые к терминологическим дискуссиям, связанным с различными

обозначениями событий середины XVII в. в Англии, хотя еще в 70-е годы XX столетия американский исследователь П. Загорин предложил весьма удачную классификацию западноевропейских восстаний и революций раннего Нового времени [2]. Согласно этой классификации события английской истории середины XVII в. правильнее всего описывает термин «революционная гражданская война»: по охвату различных слоев общества, масштабности целей, степени организованности участников, развитости идеологии [2].

На протяжении почти двух веков — с середины XVII до второй половины XIX вв., т. е. до распространения методологии позитивизма и превращения истории в область профессиональных исследований — полемика об Английской революции оставалась достаточно ярко политически окрашенной, партийной. В историографии Английской революции этой эпохи принято выделять торийскую (консервативную) и вигскую (либеральную) историографические традиции, основы которых были заложены еще современниками событий гражданской войны.

И если в зарубежной, прежде всего британской, исторической науке анализировались и переосмысливались обе эти традиции, то в отечественной науке живой интерес к взглядам консервативного крыла историков возник лишь в постсоветский период. В последнее десятилетие растет количество публикаций, посвященных философскому осмыслению Английской революции современниками, в том числе роялистами (чьи воззрения и поведение в советской историографии оставались на периферии внимания исследователей).

Основу торийской интерпретации событий английской истории в середине – второй половине XVII в. заложил выдающийся политический деятель того времени Эдвард Хайд, после реставрации монархии в Англии получивший титул первого графа Кларендона. Полное название его произведения — «История мятежа и гражданских войн в Англии, начавшихся в 1641 году. С предшествующими событиями и деяниями, которые внесли в нее вклад, и счастливым концом, и завершением их благословенной Королевской Реставрацией, и возвращением 29 мая 1660 года. Написанная почтенным Эдвардом графом Кларендоном, покойным лордом-канцлером Англии, тайным советником в правления королей Карла Первого и Карла Второго» [3].

В первые десятилетия XXI в. наследие Кларендона становится объектом исследования все большего числа отечественных исследователей.

В 2016 г. была защищена посвященная ему диссертация С.М. Морозова на соискание ученой степени кандидата исторических наук [4]. Интерес исследователей вызывают особенности политической позиции Э. Хайда как государственного деятеля, система его политических взглядов, нашедшая отражение в его наследии, наконец, его объективность как историка [5]. В ближайшее время в Санкт-Петербурге планируется публикация «Истории мятежа» в переводе на русский язык с научным комментарием.

Выходец из среды джентри, Эдвард Хайд сделал блестящую политическую карьеру. Он заседал и в коротком, и в Долгом парламенте, и в 1641 г. стал советником Карла I. В 1642 г. он присоединился к королю в Йорке. Несмотря на свое искреннее и резкое порицание сторонников парламента, Эдвард Хайд придерживался достаточно умеренных взглядов, что отдалило от него короля. С 1645 г. судьба Хайда была связана с наследником престола принцем Чарльзом, в возведении которого на престол он принимал живое и непосредственное участие. После реставрации монархии он получил графский титул и занимал ключевые государственные должности, однако в 1667 г. был вынужден выйти в отставку и бежать во Францию из-за многочисленных обвинений со стороны Палаты общин в политических ошибках и в использовании своего влияния в королевстве в корыстных целях [5].

Э. Хайд начал работу над «Историей мятежа и гражданских войн в Англии» еще в 1646 г., и ее первый вариант был закончен в 1648 г.; позднее, в 1672 г., во французском изгнании, он дополнил и расширил его. Окончательный вариант состоял из 16 книг. Однако при жизни автора ни первый, ни второй варианты не были опубликованы. Впервые «История мятежа» увидела свет в начале XVIII в. и неоднократно переиздавалась на протяжении XVIII–XIX вв. Наиболее полным и правильным считается издание этого труда У. Данн Макреем в 1888 г., которое дважды переиздавалась репринтным способом в XX в. [3; 5].

Это произведение представляет собой интереснейший материал для анализа. «История мятежа» — свидетельство очевидца и непосредственного участника событий, созданное на основании свидетельств очевидцев, личных воспоминаний автора, а также переписки и документов, оказавшихся в его распоряжении. Бесспорно, работу Кларендона нельзя считать ни исчерпывающей, ни беспристрастной. Однако все новые и новые обращения исследователей к его труду доказывают, что его изучение является весьма плодотворным.

Итоговый вариант «Истории» охватывает события с начала правления Карла I в 1625 г. до реставрации монархии в 1660 г. На первый взгляд может показаться, что Кларендон, вполне в духе ренессансного историописания подражая античным авторам, создал масштабное историческое полотно, описание происходивших в Англии политических событий, без серьезного анализа их глубинных предпосылок.

Причины мятежа и гражданской войны он относил к стечению случайных обстоятельств, человеческим ошибкам и порокам. Кларендон писал, что до созыва Долгого парламента королевство процветало, и даже в 1640 г. предсказать грядущий «мятеж» было невозможно [3]. Фигура короля под пером автора-роялиста вполне предсказуемо оказалась практически непогрешимой — со ссылками на дурных советников и недостаточную решительность монарха, который, обладая рассудительностью и верно оценивая ситуацию, зачастую следовал рекомендациям тех, кто разбирался в политике значительно хуже [3]. Действия «клики» (faction) парламентских радикалов, которые и инициировали гражданскую войну, оцениваются Кларендоном исключительно критически.

Однако более тщательное изучение «Истории мятежа» позволяет выделить в этом произведении несколько любопытных идеологических мотивов. Впервые это было сделано в начале XX в. Чарльзом Фиртом, и ценность его выводов подтверждали исследователи и столетие спустя [5. С. 46–47]. Речь идет о том, что, помимо желаня сохранить память о гражданской войне для следующих поколений историков и стремления защитить Карла I, Кларендон не в последнюю преследовал дидактическую цель — «предложить правильную политику в будущем» [5. С. 47], и, используя историю как инструмент «социального научения», оградить будущих королей и их советников от ошибок прошлого.

Однако следует ли из вышесказанного, что Кларендон был ярким и последовательным противником революции, абсолютно ее отрицавшим? В этом контексте имеет смысл обратиться к представлениям Эдварда Хайда о государстве. Прежде всего, характерна используемая им терминология: термин «государство» в его трудах преимущественно заменяется термином «королевство». То есть именно монархия составляла для него основу политического порядка, и в «Кратком обзоре опасных и пагубных заблуждений в отношении церкви и государства в книге мистера Гоббса под названием “Левиафан”» (1670) он писал о преимуществе монархии перед любыми другими формами правления [4. С. 103]. Для

Англии монархия в его понимании была лучшей формой правления, а король — «смыслообразующим и конституирующим центром английского государства» [4]. Но Кларендон не зря был активным членом парламента до мятежа и впал в немилость Карла I за умеренные взгляды после его начала. И «История мятежа», и «Краткий обзор» содержат описание сложной системы ограничений королевской власти парламентом и законом; и, хотя Кларендон декларировал абсолютность королевской власти, фактически он рисовал картину той конституционной монархии, которая сформировалась в Англии в результате порицаемого им «мятежа» [4. С. 104]. Именно это имеют в виду те историки, которые называют его «отцом... порядка, установившегося после периода междуцарствия» [4. С. 103].

В «Истории мятежа» Кларендона нашла отражение еще одна специфическая черта его историко-политических воззрений. Хотя король оставался непререкаемым участником политического процесса, сам этот процесс был невозможен без огромного количества разнообразных участников, причем не только официальных лиц и советников короля, но и «заурядных людей», имеющих хотя бы отдаленное отношение к политике и формированию информационного поля в государстве, а также членов их семей [3]. Фактически Кларендон предложил (не формулируя ее) концепцию определяющей роли личности в истории, что уже отмечалось некоторыми исследователями [4].

Текст «Истории мятежа» изобилует упоминаниями отдельных личностей — от тех, кто занимает верхние ступени социальной иерархии королевства, до простых фермеров, которых автор называет по именам. Все перипетии «мятежа и гражданской войны» складываются из поступков и решений разнообразных действующих лиц. Историю творят конкретные люди, и Кларендон подчеркивает это, порицая как бездеятельность многих парламентариев, допустивших начало войны, так и недобросовестные методы «клик» Пима; этот же мотив прослеживается в похвале «тех немногих, кто, подвергаясь гонениям и упрекам, по обязанности и по чувству сопротивлялся ломающему течению» [3] — узкой группировке умеренных политических деятелей, к которым относился и сам Эдвард Хайд [5].

В связи с подобным восприятием Кларендоном роли личности в истории хочется отметить еще одну, открывающую интересные перспективы возможность использования «Истории мятежа» как источника по истории Английской революции. Выше говорилось о значительном количестве имен, фигурирующих в этом произведении: их более четырехсот.

Очевидно, Кларендон упоминал наиболее значимые с его точки зрения фигуры; таким образом, их перечень сам по себе вызывает значительный интерес. Применение же просопографического метода к лицам, упомянутым в «Истории мятежа», позволило бы сделать ряд обобщений и выводов, углубив наши представления о позициях Кларендона как политика и историка, и одновременно дополнив существующую социополитическую картину Английской революции.

Литература:

1. *Креленко Н.С.* Образ английской революции в общественной памяти Великобритании XVII–XX веков. Саратов.: Изд-во Саратов. ун-та, 2012.
2. *Zagorin P.* Rebels and Rulers 1500–1600. Vol. 1–2. Cambridge.: Cambridge University Press, 1982.
3. The History of Rebellion and Civil Wars in England begun in the Year 1641, by Edward, Earl of Clarendon / Ed. by W. Dunn Macray. In 6 vol. Oxford: University Press, 1969.
4. *Морозов С.М.* Образ государства в сочинениях Эдварда Хайда, графа Кларендона (1609–1674) // Новый век: история глазами молодых: Межвуз. сб. науч. тр. молодых ученых, аспирантов и студентов / под ред. Л.Н. Черновой. 2014. Вып. 13. С. 100–107.
5. *Соколов А.Б.* Кларендон как историк // Диалог со временем. 2013. № 45. С. 41–69.

Сведения об авторах

АЛЁШИН Алексей Сергеевич — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков ФГОБУ ВПО Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича, alexis001@mail.ru

АНДРИЯНОВА-КАЧЕИШВИЛИ Лиана Тамазиевна — старший преподаватель кафедры социально-политических наук ФГОБУ ВПО Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича, k.liana78@gmail.com

АНТОНОВ Сергей Николаевич — заведующий кафедрой коммуникативных технологий и сервисной деятельности факультета бизнес-коммуникаций Университета при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС, кандидат философских наук, доцент кафедры социально-политических наук ФГОБУ ВПО Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича, sant54@yandex.ru

БАРГ Анастасия Олеговна — старший научный сотрудник лаборатории методов анализа социальных рисков здоровью ФБУН Федеральный научный центр медико-профилактических технологий управления рисками здоровью населения, старший преподаватель кафедры социологии ФГБОУ ВО Пермский государственный национальный исследовательский университет, an-bg@yandex.ru

БЕЛОВА Евгения Николаевна — старший преподаватель кафедры русского и иностранных языков ФГОБУ ВПО Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича, evgenia.belova@bath.edu

БЕЛОВА Елизавета Васильевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры социально-политических наук ФГОБУ ВПО Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича, limax3@yandex.ru

БУЛАТОВА Анастасия Борисовна — старший преподаватель, кафедры иностранных языков ГФ ФГБОУ ВО Санкт-Петербургский госу-

дарственный университет телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича, bulatova25a@gmail.com

ВОСТРОВ Алексей Владимирович — старший преподаватель кафедры телематики ФГАОУ ВО Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, доцент Института графического дизайна ФГБОУ ВО Санкт-Петербургский университет промышленных технологий и дизайна, alex.sinkriver@gmail.com, vostrov_av@spbstu.ru

ВЯЗЬМИН Алексей Юрьевич — кандидат философских наук, доцент кафедры социально-политических наук ФГОБУ ВПО Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича, isvaradesa@yandex.ru

ГЕХТ Антон Борисович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и регионоведения ФГОБУ ВПО Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича, a.geht@yandex.ru

ЖЕЛТОВА Елена Петровна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных и русского языков ФГОБУ ВПО Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича, elena_gzheltova@mail.ru

ЗЕМЛЯКОВА Ксения Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков ФГОБУ ВПО Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича, ksu-zemlyakova@mail.ru

ЗОБОВА Мария Романовна — кандидат философских наук, доцент кафедры социально-политических наук ФГОБУ ВПО Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича, swbusoff@mail.ru

ИГНАТЬЕВА Наталья Валерьевна — старший преподаватель кафедры иностранных языков ФГБОУ ВО Российский государственный гидрометеорологический университет, ignatieva@inbox.ru

ИЗМОЗИК Владлен Семенович — доктор исторических наук, профессор кафедры истории и регионоведения ФГОБУ ВПО Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича, izmozik@mail.ru

КИРЬЯНОВА Наталия Владимировна — кандидат исторических наук, доцент кафедры связей с общественностью ФГАОУ ВО Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина), 10marta@inbox.ru

КОРНЕВ Вячеслав Вячеславович — доктор философских наук, профессор кафедры социально-политических наук ФГОБУ ВПО Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича, vvkornev@yandex.ru

КУЗНЕЦОВА Екатерина Игоревна — кандидат политических наук, доцент кафедры социально-политических наук ФГОБУ ВПО Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича, kuznetsova13@yandex.ru

КУЛЬНАЗАРОВА Анастасия Витальевна — аспирант, ассистент кафедры социально-политических наук ФГОБУ ВПО Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича, kulnazarova@m.gf-sut.ru

ЛЕБЕДЕВА-НЕСЕВРЯ Наталья Александровна — доктор социологических наук, доцент, заведующая лабораторией методов анализа социальных рисков ФБУН Федеральный научный центр медико-профилактических технологий управления рисками здоровью населения, профессор кафедры социологии ФГБОУ ВО Пермский государственный национальный исследовательский университет, natnes@list.ru

МАЛЬЧЁНKOVA Анна Евгеньевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социально-политических наук ФГОБУ ВПО Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича

МАХОНИНА Ирина Николаевна — старший преподаватель кафедры иностранных и русского языков ФГОБУ ВПО Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича, irmakhnina@mail.ru (Статья представлена заведующей кафедрой, доцентом, кандидатом филол. наук Е.Ф. Сыроватской)

МИТИНА Юлия Валерьевна — кандидат географических наук, доцент кафедры иностранных языков ФГБОУ ВО Российский государственный гидрометеорологический университет, juliet3000@mail.ru

НЕШИТОВ Петр Юрьевич — кандидат философских наук, доцент кафедры социально-политических наук ФГОБУ ВПО Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича, pneshitov@mail.ru

НИКОЛАЕВА Людмила Александровна — старший преподаватель кафедры иностранных и русского языков ФГОБУ ВПО Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича, nickolaeva.lyudmila@yandex.ru

НУР Диана Абдуселимовна — магистрант кафедры социально-политических наук гуманитарного факультета ФГОБУ ВПО Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича, diana25.05@yandex.ru

ПАРИЦКАЯ Татьяна Ильинична — старший преподаватель кафедры иностранных и русского языков ФГОБУ ВПО Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича, petrosoftru2010@yandex.ru

РЕШЕТНИКОВА Марина Александровна — аспирант программы «Международные отношения и мировая политика», кафедра мировой политики ФГОБУ ВО Санкт-Петербургский государственный университет, reshetnikovaspb@gmail.com (Статья представлена научным руководителем доктором философских наук, профессором кафедры мировой политики СПбГУ Н.А. Васильевой)

РОДЮКОВ Алексей Федорович — кандидат философских наук, доцент кафедры социально-политических наук ФГОБУ ВПО Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича, a.rodukov@yandex.ru

РЯБУХА Ольга Владимировна — доцент кафедры английского языка и лингвострановедения Института иностранных языков ФГБОУ ВО Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, starlight533@mail.ru

САВЕЛЬЕВА Татьяна Павловна — заведующая кафедрой иностранных языков ФГОБУ ВПО Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича, tpsavelieva@gmail.com

СЕЛИВЁРСТОВ Виктор Леонидович — кандидат философских наук, доцент кафедры социально-политических наук ФГОБУ ВПО Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича, svict@pisem.net

СЕРЕБРЯКОВА Светлана Георгиевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков ФГБОУ ВПО Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича, c_ssg@bk.ru

СИТНИКОВА Татьяна Анатольевна — магистрант кафедры социально-политических наук гуманитарного факультета ФГОБУ ВПО Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича, Sitnikova13@myrambler.ru

СОКОЛОВА Алёна Васильевна — ассистент кафедры истории и регионоведения ФГОБУ ВПО Санкт-Петербургский государственный университет им. проф. М.А. Бонч-Бруевича, alena.sokolowa@mail.ru

СОКОЛОВА Юлия Михайловна — старший преподаватель кафедры иностранных языков ФГОБУ ВПО Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича, sokolovaum@yandex.ru

СТРЕЛЬНИКОВА Татьяна Валерьевна — старший преподаватель кафедры социально-политических наук ФГОБУ ВПО Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича, tetiana-stv@mail.ru

ТЕРЕНТЬЕВ Вячеслав Олегович — кандидат исторических наук, заведующий музеем ФГБОУ ВО Государственный университет морского и речного флота им. адмирала С.О. Макарова, terehv@mail.ru

ТЕРЕНТЬЕВА Екатерина Анатольевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и регионоведения ФГОБУ ВПО Санкт-Петербургский государственный университет им. проф. М.А. Бонч-Бруевича, e.a.terenteva@bk.ru

ФЕДОРОВА Ольга Михайловна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных и русского языков ФГОБУ ВПО Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича, olga.246188138@mail.ru

ФЕЙЛИНГ Татьяна Борисовна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры связей с общественностью ФГОБУ ВО Российский государственный гидрометеорологический университет, feiling@mail.ru

ХАШКОВСКИЙ Алексей Васильевич — кандидат политических наук, доцент кафедры философской антропологии и общественных коммуникаций ФГБОУ ВО Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, achao@yandex.ru

ЦВЕРИАНАШВИЛИ Иван Алексеевич — старший преподаватель кафедры истории и регионоведения ФГОБУ ВПО Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича, ivan.tsver@gmail.com

ШУТМАН Денис Валерьевич — кандидат политических наук, доцент кафедры социально-политических наук ФГОБУ ВПО Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича, denis_sh2@mail.ru

ЯКОВЛЕВ Олег Александрович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и регионоведения ФГОБУ ВПО Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича, olegyakovlev2002@mail.ru

ЯЦЕНКО Мария Вадимовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных и русского языков ФГОБУ ВПО Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича, toma345@yandex.ru, yatsenm@mail.ru

Научно-теоретический журнал

ВЕСТНИК
Гуманитарного факультета
Санкт-Петербургского государственного
университета телекоммуникаций
им. проф. М.А. Бонч-Бруевича
№ 9 / 2017

Специальный выпуск

Материалы конференции преподавателей
«Социогуманитарное знание в условиях
трансформации общества»

на

XIX Международном Балтийском
коммуникационном форуме

**«Глобальные и региональные коммуникации:
настоящее и будущее»**

30 ноября – 2 декабря 2017 г.

Корректор Е.Л. Белкина

Подписано в печать с оригинал-макета 28.11.17.
Формат 60×84^{1/16}. Бумага офсетная.
Объем 15 п.л.
Тираж 300 экз. Заказ 17.

193232, Санкт-Петербург, пр. Большевиков, д. 22
Гуманитарный факультет СПбГУТ
<http://www.sut.ru/index.php/teaching/ft/fakultetgf>
www.gf-sut.ru
